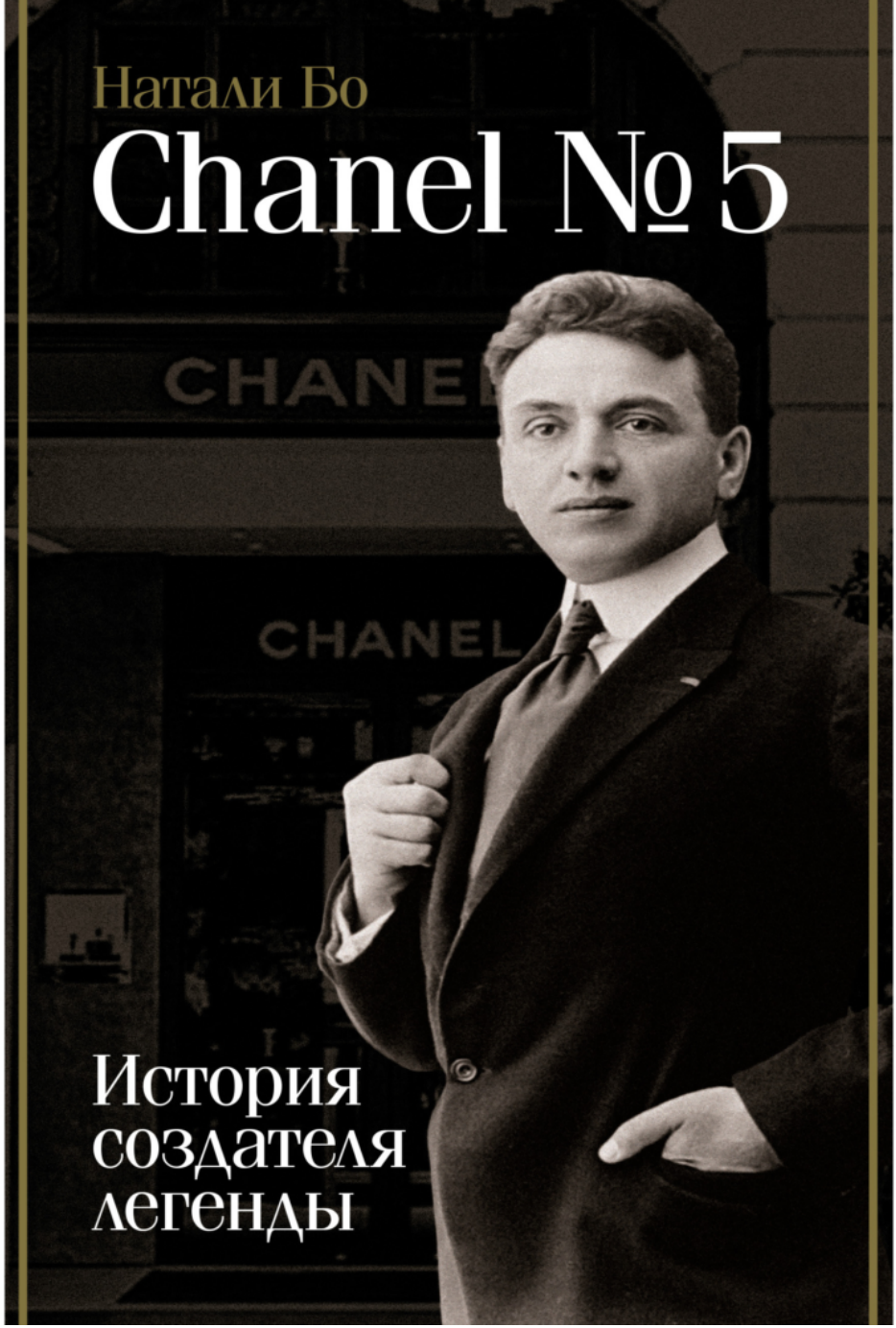
Натали Бо

Chanel №5



История создателя легенды

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эрнест Бо один из самых выдающихся талантов французской парфюмерии. Выходец из Русской империи французского происхождения, он совершил революцию в мире парфюма. Создатель Chanel No.5 не только создал легенду в мире ароматов, но и прошел непростой жизненный путь. На его веку две войны, революция в России и эмиграция во Францию.

Через что пришлось пройти парфюмеру? Как Эрнест Бо познакомился с Коко Шанель? Как сложилась личная жизнь талантливого мастера парфюмерного дела? Что вдохновило его на создание аромата и как это связано с Россией?

В своем главном детище, Chanel No.5, он запечатлел незабываемый аромат северной природы, оставив след не только в истории парфюмерии, но и создав один из символов мировой культуры.

- Натали Бо
  - ○
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
  - ○ Часть III
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
  - ○ Эпилог
  - ○ Послесловие
  - ○ Фотографии
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4

Натали Бо
Chanel No.5. История создателя легенды

© Nathalie Beaux, текст, 2024
© Д.С. Кондрашов, перевод, 2024
© MACHA PUBLISHING, 2024
© Издательство АСТ, 2024

Часть I
Дуэт

Глава 1
Письмо Нести к Иде

Париж, 25 января 1932
Дорогая подруга,
Получил твое письмо от 22 января. Это правда: прошло двадцать лет, мы были погребены под снегом, и поезд пришел очень поздно…

Храм Воскресения в Сокольниках был набит битком, всем было крайне любопытно на тебя посмотреть, а ты, моя принцесса, несмотря на твою элегантную отстраненность оставалась такой простой. Все они, так же как и я, были во власти твоих глаз, легкий блеск синего в них наводил на мысли о снеге и зимним небе утром на рассвете где-то далеко-далеко на ледяном озере Крайнего Севера. Во всяком случае, такими я, никогда не знавший эти земли за полярным кругом, представлял их, и уж тем более совершенно не подозревал, что однажды мне придется жить там, в окружении войны и ненависти.

В тот день я был безмерно счастлив. Все улыбалось мне тогда, на заре 1912 года. Мне хотелось укусить твои щеки, попробовать на вкус этот рот, такой утонченный, подчеркнутый вот тут, с правого края, совсем легкой улыбкой. Хотелось трогать, ласкать твои маленькие кудрявые локоны, что вырывались из-под вуали. Они были такими свободными, естественными, бежали навстречу свету. Совсем такой же бывала и ты каждый раз, когда нам доводилось гулять вдвоем по лесу, где мы ходили, бегали, затаив дыхание, опьяненные этим небом, простиравшимся перед нами на опушке леса, этой жизнью, что пустилась галопом и бросила нас навстречу друг другу, столь недвусмысленно.

Умирая от нетерпения и вопреки традиции, которая требует, чтобы будущий муж благоразумно ждал в церкви, я решил прийти и забрать тебя. Мне хотелось похитить, унести тебя прямо на руках! И вот мы оказались в поезде, вдвоем. А у машиниста этого поезда была восхитительная манера притормаживать, останавливаться, снова трогаться, это было похоже на недоверчивые всхлипы перед приближением нашего счастья. И я смаковал эти мгновения, что предназначались мне, мне одному (твоя мама, конечно, была рядом с тобой, но я ее не замечал). В свете, мерцавшем при движениях вагона, я упивался твоим лицом, этими отражениями, что играли на твоей коже, изяществом твоей шеи, когда ты, расхохотавшись, откидывала

голову немного назад, твоим озорным взглядом, что завораживал и овладевал мной, приковывал к тебе и душу, и сердце. Снег шел все сильнее и сильнее, и, помнишь, мы смеялись, не зная, приедем ли мы когда-нибудь, наконец, на эту свадьбу, а ведь это была наша свадьба.

Я протянул тебе руку, и тут вдруг вся моя страсть странным образом обернулась сладким покоем, таким, которого я никогда до тех пор не знал. Что, неужели одна только эта милая девушка могла утолить мою ярость к жизни и залечить мои раны? Этот взгляд, твой длинный силуэт и твои пышные белокурые волосы, бежавшие словно ручей, чем-то делали тебя похожей на Василису Премудрую, что пригласила меня, городского человека, француза, которым она так восторгалась, в свою сказку…

Ты была всем тем, чем не были другие. Я полюбил тебя с того самого первого дня, как увидел. Ты, словно лебедь, скользила по катку… Придя в себя от восторга, я бросился к тебе, чтобы мягко кружить вокруг тебя, пока ты резвилась, едва осознавая мое присутствие. Но вдруг, по ходу движения, не глядя, не касаясь друг друга, мы соединились и закружились почти в полной гармонии. Я проводил тебя и немного натянуто поклонился. И тут вдруг, сам не знаю почему, я запел, а ты подхватила мою песню звонким, как летний дождь, голосом. Это был дуэт *La ci darem la mano,* и ты его тоже знала, как и я.

Твою любовь к музыке я обнаружил позже. Твои пальцы скользили по роялю, так же легко, как твои ноги по льду. Ты понимала и чувствовала музыку, жила ею. Мне довелось аккомпанировать нашему великому певцу Собинову на рояле у Евсеевых, в их гостиной, что я делал с волнением и счастьем. Но когда мне довелось познакомиться с интимной стороной своего музыкального вдохновения, когда ты позволила мне сесть за твое пианино, чтобы я подобрал аккомпанемент к той вокальной партии, которая будто рождалась где-то в глубине тебя, я был ошеломлен. То, что содержала в себе партитура, вдруг исчезло, а я унесся далеко за пределы пейзажей и меланхолических намеков, в самое сердце, которое билось, отдавало себя и описывало своими совершенными интонациями тот мир, глубины которого я еще не осознавал, но где я двигался все дальше, вдыхая вместе с тобой музыкальный аромат, который наполнял мою душу, и где твои каденции клубами устилали землю, перемешивали ее с небом, заливали ее роскошью небесных гармоний. Именно там, рядом с тобой, когда я вернулся из одного из тех величественных путешествий, в которые ты завлекала меня своим голосом, это желание единения отпечаталось в моем сердце.

В тот день, когда мы наконец вошли в православный храм в Сокольниках, ты пробудила во мне католике, которым я был, другого меня, часть России, ждущую своего часа, знакомую с детства, но ей, однако, ещё не доводилось проявиться. Ты была немкой, я был французом, и оба мы были русскими. Русской ты была по матери, а твой отец, балтийский немецкий барон, дал тебе вместе со своим титулом и языком это красивое имя, Шоенайх. Ты была единственной дочкой, а я – десятым ребенком в семье. Моя прусская мать была второй женой моего отца-француза. От неё, вместе с ее родным языком, мне передались устойчивый темперамент и надежный характер. Однако я был погружен во французскую культуру, сначала учась во французской школе в Москве, а затем в лицее Сен-Филипп-Нери. Но Россия ждала меня за порогом квартиры, в которой мы жили в Москве. Ее язык, ее способ чувствовать и видеть стали моими. Как и я, ты чувствовала себя глубоко русской, хотя, конечно, это было совсем не так.

Тебе было восемнадцать, мне тридцать… Как улыбался нам 1912 год!

Когда священник вел нас обоих за руку, я не мог удержаться от того, чтобы взглянуть на тебя: твою безмятежную сладость, твое чистое лицо, окруженное ореолом короны на голове.

Да, в тот год я чувствовал себя непобедимым! Окрыленный твоей любовью и нашим союзом, в то время я также создавал то, что впоследствии стало моим первым большим успехом: «Букет Наполеона». С каким терпением ты слушала своего Нестю – так ты ласково называла меня – с воодушевлением вещавшего про Императора и его сражения! Мы были тогда на пороге столетия Бородинской битвы, и было уместно отметить юбилей творением, достойным этого события: пряным, слегка древесным и шипровым одеколоном с оригинальной нотой, которую добавлял бальзам египетского происхождения. Он был воплощен в очень сдержанной бутылке, увенчанной изысканной пробкой, украшенной имперским орлом. Под горлышком бутылки черным по золотому фону шла надпись: 1812 N 1912. Этикетка изображала задумчивое лицо Императора с глубоким и решительным взглядом на фоне цвета сепии, надпись гласила: *Bouquet Napoléon, Sté Rallet, Moscou* (*«Букет Наполеона», Товарищество А. Ралле, Москва)*. Небольшой буклет, оформленный в память о битве, был напечатан и распространен товариществом. На его обложке можно было увидеть всадника, скачущего верхом на коне с поднятой саблей, – дань уважения моему деду, раненному в Смоленске. Вся Москва расхватала одеколон, и «Букет Наполеона» вскоре отправился покорять

Российскую империю и даже ее отдаленные провинции, сочетая мощь, простоту и изысканность настолько успешно, что его хотели носить женщины всех слоев общества. И это уж был не тот Император, что запускал своих доблестных солдат наполеоновской гвардии в бескрайние русские леса и степи, а влюбленный человек, что галантно преподносил цветы своей супруге. И каждый русский, даря своей возлюбленной этот драгоценный флакон, вкладывал ей в руки частичку того огромного букета, который, как говорили, однажды сам Наполеон собрал для своей нежной Жозефины.

В тот год я был скован, как кандалами, днями работы техническим директором на заводе, выставками, концертами, операми, балетами, но не забывал и о прогулках с тобой, моя Идочка. В октябре наш сын свернулся клубочком, укрывшись у твоей талии, некогда такой тонкой, и принялся очерчивать на протяжении месяцев округлости, которые переполняли меня счастьем. А 21 июня 1913 года он появился на свет. Я дал ему имя Эдуард, это имя носили мой дед, наполеоновский герой, мой отец и мой старший брат. Казалось, все сулило нам светлое будущее…

«Его творения, успех которых увенчался "Букетом Наполеона", носили в Москве все слои общества – от самого простого купца до балерины, и даже принцессы»

Ида

Париж, 28 ноября 1969

Ида сидит в темной квартире на авеню де Терн. Серый свет зимнего утра медленно проникает в комнату. Старинные часы продолжают мерно отсчитывать время, тикая и тикая; только один их голос звучит в замкнутом пространстве. Под столом стоит куча картонных коробок, хранящих разрозненные воспоминания. На стенах висят черно-белые фотографии царя и его семьи, композиторов, русские деревенские пейзажи, композиторы, несколько вырезок из газет… На рояле и рядом, на полу, разбросаны ноты, на столе тоже – только чуть меньше. Рядом с кроватью висит иконка, перед ней мерцает небольшая лампадка, свет от нее проходит сквозь красное стеклышко. В темноте можно разглядеть большую сиамскую кошку, которая, кажется, всегда спит.

Но Иды здесь нет. Ее душа находится в России. Страна,

которую она так, в сущности, никогда и не покинула. Ей было всего двадцать шесть, когда она приехала во Францию холодным осенним днем 1920 года, но ее рот так и не сумел предать свой родной язык, ее русский акцент всегда заставляет слова петь, а предложения колебаться; что касается французской грамматики, не говоря уже об орфографии, то тут она избрала свободный подход, который можно было бы назвать поэтическим.

Слегка наклонив голову, повязанную голубым бархатном тюрбаном, из-под которого выбиваются несколько белых прядей, она смотрит, не моргая, на пейзаж, приютившийся в ее сердце… Это небольшое село Ивановское, где она провела все свои детские каникулы с любимыми двоюродными братьями. С одной его стороны тянется река Истра, тогда довольно широкая и глубокая. Через нее перекинут небольшой мост. Прямо в сельской местности расположена ткацкая фабрика дяди Сержа. А кругом – лес. Дорога из Москвы занимает несколько часов: час поездом до станции Кориково и еще двадцать верст верхом. Это не так далеко, но тем не менее путь неблизкий. Здесь есть несколько невысоких домиков и небольшая церковь, где крестили двоюродных братьев Сережу и Володю. А как дядя Серж любил играть на скрипке! Одной рукой он руководил фабрикой, а другой устраивал для театралов спектакли и выставки русских художников. Здесь, несомненно, зародился и актерский талант его сына Володи.

Ее взгляд падает на портрет Володи в роли Гамлета. На мгновение Ида останавливается на воодушевленном лице двоюродного брата, а затем переходит к письму, которое держит в руке. С губ срывается долгий вздох…

> *Париж, 25 января 1932*
> *Дорогая подруга,*
> *Получил твое письмо от 22 января. Это правда: прошло двадцать лет, мы были погребены под снегом, и поезд пришел очень поздно…*

Рука немного дрожит, затем отпускает листок. В дверь ее памяти нахлынули воспоминания, они рвутся переступить порог, но нет, эту дверь она не откроет. Старинные часы мерно оживляют своим тиканьем тишину квартиры. За окном раздается шуршание: это три голубя уселись на цинковый подоконник. Один из них бьется клювом в стекло. Ида улыбается, радуясь этому ежедневному ритуалу, который вырывает ее из сумятицы прошлого. И вот уже ослабевает его мощное дыхание, которое снова не смогло унести ее. От галопа ее воспоминаний остается только далекий стук копыт, бьющих на медленной рыси по

неровной дороге памяти. Она, помнящая то, что лучше иногда было бы забыть…

Женщина встает и подходит к окну, берет горсть пшеницы и аккуратно рассыпает ее по подоконнику. Голуби немного расступаются, чтобы позволить старушке выдать им их утренний рацион.

Ида закрывает окно, и долго созерцает птичий пир, эту простую радость, потом смотрит на прямоугольник снежного неба между стенами, над крышами, и вот за медленным вдохом следует выдох, а в уголках ее губ появляется легкая улыбка.

Это было…

Нестя

Париж: 25 января 1932

> *… Мы вели себя неуклюже по отношению к жизни, попирая рождающееся счастье. Мы оба были неправы. Но больше всего виновата была твоя мать. Глупая, нелепая, болтливая, бестолковая женщина. Вместо того, чтобы вразумить тебя, она настроила тебя против меня. Остальное произошло оттого, что ты оказалась не подготовлена к жизни, не смогла приспособиться к моему воспитанию, точнее, моему образу жизни. И вспыльчивость моя, и то, что я избалован братом, женщинами, судьбой, природой, темпераментом, вкусом и многими другими вещами, словом, целым букетом недостатков.*

Да, мы не смогли найти дорогу… Ты была так молода, ребенок еще… Я любил в тебе все, чего не было в других, моя сказочная принцесса, и как я мог ожидать, что ты сможешь ориентироваться в этом мире, столь алчном во всем, что касается внешней оболочки, пропитанном обольщением, бескомпромиссном в своих ритуалах, но где я имел свое место и нравился себе? Я любил блистать, и мне это давалось легко, потому что я был одаренным: я слышал мелодию и тут же садился за рояль и воспроизводил ее на слух, со всеми нюансами; лишь единожды попробовав блюдо я мог воспроизвести всю его палитру, и даже улучшить его, совершенно не боясь спуститься на кухню под насмешливыми взглядами гостей, следовавших за мной… Я был в курсе последних вернисажей, в самом сердце художественных движений, сотрудничал с величайшими

талантами для создания красивых этикеток для наших духов или их рекламы. Я всегда бежал на балет и не пропускал ни одной новой постановки. Из всего этого я в самом деле черпал вдохновение: зрением, вкусом, всеми своими чувствами я улавливал то, что питало мои творения, и работал неустанно.

Но ты… ты была воздухом леса, духом, бегущим на рассвете между туманами, жаворонком, а потом черным дроздом, чье пение ведет ото сна к реальности… строгим, нераненым драгоценным камнем, который сиял изнутри. Когда ты выходила на прогулки, все эти сущности стыдливо собирались в каждом движении твоего взгляда, а порой озорно проявлялись с краешков твоей улыбки, в уголках твоих глаз. Они не могли этого разглядеть, а меня раздражала их слепота, но в итоге я оправдывал их, несмотря ни на что… Я любил тебя, и хотел от тебя того, чем ты не была. А ты… будучи такой непорочной, ты ничего этого не понимала, и это меня еще больше, до такой степени раздражало, что мне хотелось разбить этот совершенный фарфор, заставить его упасть на землю и насильно смешать его с реальным миром.

У нас было мало времени, это правда. Всего полтора года. В итоге мы уже всего лишь пересекались, я ходил с одного приема на другой, может быть, и потому что хотел убежать от нашего союза, который никак не ладился. Два тела притягиваются друг к другу, но не могут слиться, и в конечном счете оказываются несовместимы. Ты уезжала подолгу к своим двоюродным братьям. Я ужасно завидовал твоему вольному полёту рядом с ними. Я знал, что, спускаясь по рекам на лодке и гуляя по лесам, ты наконец дышишь свободно. В то же время я и сам чувствовал облегчение, так как в это время мог вести свою жизнь так, как мне хотелось, ни о чем не задумываясь.

Вода этих нескольких месяцев просто утекла сквозь наши пальцы… а что же осталось? Остался наш сын, Эдуард, который был еще слишком мал, когда началась война.

Глава 2
Конец лета

Ида уютно устроилась в тепле своих воспоминаний. Она думает о тех последних месяцах перед войной.

То летом под Харьковом, в Короновке… Огромный дубовый лес, через него течет река Оскол. Бесконечный фруктовый сад. Захватывающие дух конные прогулки, и вечера у окна старого дома, из которого открывался вид на всю усадьбу, далекие горы, а ближе к наступлению ночи взору открывалось небо самых безумных цветов… Это было волшебно.

Кузина Лиза, ее муж и ее пятеро братьев, столько доброты и жизнерадостности!

Молодая женщина улыбнулась, вспомнив первый шаг сына. Разразилась гроза. Ребенок пока еще ползал. При ударе грома, охваченный паникой, он встал и сделал первый шаг, чтобы броситься в объятия матери. Ах, этот первый шаг!

Это были последние мгновения сладкой, беззаботной жизни. Ида закрывает глаза…

Конец шюля 1914

Какое жаркое лето стояло в 1914 году! Перед рассветом Ида выскальзывает из дома без малейшего звука. Она пересекает парк и доходит до леса, стремительно углубляется в него. Девушка знает все тропинки и любит следовать за лунным светом, который прочерчивает путь ее шагов сквозь листву. Она переступает осторожно, чтобы не задеть ветки, так легко, что можно подумать, что она вовсе не касается земли. Доносится песня жаворонка, близится рассвет. Внезапно становится прохладнее, и она слышит шорох неподалеку. Ида останавливается. Нет, ничего, показалось. Она продолжает движение и вдруг замирает как вкопанная, когда пересекает путь кабана. Сильный, мускусный запах животного присутствует настолько явно, что, вероятно, и сам зверь не за горами. Молодая женщина продолжает свой путь, сердце колотится, уши прислушиваются. Одна за другой просыпаются птицы. Тень меркнет под бледным светом, цвета словно выходят из темноты и оживают. Ида останавливается и срывает несколько ягод ежевики, смакует их, чувствует каждую маленькую черную крупинку, щелкая языком по нёбу. Вдруг справа она чувствует движение. Ида медленно поворачивает голову.

На нее смотрит лань. Она идет по своему пути, олененок плетется за ней по пятам. Лань маленькая, но ноги кажутся такими длинными, такими стройными… Ида разглядывает изящный изгиб ее шеи, обращенные к ней большие уши, огромные черные глаза, устремленные на нее, вглядывающиеся ей в лицо! Девушка замирает. Лань тоже. Малыш подкрадывается к маме сзади, привлеченный листом, сверкающим в первых лучах восходящего солнца. Наконец лань опускает голову, берется за травинку, продолжая изучать краем глаза Иду, которая остается неподвижной. Она так близко. Животное поднимает голову, долго и напряженно смотрит на нее. Затем мирно уходит со своим олененком. Ида опускает руку с ежевикой на кончиках пальцев. Она дает тихому шагу лани и ее олененка запечатлеться в памяти как момент чистой свободы. Согретые мягким теплом первого утреннего солнца, цветы в тени смешивают свои ароматы с нежной влажностью подлеска. Ида наклоняется, срывает и целует этот букет ароматов.

Мысли о спокойствии и уверенности лани все еще будоражат ее ум, когда она добирается до двери дома. Кузены завтракают. На столе вкусная еда: малина и черная смородина из огорода, варенье, свежеиспеченный хлеб, кувшин сливочного молока, сыр… Подают чай. Ида с удовольствием откусывает кусочек сыра. Тетя нежно смотрит на девушку, замечает несколько веточек, зацепившихся за подол платья; в волосах запутался листок.

– Поедем кататься на велосипедах?

– Ида, что ты будешь играть на пианино?

– Куда делась партитура Шумана, которую ты привезла из Москвы?

Вдруг приносят телеграмму: она от Эрнеста. Ида встает, ее сердце чувствует неладное. Что могло случиться? Что-то с его матерью? Текст краток: «Всеобщая мобилизация в России. Скоро буду мобилизован. Возвращайся как можно скорее домой с Эдуардом, чтобы <я мог> увидеть вас перед отъездом».

Бумага выскальзывает из руки Иды. Внешне все остается таким же, как было: радость от общей трапезы, небо весь день обещает быть голубым и безоблачным, все в предвкушении музыки и прогулок… Но нет! Мир ушел, а радость угасла. Девушка сообщает ужасную новость собравшейся за столом семье.

Все встают, лица серьезны, в мыслях люди уже находятся где-то в другом месте, готовые паковать вещи. Нужно возвращаться. Ида в растерянности собирает чемодан, забывает одежду, игрушки Эдуарда, ноты. Она спешит на станцию, чтобы сесть на первый же поезд. Тетя собирает ей в дорогу что-то съестное; и вот они уже в вагоне, поезд отправляется, ребенок, сидя у Иды на

коленях, машет из окна вагона кузенам. Те поедут следующим поездом. На вокзале полно народу, в вагонах тем более. Нет больше и следа радостной летней суеты. Беспокойство, суматоха повсюду. Судорожные жесты, крики, открытые рты, взгляды в пространство, неровное дыхание, каждый пытается приспособиться, найти точку опоры в окружающем хаосе, увлекаемый мощным дыханием толпы, потрясенной ужасом.

В поезде Ида благословляет небеса, что нашлось сидячее место для нее и сына. Ребенок спокоен. Однако в вагоне очень жарко и вокруг постоянный шум. Разговоры оживленные. Обсуждают последние новости, мобилизацию, альянсы, врага. Эдуард играет с застежкой маминого браслета. Время от времени он переводит глаза на Иду. От матери ему достались такие же светлые глаза, он смотрит на нее – и словно вода переливается от одного озера к другому, он будто ныряет в эту прохладную воду и понимает, что там все спокойно, все на своих местах. Затем он слегка улыбается и продолжает играть с маминым сокровищем.

Ида наблюдает за ребенком. Она кажется совершенно спокойной, ее поведение резко контрастирует с поведением ее соседей. Она знает, что у нее есть время. Но она не подозревает, что поездка продлится три дня, с множеством незапланированных остановок каждой станции и на перегонах между ними. Ида всегда любила путешествовать по России на поезде, очарованная этим ощущением неподвижности перед пейзажем, который будто бы сам проходит перед окном, со всеми его лесами, озерами, небольшими избами с покатыми крышами, хвойными деревьями, березами и снова березами.

Однако сегодня девушка не видит ни леса, ни домов. Она чувствует, как, на краю оврага войны, которая поглотит все, время раскрывается и разворачивается. Словно прошлое, потеряв присущий ему монохромный колорит, вдруг вновь отразилось перед ее взором самыми яркими красками, прежде чем исчезнуть навсегда в этой головокружительной трещине настоящего, безотлагательного, бездыханного и бездушного, сизо-серого настоящего, в тени смерти.

А сейчас молодая женщина снова открывает книгу своей памяти и нежно, с благодарностью, перелистывает страницы.

Раннее детство в доме Мараевой на Суворовской улице в Москве, где она играла в их большом дворе с Катей, ее давней подругой – родители Иды приютили девочку, и она была для них как вторая дочь. Дом, окруженный садом с кустами роз всех цветов. Ида любила вдыхать их аромат, стоя с закрытыми глазами. А какой там был малинник, кусты были выше девочек!

Большая собака Белка, с такой густой шерстью, что в нее можно было погрузить руки так, чтобы их стало совсем не видно. Эта собака следовала за ней повсюду, приходилось даже бороться с родителями, чтобы они разрешили пускать ее в комнату. Поскольку поначалу животному в этом праве было отказано, Иде приходилось несколько раз засыпать вместе с собакой прямо на земле, свернувшись калачиком рядом с ней. Были в доме еще две кошки, Матрешка и Барсик, вместе с Белкой они были просто идеальной компанией для игр! В саду росла невысокая яблоня, на которую Ида любила забираться. Каждая ветвь в ее воображении превращалась в комнату. Там они с Катей проводили часы, принимая воображаемых гостей, предлагая им к чаю гусеницу, листочек или веточку. Родители много путешествовали, поэтому дети росли под присмотром милой бабушки.

В один из весенних дней 1904 года, когда Иде едва исполнилось десять лет, на Москву обрушилась страшная буря. С неба падали градины величиной с яйцо, ветер невероятной силы сметал все на своем пути, и даже унес куклу Иды, сидевшую на окне ее комнаты. С разбитым сердцем наблюдая, как ее игрушка улетает, девочка стояла, поглощенная неистовством стихии, высвобожденной где-то на небе и обрушившейся оттуда на землю. Это был настоящий потоп. Ида и не подумала закрыть окно, словно загипнотизированная могущественной и разрушительной работой природы. Через несколько часов вернулся отец. Он замерз, промок и дрожал от холода и слег в постель с высокой температурой. Врачи поставили ему диагноз воспаление легких. Так несчастье ворвалось в их дом. Состояние отца ухудшалось, и его отправили в Крым, в надежде, что там он сможет поправить здоровье. Затем, когда дела пошли хуже, он с супругой уехал в Швейцарию, чтобы пробыть там больше года. Катя и Ида покинули дом своего раннего детства. Ида затосковала. Она ужасно скучала по отцу и матери. Конец счастливым праздникам в их объятиях, как было раньше каждый раз, когда они возвращались из поездок!

Девочки переехали в квартиру на Семеновской. Размером она была больше, чем дом, но не было сада, яблони и малинника. Собаку Белку отправили в деревню к кузенам, кошек тоже. Иду и Катю разместили на втором этаже, а на первом жили тетя и двоюродный брат Виктор. Он был настоящей занозой, постоянно досаждал и доставлял им неприятности, всякий раз пугал их, когда они возвращались из школы, выпрыгивая из-за двери. Также он очень любил нанести грязи у входа в квартиру, чтобы потом свалить всю вину за этот проступок на девочек…

В 1905 году, когда вернулись родители, Ида не узнала отца.

Этот красавец с тонкими чертами лица, светлыми глазами и мягкой улыбкой, прикрытой тонкими усиками, стал теперь не более чем тенью самого себя. Сгорбленный, с лицом желтого цвета, взгляд его был обращен куда-то далеко-далеко, куда детям доступа не было. Дочь страдала, видя отца таким. Как бы ей хотелось помочь ему и сделать так, чтобы он снова стал молодым и счастливым папой прошлых лет!

В России тем временем вспыхнула революция. В Москве начались беспорядки. Дети часто оставались дома и смотрели в окно на бегущих куда-то людей. Было много шума, криков. Здоровье отца продолжало ухудшаться. Врачи решили, что в Москве ему оставаться нельзя. Поэтому он вернулся в Крым с женой – семья отца потребовала, чтобы мать Иды последовала за мужем. Ида знала, что мать стоит перед мучительным выбором. Как ей оставить дочь снова, сколько времени пройдет на этот раз? К счастью, тетя Виллемайн и тетя Берта вызвались позаботиться о девочках!

Родители так и не вернулись. В 1906 году фаб-рика отца, производившая вату, простыни и банные полотенца, сгорела дотла: все пропало! Месяц спустя, 6 мая 1906 года, едва отметив свое двенадцатилетие, Ида узнала о смерти отца…

Ида чувствует, как у нее скручивается живот. Невозможно вспоминать об уходе отца, не переживая вновь непреодолимой утраты, не ощущая себя покинутой. Ей даже не довелось поцеловать его в последний раз.

Никаких радостей жизни, игр у девочки больше не было. Она прилежно училась в лицее, старательно выполняя все, о чем ее просили. На самом же деле девочка погрузилась в себя в себя, туда, где еще бурлило что-то невидимое. Только Катя имела доступ в этот тайный сад.

Без средств к существованию жизнь стала тяжелой. Во-первых, пришлось продать квартиру. Однако Бог не оставил семью посреди этого бедствия: «случайно» мать встретила свою бывшую учительницу. Та предложила ей две комнаты в своем доме. Здесь они прожили три года. Но для маленькой Иды самое трудное было еще впереди – разлука с Катей, навсегда ставшей ее сестрой. Мать отправила девочку к крестной в деревню, потому что она просто не могла больше позволить себе содержать двоих детей.

Живот Иды сдавливает, словно тисками. Эта рана так и не зажила. Ее память отказывается следовать дальше по пути болезненного прошлого. Это невыносимо! Просто из чувства сохранения она отбрасывает в угол хорошо завязанный узелок воспоминаний и тяжелых эмоций. Однако, сделав глубокий вдох,

Ида все же пытается увидеть вещи более ясно. Она чувствует, что ей необходимо преодолеть этот шаг, чтобы смочь противостоять приближающемуся урагану…

Ее сын заснул, убаюканный тряской вагона и окружающим шумом. Его маленькая рука сжимает указательный палец матери. Лицо мальчика выражает умиротворение. На мгновение Ида черпает утешительную силу в спокойствии спящего сына, и тихая нежность наполняет ее, облегчая боль. Она смотрит в окно. Так мало верст пройдено за день. Когда же они прибудут?

Итак, какими же они были, эти комнаты? Девушка напрягает память, но никаких воспоминаний о них к ней не приходит. Мать нашла работу в бюро. Ида с головой ушла в учебу в старшей школе. Она хмурится, но не может ничего ясно разглядеть. Зацепиться не за что, никаких эмоций. Унылое серое ничто. Она думает, однако, о том, что в те страшные годы, когда она и ее мать мужественно вели борьбу с несчастьем, между ними установилась настоящая связь и, более того, доверие, которое нерушимо связывало их всю последующую жизнь. Вера Иды за это время только окрепла. Несмотря на страшное испытание, юная девушка приняла и отдала свою судьбу в руки Божии, не бунтуя, обретя в любви Христа опору, веру, освещающую всякую повседневную тьму. «Господи, помилуй! Да будет воля Твоя!»

Эта фраза, которую девочка повторяла про себя тогда, посреди бури, не менее важна для нее и сегодня. Радостное ощущение мира и покоя укореняется в ней и озаряет душу. Вот где опора, вот где убежище, что бы ни случилось! Кроме того, все всегда в итоге как-то складывается. Мать снова вышла замуж в 1908 году. Отчим, хороший человек, владелец переплетной мастерской у Красных Ворот, вел себя с Идой как настоящий отец. Жизнь снова обрела легкое дыхание. Жили они тогда в Сокольниках, на улице Митьковской, 16, в красивом деревянном доме.

На первом этаже была большая терраса, обрамление которой было сделано из стеклянных медальонов всех цветов, через которые Эдуард впоследствии так полюбил разглядывать улицу. Дом окружал красивый розовый сад.

Катя вернулась в семью, и обе девочки ликовали. Им много нужно было рассказать друг другу: тонкие нити, что связывали их, были разорваны, и предстояло соединить их заново. За эти три ужасных года столько всего случилось, они оставили детство позади, став хорошенькими юными девушками, немного застенчивыми и одинокими. У Иды всегда была склонность к учебе, она любила гимназию и поглощала все книги, с

неутолимой тягой к знаниям, особенно к естественным наукам и истории. Сколько раз она брала книги из библиотеки, чтобы читать поздно вечером дома, просто из желания изучить больше о предмете, который проходили в классе!

Ида улыбается, вспоминая зимние каникулы в Малой Азии, с тетей Елизаветой, в Байрам-Али, игры с маленьким Гришей, экзотическую атмосферу этого края, контрастировавшего с харьковским лесом, где они обычно проводили лето. Годы солнца, света и радостного цветения. Она смотрит на Эдуара и думает о той радости, что охватила его во время прогулки по саду с двумя сенбернарами, которых тесть привязал к маленькой повозке. Это было 21 июня, в его самый первый день рождения. Малыш радостно смеялся и с криком хлопал в ладоши, увлекаемый двумя огромными собаками, а те катали его по всему саду…

Внезапно поезд останавливается. Люди высовывают головы в окна. Движению помешала телега, нагруженная узлами. Лошадь уперлась, и ее никак не сдвинут с места. Мужчины спускаются на помощь, толкать телегу. Все со смехом комментируют происходящее, и в результате напряжение, царившее в вагоне, наконец уходит.

День начинает меркнуть. А надо еще добраться до Курска! Или его уже проехали?

Реки, леса и луга сменяют друг друга. Через несколько часов, когда поезд наконец прибывает на вок-зал Курска, уже темно. А с наступлением темноты у людей возрастает усталость и беспокойство. Одни бегут от войны, другие едут, чтобы присоединиться к своему полку. Что с ними будет?

Стоянка должна продлиться два часа, поэтому Ида спускается на перрон, где она присмотрела крестьянку, продававшую пирожки с мясом и капустой, чтобы купить их. Чуть поодаль на корточках сидит женщина в цветном платке, повязанном на голове, и предлагает персики и малину, их Ида тоже берет, говоря себе, что раз уж поезд преодолел за столь долгое время лишь треть пути, лучше запастись провизией. Эдуард в восторге от суеты, царящей на перроне. В облаке пыли при тусклом свете вокзальных фонарей над головами проносятся чемоданы, узлы, свертки, из окон протягивают руки, и кто-то с улицы тянет руки им навстречу. Мест в поезде больше нет, и люди, сидящие на перроне, терпеливо ждут следующего эшелона в надежде, что смогут в него сесть. Закончив с покупками, Ида возвращается, садится у окна и делится с сыном пирожками. Они затевают игры, и так коротают время до тех пор, пока поезд, наконец, не тронется с места.

Ребенок прижимается к Иде, и она уже собирается спать, когда вдруг чувствует, что за ней кто-то наблюдает. Она поворачивает голову и сквозь полу-опущенные веки пытается разглядеть, кто это. Напротив нее, в стороне, сидит мужчина, у него на плече спит десятилетний сын. Незнакомец, увидев ее открытые глаза, улыбается ей по-доброму, без подтекста. Она не отводит взгляд. В темноте ее лицо светится. Нежность материнских рук, твердое и непоколебимое плечо отца – оба охраняют сон своих детей. Их глаза сияют; они молча обмениваются эмоциональными взглядами, убедившись, что их чада спокойно спят. Как соскучилась Ида по такому плечу… как бы ей тоже хотелось ощутить его сегодня, успокоиться перед лицом грядущей войны. Их с мужем отношения так еще толком и не сложились, а он уже собирается воевать. В конце концов, она засыпает в тени этого умиротворяющего взгляда, этой понимающей улыбки, которая будто перекидывает ей через всю окружающую суету мостик надежды, придающей уверенности.

Утром, когда Ида открывает глаза, она снова чувствует взгляд незнакомца, который, кажется, наблюдает за ней. На этот раз она застенчиво улыбается ему в ответ. Теперь она может его разглядеть лучше, чем вечером накануне. Лицо у мужчины вытянутое, нос тонкий, волосы довольно короткие, зачесаны назад, лоб широкий. Руки длинные, изящные. На его коленях покоится голова спящего ребенка, он свернулся калачиком и свесил ноги. Мужчина выглядит высоким, пожалуй, выше ее. Он слушал, как она спит, и стал свидетелем ее снов, вернее, ее кошмаров, и вот ей кажется, что они уже так давно знакомы, хотя еще не обмолвились ни единым словом. Храп соседки окончательно развеивает сон. Ида садится, поворачивает голову к окну. Очередная остановка. Затекшие руки и ноющая спина дают о себе знать, женщина хочет встать и пройтись. Но Эдуард еще спит, а в коридоре толпятся люди, многие просто лежат на полу. У нее не хватает смелости вступить в борьбу с ними, и она капитулирует. Ида остается на своем месте в купе, с благодарностью осознавая свое привилегированное положение. В купе через ламели опущенной шторы все активнее пробивается дневной свет. Слышно только дыхание спящих с открытыми ртами пассажиров. В вагоне жарко и влажно. Струйка воздуха проникает через верхнюю часть окна и обдувает шею. Как благословенно это дыхание, ласкающее ее изнеможенную болью шею! Девушка вспоминает, что затянула волосы и закрепила их шляпной булавкой, так как ничего другого под рукой не нашлось. Прическа, должно быть, уже растрепалась, но зато шея открыта, и ей не так жарко. Свободной рукой Ида поправляет

импровизированный пучок, который плавно съехал вниз, пока она спала. По молчаливому участию мужчины она чувствует, что он способен оценить ее изящный жест. Он и она – единственные в купе, кто не спит. Незнакомец успокаивает ее взглядом. «Нет, прическа не распустилась, и так вам очень даже идет», – как бы говорит он. Она отводит взгляд, гладит детскую ручку, поправляет свою одежду. В этот момент игрушка сына вдруг выскальзывает из его рук. Ида осторожно наклоняется, чтобы поднять маленького бурого медвежонка, который скатился ей под ноги, но чужая рука ловко хватает его и протягивает ей. Маленькая искра вспыхивает и легким пожаром расходится у нее внутри. Вручив ей игрушку, незнакомец слегка касается ее ладонями, так, как если бы он собирался сыграть на рояле, ненамеренно, почти извиняясь. Девушка кивает головой в знак благодарности. Он улыбается, слегка игриво и немного смущенно. Она запихивает игрушку между ребенком и своим животом и решительно отворачивается к окну. Сельская местность выныривает из утреннего тумана и проглядывает сквозь щели между ламелей. С деревьев вдоль дороги раздается птичий гомон.

> *«Я любил в тебе все, чего не было в других, моя сказочная принцесса, и как я мог ожидать, что ты сможешь ориентироваться в этом мире…»*

Сколько они уже здесь стоят? Ида думает об Эрнесте, который ждет их, а ведь ему нужно отправляться на фронт. Тоска сжимает ее сердце. Какая судьба ждет его, что случится с ними? Муж будет так далеко… а его кипучая энергия, сможет ли она чувствовать ее огонь, когда он будет за тысячи километров? Та самая энергия, что очаровала ее с первой встречи, это непреодолимое обаяние, эта незаурядная воля и ум, этот способ задействовать все свое существо, чтобы произвести на девушку неизгладимое впечатление, полностью окутать ее своей силой, своим плотным взглядом… Ида глубоко вдыхает. А он, что останется у него в памяти о жене, когда ее не будет рядом? Этот взгляд, бледный, как озера Крайнего Севера, когда робкая ласка заходящего солнца словно задерживается, чтобы дождаться первых лучей едва восходящей зари? Почему талантливый человек, обладающий таким успехом, заинтересовался этой семнадцатилетней девушкой?

Ида помнит их первые объятия, это глубокое, интуитивное ощущение гармонии, которое они обрели, подстраиваясь друг под друга, мощное, как волна бушующего моря. Если ночи сближали

их и открывали новые пути друг к другу, то дни, казалось, неумолимо их разлучали. Разногласия из-за самых незначительных мелочей, непонимание их разных ритмов, незнание пространства другого, досады, сухие реплики… Музыка оставалась единственным связующим звеном, нейтральной территорией, где каждый складывал оружие, чтобы наконец открыться другому. Но Ида не была светской женщиной, она не умела блистать. Ее не занимало остроумие, особенно если сказанное было обидным или насмешливым.

Ида оставалась отстраненной во время их совместных выходов в свет и, наконец, по негласному согласию, стала оставаться дома, а Эрнест уходил один. Когда муж возвращался домой, его злил царивший там беспорядок, тогда как жена наоборот, чувствовала себя в нем свободно, но раздражалась из-за того, что Эрнеста не было рядом.

В этой трещине, что образовалась между ними, воцарились тишина, которая больше не сближала, и ледяные взгляды. Ида даже, пожалуй, чувствовала что-то наподобие страха, но не знала, чего именно она опасалась. Появление на свет Эдуарда только усугубило или, вернее, оправдало отдаление супругов друг от друга. Когда сперва она была беременной, потом – молодой мамой, вокруг нее образовалась своего рода невидимая зона, пространство, куда не было доступа никому, кроме ее матери. Таким образом, каждый принял свой распорядок жизни. Отныне большая часть дня была заполнена занятиями, встречами, которые они больше не разделяли. Супруги иногда встречались только за завтраком или во время короткой беседы в конце дня. Тогда муж бегло целовал волосы жены вечером после работы перед и походом на балет или в оперу. К тому же Эрнест ничуть не попытался удержать Иду, когда кузены пригласили ее провести лето в Харькове. Конечно, он любил сына и брал его на руки, обнимал и пылко целовал, но затем без лишних слов опускал обратно, потому что разговоры с малышом казались ему излишними. Мать, напротив, проводила долгие часы с Вовой, как она ласково называла сына, играла с ним, ласкала и присматривала за ним, даже когда он спал. Няня тоже часто оставалась с ребенком, поэтому Ида могла сколько угодно гулять или играть на пианино. Но спать мальчика укладывала всегда только мать, напевая придуманные ею колыбельные на русском или немецком языках.

Итак, кто же будет ждать ее, когда она приедет в Москву? Муж, спешащий на фронт, который только увеличит ту пропасть, что уже разделяет их, или мужчина, внезапно осознавший, что за сокровище у них есть – их сын, – мужчина, жаждущий унести с

собой то, что он осознал с самого первого взгляда, желающий снова пробудить и разделить с ней это притяжение, такое мощное, почти магнетическое, эту общность двух миров, которые стремятся слиться друг с другом, так друг друга и не узнав?

Тем временем пассажиры начинают просыпаться, звучат голоса, люди шевелятся, стряхивают с себя оцепенение мрачной тяжелой ночи. В купе каждый достает провизию, предлагает соседям. Из рук в руки переходят абрикосы, колбаса, хлеб. Незнакомец встает и уходит. Он возвращается через десять минут с чаем, предлагает его Иде. Она с благодарностью принимает. Теплая живительная волна напитка делает восприимчивее к окружающему. Девушка благодарит мужчину, предлагает ему фрукты и угощает его ребенка, сидящего напротив нее, пирожками. Незнакомец снова уходит и приносит чай для себя и сына. Пассажиры веселятся и говорят обо всем и ни о чем, как будто тревоги о ближайшем будущем на время улетели, отогнанные радостным весельем летнего утра. Широко открывают окна и поднимают шторы. Купе заливает солнечный свет, и прохладный ветерок распространяет по вагону аромат хвои. Все вздыхают и на мгновение замолкают, предаваясь этому приятному ощущению утра, втекающего в окно и проходящего по вагону.

Дошел слух, что поезд вот-вот тронется. Это внезапно напоминает людям о реальности, их взгляды встречаются. «Где именно мы сейчас? Мы должны быть в Орле во второй половине дня». Ида хмурится. Значит, до Москвы добираться в лучшем случае еще сутки… Итого, три дня пути. Где будет Эрнест в предотъездной суете? Сможет ли он дождаться их? Ида смотрит на мужчину с ребенком. Кажется, он глубоко задумался. Он выглядит немного старше Эрнеста, на вид ему лет сорок. В его чертах проявляется чувствительность, сдержанность, мягкость, все это вызывает у нее сочувствие. Его сын держит в руках маленькую книжку и спрашивает отца значение какого-то прочитанного слова. Тот с улыбкой наклоняется и отвечает, положив руку на плечо мальчика. Заботливый и нежный отец. Иде бы очень хотелось, чтобы Эрнест был таким же с Эдуардом. Может, это случится, когда ребенок вырастет?

Поезд неспешно идет по сельской местности. Каждый погружается в себя, задумывается и измеряет время и пространство, которые отделяют его от вихря, в который он окунется, как только окажется на вокзале в Москве. Пассажирам не терпится приехать, но вместе с тем они радуются промедлению, тому, что есть еще несколько часов, чтобы перевести дыхание, предаться воспоминаниям, в последний раз

собраться с силами. В углу купе сидит очень молодой человек, он словно застыл в кресле. Смотрит неподвижно перед собой. Его руки, сложенные на коленях, не двигаются, застыв в безмолвной молитве. Он не боится, его разум устремлен к полю боя или к близким, которых он оставил позади. Он как будто противопоставляет движению поезда свою пассивность, это напряженное оцепенение. Словно с каждым мгновением он все глубже укореняется в зыбкой почве своей жизни, которая остается где-то там, под колесами поезда.

И вот наконец, после многочасовых монотонных пейзажей, поезд приходит в Орел. Здесь он будет стоять два часа. Ида подумывает о том, чтобы выйти из поезда, прогуляться и обновить запасы провизии. Мужчина – оказалось, его зовут Серж, – предлагает пойти всем вместе, взяв детей. Девушка с радостью принимает предложение, потому что зрелище перрона переполненного мужчинами и женщинами, сидящими или опирающимися друг на друга, действует на нее угнетающе. Море платков, пальто, узелков. Стоят только сотрудники вокзала, пытаясь организовать проход для пассажиров.

Когда поезд останавливается, Ида и Серж, не желая нырять в толпу, все-таки остаются в купе. Уличные торговцы уже подходят к окнам и предлагают огурцы, пирожки, пончики, груши, колбасу, хлеб… Берут все, что предлагают: остаток пути обещает быть неопределенным.

Вместе с окутывающей всех жарой в воздухе распространяются запахи пота, нет ни дуновения ветерка. Пассажиры хранят молчание, довольствуясь тем, что у каждого есть место в вагоне. Поезд тронулся, когда уже спустилась ночь, его отправление было встречено воодушевляющими возгласами пассажиров, начавших терять надежду. В дороге языки развязываются, и все начинают обсуждать новости, которые дошли до них на вокзале. Сведения нехорошие: в Австро-Венгрии прошла всеобщая мобилизация, австрийская артиллерия двумя днями ранее обстреляла Белград. И самое главное: Германия предъявила ультиматум Франции и России. Итак, вне всякого сомнения, это война!

Ида говорит себе, что всеобщая мобилизация во Франции, если она еще не состоялась, будет завтра. Внезапно она испытывает неистовое желание приехать в Москву, снова увидеть Эрнеста, обнять его. Она взывает к нему всей душой, умоляет его остаться еще немного, еще совсем немного… На ее лице, должно быть, застыло напряженное выражение. Серж повышает голос и, чтобы развлечь соседей, просит своего сына Митю рассказать об их последней охоте на грачей. Мальчик с радостью выполняет эту

просьбу, делится чувством гордости, которое он испытывал, когда охотился вместе с отцом. Пока ребенок рассказывает, Серж заглядывает Иде в глаза. Он ничего о ней не знает, кроме того, что она едет к своему мужу-французу, который вот-вот уйдет на фронт, и что они живут в Москве. Его самого тоже скоро мобилизуют. Он везет сына к жене перед тем, как уехать. Горести Иды глубоко трогает его. Взглядом он дает ей понять, что даже в пучине бури она найдет в нем друга, и может положиться на него, как солдаты на фронте могут рассчитывать на своих товарищей. Исходящая от Сержа волна доброжелательности наполняет сердце Иды, шквал ее эмоций утихает, и она возвращается мыслями в это маленькое купе, теплое и влажное, наполненное тошнотворными запахами, но такое успокаивающее.

Девушка вполуха слушает Митю и пытается прийти в себя. Эдуард внимательно и, кажется, с удовольствием следит за рассказом. Желаемый эффект достигнут. Все комментируют, задают вопросы, и мальчик еще долгое время остается в центре внимания. Наконец, с полуулыбкой на губах, все укладываются спать, стараясь устроиться как можно удобнее. Ида благодарит своего попутчика, он отвечает ей, ее глаза вспыхивают янтарным блеском. Она закрывает их, ребенок рядом с ней уже спит.

На следующий день Ида узнает, что Серж – француз и, как и ее муж, родился в России. Она благодарит Господа за этого предусмотрительного соседа, чье присутствие так утешило ее.

В последний день пути на вокзале в Туле до пассажиров доходит весть о всеобщей мобилизации во Франции и Германии. Теперь, в конце этого долгого путешествия, каждый чувствует себя готовым ко встрече с реальностью.

Глава 3
Всеобщая мобилизация

Нестя

1 августа 1913

Эрнест вместе с няней Эдуарда спешит к вокзалу. К кассам дальнего следования не протолкнуться. Через огромное здание проходит непрекращающийся поток пассажиров, от него время от времени, волнами, отделяются группы людей по направлению к выходу в город. Эрнест приходит на платформу еще до прибытия поезда.

«Ну и денек!» Во Франции объявлена всеобщая мобилизация, он чувствует себя в состоянии такого возбуждения, которого раньше не испытывал. Все его чувства обострены; его разум методично организует то, что еще предстоит сделать до отъезда. Эрнест, конечно, не обязан идти на фронт, так как работает химиком и его навыки могут способствовать военным действиям и на заводе, но он ни на минуту не думает уклоняться: напротив, готов даже записаться в добровольцы, настолько сильно его желание служить своей стране. Романтический образ деда верхом на коне, каким он воображал его еще с самого раннего детства, атакующий, с обнаженной саблей, – это видение теперь наполняет Эрнеста энтузиазмом и страстью.

Эрнест уже побывал на заводе, чтобы передать должность технического директора своему помощнику, которому он полностью доверял, и распорядился, чтобы его жалованье впредь выплачивалось раненным на войне. В то время компания «Ралле» была самым крупным парфюмерным и мыльным бизнесом в мире. Наверняка ей удастся сохранить это положение.

Эрнест встретил своих друзей Эжена Эстрада и Поля Плено, которые тоже были мобилизованы. Все они через несколько дней отправятся в Одессу, там они должны будут сесть на «Мосул».

Поезд прибывает, и Эрнест ищет свою жену. Из дверей вагонов выливается поток пассажиров. Люди спускаются гроздьями, торопясь поскорее домой, еще бы, поезд так сильно задержался, в России уже три дня как объявлена мобилизация! Наконец он видит издалека Иду, она выходит из вагона с Эдуардом на руках, им помогает пассажир в сопровождении маленького мальчика. Эрнест энергично прокладывает путь через

толпу, няня следует за ним по пятам, и вот он уже встречает жену. Отец подхватывает малыша, радостно целует его, передает няне и, поблагодарив незнакомца, берет Иду под руку. Им удается выбраться с вокзала и добраться до машины, припаркованной неподалеку. Они едут в Тихвинский переулок, дом 8. Наконец-то дома.

Оказавшись в машине, Эрнест гладит руку жены и расспрашивает ее о здоровье, о поездке. Он жадно смотрит на нее, его карие глаза блуждают по ее лицу, ее телу, отмечая небольшие изменения, произошедшие за месяц отсутствия. «Ой! На ней серьги, которые я подарил! Кожа немного забронзовела. Выглядит уставшей. Одежда помялась, ну конечно, после стольких часов сидения…» Малыш внимательно смотрит на отца. Эрнест наклоняется к нему и берет его руку, сильно сжимает ее, почти слишком сильно, как будто хочет запечатлеть ее форму в своей ладони. Ида ничего не говорит, но он видит, что она всем телом повернута к нему, улавливает каждый знак, слово, жест. Несмотря на волнение вокруг, они оба чувствуют себя одновременно сильными и умиротворенными. Супруги еще не думают о разлуке, которая их ждет. Они вместе, здесь и сейчас, и только это имеет значение.

Эрнест наклоняется, чтобы почувствовать аромат волос Иды. «Она всегда носит эту лавандовую воду, когда путешествует!» Он вздыхает, полный радости и нежности. «Она так тебе идет! Легкая, прекрасная, дикая, совсем как ты!» Он закрывает глаза, чтобы насладиться этим ароматом. Сегодня существует только его жена, и все его достижения перестают иметь значение. Она здесь, и он чувствует бесконечную связь с ней. А что будет потом? Ида останется в Москве, война закончится, и он вернется к ним с Эдуардом.

Придя домой, Ида с удовольствием принимает ванну и тщательно одевается к ужину. Она знает, что завтра Эрнест уедет, и она хочет прожить каждое мгновение этого последнего вечера, подаренного им, насыщенно, как если бы все можно было начать заново, на заре разлуки, продолжительности которой никто не знает. Женщина видит, как муж внимателен к ней, ее трогает то, как он отдается ей, и она тоже вкладывает в его объятья нечто драгоценное. Ида потрясена, увидев его таким уверенным, любящим, притягивающим ее к себе, как никогда раньше. Эрнест разглядывает жену, преисполненный удовлетворения. Кажется, что он видит ее в первый раз. Все его пробужденные чувства слушают, вкушают, созерцают молодую женщину, сидящую рядом с ним. Сегодня он знает, что любит ее и понимает, почему выбрал в жены именно ее. Он полон переживаний, оттого его движения

становятся медленнее, он почти замирает, как будто ему нужно время, чтобы вызвать к жизни и запечатлеть в сознании, нанести на кожу его воспоминаний изысканный, неповторимый аромат души Иды и дать ему дышать. Она с удовольствием подпускает его ближе, открывается ему, и он ныряет в ее объятия, как в глубокую, бархатистую волну озера.

На следующий день настал черед Иды провождать Нестю на вокзал. Когда поезд трогается, непреодолимая пустота врывается в ее душу и заполняет ее целиком. Она знает, что никогда в ее жизни больше не будет такой неистовой нежности, как этой ночью, такой могучей страсти и такого изысканного способа вкушать каждую ласку, как если бы время было бесконечным и предлагало им для прогулок безбрежный пляж, где только они одни в объятиях друг друга, и не нужно никуда спешить. Женщина еще долго стоит на перроне, равнодушная к наплыву толпы, которая пытается вырвать ее из состояния неподвижного созерцания. Ида не смотрит вслед поезду – его уже давно не видно, – она поружена в свое прошлое, что в настоящий момент удаляется от нее вместе с мужем, грохочущей войной и опустошением революции, которая еще не наступила, но которую она уже смутно предчувствует. Она крестится и, наконец, поворачивается и уходит.

* * *

Эрнест уехал. Довольный этой последней ночью с Идой, он чувствует себя сильнее, чем когда-либо. Он запечатлел долгий поцелуй в лоб Эдуарда, такой долгий, что ребенок удивленно взглянул на отца, во взгляде его голубых глаз, таких же светлых и чистых, как у матери, читался вопрос: «Ты чего?». Отец и сын долго смотрели друг на друга, до тех пор, пока мальчик, впустив в свое сердце все, что Эрнест хотел в нем сохранить, не воздел к нему руки, чтобы крепко прижаться к отцу.

Эрнест закрывает глаза и снова предается радостному воспоминанию об этом объятии… Однако первая же остановка вырывает его из раздумий. На станции, как и на всех последующих, он видит молодых людей, покидающих свои горюющие семьи. Храбрые, гордые, они идут на фронт. Эрнест должен присоединиться к своему артиллерийскому полку в Ла-Фере. Когда он сможет там появиться? Сначала нужно добраться до Дарданелл, а уже оттуда выдвинуться во Францию…

Он думает о прощании с любимой сестрой Жанной. Какая умная, смелая женщина большой души! С каким гордым

выражением лица она поцеловала его, полностью разделяя решение брата идти сражаться. Жанна долго, не говоря ни слова, обнимала его, вместив в эти объятия всю свою силу и всю бесконечную любовь к брату, которым она всегда так дорожила. Жанна была старше Эрнеста на семнадцать лет… Жанна в тринадцать лет начала работать в магазине роскошных тканей и французских товаров братьев Лазарус в Лионе. Девочка пошла туда самым простым подмастерьем, ее работа тогда заключалась в разогреве утюгов. Но девочка была интеллигентна, говорила на нескольких языках и быстро стала заведующей отделом этого дома, умея найти нужное слово для каждого клиента, в том числе и для семьи императора, часто посещавшей их заведение.

Эрнест вспоминает о воскресных вечерах у Беренсов и жмурится, как кот, свернувшийся клубком у теплой печки. В роскошной усадьбе напротив Пименовской церкви Жанна, ее сестра, Огюст Беренс и черный пудель Милорд встречали гостей. Актеры, музыканты, танцовщики из Большого, такие как Габович, режиссеры – весь театральный бомонд Москвы собирался здесь и обсуждал, придумывал, критиковал, завязывал и развязывал все художественные проекты 1900-х. Велись горячие споры вокруг «Летучей мыши» Балиева, гости обсуждали их миниатюры в сопровождении оригинальной музыки, читали стихи, играли и воспроизводили наиболее яркие, запомнившиеся сцены из их новых спектаклей…

> *«Как будто все, что я взял от Франции и России, обретало здесь смысл, оптимальным образом реализовывая себя»*

С вечеров у Беренсов он сбегал в гостиную к Евсееву, в семейно-музыкальную атмосферу, где садился за рояль, чтобы аккомпанировать великому певцу Собинову. Его любимая племянница Валя Патриарка всякий раз разыскивала его там и настаивала на том, чтобы Эрнест рассказывал истории о временах Наполеона, о войне 1812 года, о происхождении его предков-красавцев. Какие радостные моменты, лето в Тарасовке! Но больше всего в гостиной у Евсеевых его манили два смеющихся карих глаза, которые так и приглашали его познакомиться поближе. Зина… его первая любовь. Как не очароваться ее игривым характером, этими ямочками юношеского озорства на щеках? Он улыбается, вспоминая о той фотографии, долгое время хранившейся у него в бумажнике. На ней он совсем еще молодой, в котелке, похожий на подростка, а рядом с ним – Зина, совсем уже женщина, ее красивые каштановые волосы собраны под элегантной шляпкой в пучок, и улыбка, эта улыбка уверенной

молодой женщины. Она знала, что властвовала над сердцем своего поклонника. Но сколько он ни ухаживал за ней, Зина предпочла ему Николая Патриарка, за которого вышла замуж, оставив в сердце молодого человека рану первого любовного поражения. Эрнест приподнимает бровь. Все это случилось так давно. Его успех у женщин впоследствии сгладил разочарование, причиной которого стала Зина…

В то время работа на заводе полностью поглощала его. Наделенный обостренной чувствительностью, он умел сочетать различные виды искусства и придавал одинаковое значение разработке духов и мыла и придумыванию их флакона или коробки. Таким образом, Эрнесту удалось придать дому «Ралле» уникальный стиль при поддержке брата, который талантливо управлял заведением и поощрял его склонность к искусству. Для создания рекламных рисунков Эрнест обращался к известным художникам, таким как Билибин, автор плаката с «русскими боярами», имевшего особенный успех. Парфюмер даже сочинил вальс для своих новых духов и выбрал для этикетки последнего творения лицо хорошенькой балерины, которую часто посещал. Эрнест удачно увязывал рекламные лозунги, бывшие в моде на Западе, с живописным миром русского плаката. Так он навязал публике свой самобытный вкус и стал любимцем Москвы. Его духи были узнаваемы как своими новаторскими ароматами, так и уникальной презентацией.

Эрнест вспоминает рекламный плакат духов «Императрис», на котором был изображен черноглазый арабский паж, держащий поднос с ароматом перед красивой дамой, одетой в европейское платье… и этот флакон в ретрорусском стиле, формой напоминавший печь… Благодаря легкости и престижу своих ароматов и флаконов для них, которые он существенно модернизировал, Эрнест обеспечил триумф «Ралле» над всеми другими парфюмерными домами Москвы. Разнообразие, качество и фантазия. Флаконы появляются перед его взором, один за другим, и он приподнимается с места, как бы шутливо кивая, улыбаясь, невидимому собеседнику: «Да, я Наполеон духов!»

Ему вспоминается Александр Лемерсье. «Без этого мастера я бы не стал тем, кто я есть сегодня!» Эрнест снова видит прекрасную выдающуюся фигуру превосходного парфюмера и дизайнера, который воспитал в нем тонкий вкус и восприимчивость к музыке, живописи, а также прикладному и декоративному искусству и, конечно же, парфюмерии. Учитель и друг…

Именно Лемерсье привел Эрнеста в галереею, где в 1909 году прошла первая выставка русских и французских художников:

Фаберже, Бенуа, Репин, Иванов, Матисс… Эрнест стал постоянным посетителем и галереи и художественного магазина «Аванцо». Посещения эти были источником вдохновения. Вместе с Лемерсье он развил лучшие традиции русской парфюмерии и «подхватил» ароматы, созданные Луи Буисом и Карлом Лемерсье, первыми парфюмерами при русском дворе. «Сбор ароматов», инновации, смелые союзы… В лаборатории, которую Лемерсье создал в 1898 году на Бутырке, у него было три студента, Эрнест был одним из них. В 1903 году Лемерсье открыл небольшую фабрику с сорока рабочими, филиал товарищества «Ралле», где у него было пространство для экспериментов. Эрнест присоединился к «Ралле» в 1898 году в качестве мастера по приготовлению мыла, но что касается создания ароматов, эту профессию он освоил под эгидой Лемерсье, тот открыл в нем талант парфюмера.

В 1907 году Эрнест выпустил свои первые духи. Вскоре последовали «Нильская лилия», «Признание», «Идеал», «Серебряный ландыш»… Его творения, успех которых увенчался «Букетом Наполеона», носили в Москве все слои общества – от самого простого купца до балерины и даже принцессы. Вместе с коробочкой с ароматом парфюмер дал им экзотическую мечту, утонченную, далекую, но одновременно доступную, потому что позаботился о том, чтобы внедрить в нее эту русскую ноту, способную покорить публику.

Тут вдруг Эрнест хмурится, тень омрачает его мысли. «Да, конечно, именно Лемерсье, как учителю и другу, но также и Эдуарду, моему брату, я обязан этими богатыми, радостными годами, наполненными творениями, свободой и личными достижениями». Эдуард был старше Эрнеста на девятнадцать лет, он был таким солнечным существом, и при этом так одарен в человеческих отношениях и бизнесе… Как же он скучает по нему! Эрнесту так хотелось разделить с братом день отъезда на войну, этот поворотный момент в своей жизни. Но, увы, Эдуарда больше нет. Прошло почти четыре года с тех пор, как он умер от грудной жабы, еще такой молодой – ему было всего сорок восемь лет. Между братьями рано установилась глубокая связь, старший быстро распознал чувствительность своего младшего брата, который, несмотря на свой юный возраст, интуитивно уже понимал, что он хочет творить, и Эдуард полностью разделял его художественные устремления. Он принял за привычку брать мальчика, сначала ребенком, потом подростком, на известные выставки, концерты… Эрнест был очарован старшим братом, и казалось, что он делился с ним всем и доверял так, как никому другому.

Эрнест помнит своего брата в мундире почетного генерального консула Румынии, с внушительными усами, светского человека, энергичного и задумчивого вида, слегка выпячивавшего торс, не из тщеславия, но ввиду положения, которое он занимал в обществе. Эдуард был мудрым бизнесменом, придерживавшимся принципа ограничения расходов, даже небольших, он основывал свой бизнес на честности, порядочности и строгой экономии, всегда проявляя реальную заботу об окружающих. Для Эдуарда коммерческий успех ничего не значил, если он не улучшал положение своих рабочих и сотрудников. Гордясь своим французским происхождением, при поддержке отца, который делал все возможное для укрепления франко-русской дружбы, Эдуард отличился всевозможными инициативами, как, например, организацией передвижной выставки, которая отправилась из Одессы вдоль берегов Черного моря, а затем и по Средиземноморью. Эдуард пошел по стопам своего отца Эдуарда-Ипполита и сделал замечательную карьеру.

Последний, рано взявшись за семейные дела, женился в двадцать пять лет. Вскоре от этого союза родились Эдуард, а затем Жанна. В начале 1860-х годов отмена крепостного права, строительство железных дорог, приток иностранного капитала и увеличение частных капиталовложений, казалось, предвещали захватывающую эпоху.

Эрнест видит красивое, несколько скрытное лицо отца и острый, почти жесткий взгляд, смягченный лукавым выражением, как будто он всегда был готов легко улыбнуться, одними уголками рта. Эдуард-Ипполит много работал, и дети последовали его примеру. Сперва он работал с грузами на таможне, а в 1867 году начал свою коммерческую деятельность в центре Москвы. Он был тогда приказчиком в универмаге «Мюр и Мерилиз» на Софийской улице и привозил туда товары из-за границы. В то время, задолго до рождения Эрнеста, семья жила в стесненных условиях. Когда они переехали в 1874 году в дом Л. Шабикина, Эдуард-Ипполит приобрел меблированные комнаты с общей кухней, что, как позже говорили Жанна и Эдуард, представляло собой заметное улучшение. А 1877 году Эдуард-Ипполит, продолжая работать приказчиком, наконец открыл на Тверской улице собственное заведение – небольшой бутик по продаже предметов роскоши. Он также подал два патента, один – на метод очистки кукурузных зерен, другой – на способ консервирования мяса. Обладая смелостью и прозорливостью, Эдуард-Ипполит двигался вперед и строил будущее. Когда родился Эрнест, в семье уже был существенный достаток.

Эрнест думает о сдержанном постоянстве своего отца, человека, который мало говорил и казался ему таким серьезным.

Позже Жюль Марикс доверил Эдуарду-Ипполиту управление компанией «Маргарин», состоявшей из сорока рабочих. Он переехал со своей семьей в дом, зарезервированный для руководства, и стал много путешествовать по работе. Его первая жена, мать Жанны и Эдуарда, умерла в возрасте тридцати семи лет, родив восьмерых детей, трое из которых умерли еще в младенчестве. После того, как он повторно женился в 1879 году на матери Эрнеста, у него появилось еще четверо отпрысков, один из которых умер вскоре после рождения. Мягкости Аделаиды, хорошенькой еврейки с хрупким здоровьем, противостояли энергичность и властность Мари, солидной и бескомпромиссной женщины.

Эрнест улыбается, вспоминая о матери. Какой нрав! Он помнит тот день, когда он и его брат Эмиль, тогда еще совсем маленькие, схватили корзину с яйцами, которые только что купила их мать. Яиц было не просто дюжина, а гросс – двенадцать дюжин. Трудно сказать, кому из них пришла в голову гениальная идея использовать яйца для полировки скамейки во дворе. Но братья покорно принялись за работу, методично разбивали каждое яйцо, затем протирали дерево толстой тканью, которая быстро превращалась в липкую подушечку, пропитанную смесью белков и желт-ков. Дети не слышали, как подошла их мать, потому что были слишком поглощены своей работой. Она схватила их, каждого одной рукой, и наставила на путь истинный, ударив головами друг о друга. Они жарко спорили, протестуя против такой несправедливой оценки этого превосходного проекта, вклада в облагораживание дома. Очевидно, их разъяренная мать придерживалась другого мнения, у нее и так было немало проблем с детьми от первого брака, а тут еще двое своих, итого восемь!

Эрнест машинально проводит рукой по голове. Как им тогда было больно! Но сегодня, в поезде, который везет его на войну, он смеется, вспоминая об этом. Телесное наказание было, пожалуй, все-таки заслужено. Несомненно, в результате этого они стали сильнее и мудрее. В тот день брат Эдуард не смог его защитить. Тогда он уже начал работать и ушел из дома после того, как открыл собственное дело. Трудолюбие и деловая интуиция отца еще больше проявились в характере брата. Он был самым старшим и рано понял важность усилий и значение смелости. Благодаря своим способностям и уму, а также связям, установленным Эдуардом-Ипполитом, Эдуард нашел партнеров и поддержку, необходимые для успеха его начинаний. Он быстро

добился огромного успеха как в Москве, так и во Франции, в Грассе, а в 1891 году принял участие во французской выставке в Москве и организовал визит президента Сади Карно.

Когда французский парфюмер Кирис решил реорганизовать «Ралле» в России, тогда известную, но плохо управляемую парфюмерную компанию, ему пришла в голову идея взять Эдуарда Бо в качестве генерального директора. С ним и Лемерсье в качестве технического директора успех был обеспечен. Эдуард бросил свой собственный бизнес, чтобы посвятить себя «Ралле», где он работал до самой смерти. Он был человеком с золотыми пальцами. Все, к чему он прикасался, расцветало. С момента назначения Эдуарда Бо «Ралле» была обречена на огромный коммерческий успех.

Подумав, Эдуард просто решил собрать в одном пространстве все, что было нужно для работы компании, и расположил фабрику на Бутырке, недалеко от железнодорожной линии и рядом со стекольно-хрустальным заводом Дютфуа и типографией Патриарки – тот приходился ему свояком и печатал этикетки и плакаты для компании. С Эдуардом в качестве директора судьба рабочих «Ралле», которых становилось все больше и больше, стала предметом зависти. Доступное жилье, просторные общежития, более высокая заработная плата, система социальных гарантий, сберегательные и благотворительные кассы, система больничных, ясли для детей. В революционной атмосфере 1905 года Эдуард также сыграл важную роль в нормализации социальной обстановки в этом районе Москвы. Вместе с братьями и сестрами Эдуард стремился внести свой вклад в улучшение жизни общества, активно помогая Французской благотворительной ассоциации: при поддержке жены, Лидии Патриарки, он стал ее попечителем.

А как Эрнест любил свою невестку! Ему казалось, что эта женщина таит в себе все таланты, какие только можно вообразить, и обладает лучезарной женственностью. Это была очень красивая женщина с высокими скулами и соблазнительным ртом. Выдающаяся танцовщица итальянского происхождения, она уже была замужем, когда познакомилась с Эдуардом. Но Эдуард влюбился в Лидию, а Лидия – в Эдуарда. Он женился на ней в 1900 году. Эрнест – на свадьбе был свидетелем – помнит свои эмоции, когда Эдуард и Лидия вошли в церковь Казанской Божией Матери в Сущеве. Эрнесту тогда было девятнадцать, а Эдуарду уже почти сорок. Семья была счастлива видеть, что он наконец остепенился.

Эдуард принимал на себя все больше задач и ответственности. В 1901 году он был назначен советником по

внешней торговле во Франции; в 1906 году по императорскому указу он стал «торговым советником». Он также был членом комиссии по управлению собственностью французского правительства в Москве. Работая над развитием отношений с Европой, в частности с Балканами, а также с Азией, Эдуард был избран почетным консулом Румынии, где добился особых успехов. Будучи членом совета директоров компании «Келлер», он значительно увеличил ее оборот. Именно у Келлера он познакомился с той, которая впоследствии стала его второй женой, Юлией Шмелькиной, тогда женой режиссера. Эдуард добился ее, и из-за брака с ней покинул «Келлер» в 1906 году, чтобы в качестве директора и члена совета директоров заниматься производством лекарств и аптечным бизнесом в Москве в «Эрманс и К˚».

Все это время Эдуард оставался генеральным директором «Ралле», своей жемчужины. Когда в 1909 году фабрику уничтожил пожар, он не только не впал в уныние, но и воспользовался возможностью, чтобы модернизировать оборудование и внедрить инновации в производство глицерина. В новых зданиях использовались новейшие технологии и современные коммерческие услуги. Бутырка, когда-то просто болото, под его руководством превратилась в настоящую промзону, вошедшую в состав Москвы в 1910 году.

Несмотря на активную занятность, Эдуард присматривал за Эрнестом и возлагал на него обязанно-сти, соизмеримые с талантом парфюмера, который он видел в брате. В 1906 году он основал компанию московских производителей парфюмерии и высоко оценил то, как Лемерсье обучал Эрнеста, подготавливая последнего к должности технического директора в «Ралле». Но если Эдуард был настоящим дипломатом со склонностью к диалогу и переговорам, то Эрнест, напротив, проявлял авторитарный, даже непримиримый характер. Он был перфекционистом и не терпел неточностей. Эдуард однажды спас его в тот день, когда разъяренные фабричные рабочие уже собирались бросить брата в котел с кипящим мылом. Эдуард знал о повышенной чувствительности и безоговорочной требовательности брата, но воспитать в нем дух терпимости ему так и не удалось. Эрнест требовал совершенства как от себя, так и от других, и иногда это вынуждало его вести себя достаточно резко. В 1913 году Эдуарда больше не было рядом, чтобы вести переговоры, и во время второй заводской забастовки рабочие настаивали, чтобы Эрнест обращался с ними вежливо.

Эдуарда не стало в канун Рождества 1910 года. Эрнесту не было еще и тридцати лет. Он был безутешен. Эдуард, открывший

ему глаза на мир, на искусство, Эдуард, чьим общественным успехом и коммерческим чутьем он так восхищался, Эдуард, такой умный и предприимчивый и при этом такой человечный, Эдуард, который безо всякого осуждения понимал своего брата и помогал ему, ободрял его, тронутый его талантом и так переживавший по поводу отсутствия у него чувства меры. Эдуарда больше не было.

Вспоминая старшего брата, Эрнест вздыхает и думает о том сильном и глубоком волнении, которое охватило его, когда, возложив руку на сына, он дал ему имя брата. Как будто таким образом он передал ребенку то, что сам с благодарностью получил от брата. Разделив с ним имя, сын получал его защиту и благословение Эдуарда.

Теперь лицо сына стоит у него перед глазами, умеряя пыл его стремления в бой. Мальчик будет расти, а Эрнеста не будет рядом, чтобы наблюдать за этим, чтобы наставлять его. Каким мужчиной он станет? Эдуард остается с Идой и бабушкой, без отца и старшего брата… Эрнесту так хочется еще раз обнять сына, вдохнуть запах его кожи и сжать его детскую ручку в своей ладони. Поезд идет, в вагоне темно, и никто не видит страдальческого лица человека, его нахмуренных бровей, закрытых глаз, горько опущенных уголков рта…

Глава 4
Траншеи и газ

Нестя

Август 1914

В Одессе я сажусь на «Мосул», корабль компании «Мессажери Маритим». Нас, французов, живущих в России, на этом судне, реквизированном правительством, чтобы позволить резервистам присоединиться к их полкам во Франции, будет множество. 24 августа 1914 года я спущусь на берег в Марселе. Всего двадцать шесть дней пути, чтобы поступить на службу в 1-й тяжелый артиллерийский полк.

Страна в смятении, новости о наступлении немцев в августе в Бельгии и Франции не сулят ничего хорошего. Но наша решимость и наше желание поскорее попасть на свои позиции только удесятеряются. Я не видел того неистового приема, который был оказан населением военным: цветы, бочки с вином, набережные, битком забитые женщинами, девушками, детьми, пришедшими приветствовать «защитников Закона и Справедливости», пожать им руки, поцеловать их, обнять их, подарить им букет… Нет, всего того, о чем товарищи с умилением рассказывали мне, когда уезжали 7 и 8 августа в Шарм, я не увидел. К моменту моего прибытия в Ла Фер ситуация сложилась более чем напряженная. Сегодня 31 августа. На следующий день противник берет город. Достаточно сказать, что нашу уязвимость я почувствовал очень быстро. Ла Фер будет оставаться в руках немцев на протяжении всей войны.

Итак, я присоединяюсь к своему полку в Ла-Рош-сюр-Йон, куда он перебазировался, здесь я буду служить вторым артиллеристом. Однако полк находится в стадии (ре)формирования и не имеет ни снаряжения, ни какого-либо обмундирования. Я проделал весь путь из России не для того, чтобы оказаться за линией фронта. Я узнаю, что формируется батарея добровольцев, и спешу к ней присоединиться; вместе с ней меня переводят в 29-й полк полевой артиллерии в Лорьяне, чтобы как можно скорее отправить нас на фронт. Я назначен бригадиром, и мы держим путь в Эльзас. Оказавшись там, мы вступаем в бой сначала в районе коммуны Фризен, затем в Штруте, Баллерсдорфе, Сен-Леже, Сеппуа-ле-О и Ле-Ба, где в

октябре 1915 года я получил звание сержанта.

Когда я присоединяюсь к своим товарищам, уже вовсю ведется осадная война, с чередой бесконечных однообразных дней и необходимостью закапываться и сидеть в окопах. Мне рассказывают, как полк пережил начало войны, первые дни боев под немецким артиллерийским огнем, осыпавшим солдат и оглушавшим их своим устрашающим шумом, долгие ночные переходы по дорогам, забитым обозами, изнуряющие бессонные ночи, когда приходилось дремать на ходу или верхом на лошади. Когда войска располагались на отдых, спали под повозками, лошадей при этом не распрягали, держа постоянно наготове. И вот вечером 26 августа раздалось множество взрывов в непосредственной близости от нас. На следующий день мы узнали, что удары пришлись по мостам через Мез, и все они были разрушены. Первые две группы по ошибке оказались на эвакуированном за ночь правом берегу! У них не было другого выбора, кроме как быстро отойти к коммуне Стене, чтобы пересечь последний оставшийся мост до тех пор, пока не будет взорван и он. Отдали приказ о старте, отправленных на водопой лошадей пришлось возвращать, отряд в полном составе сорвался с места под охраной стрелков и кавалеристов. Враг проявился и попытался устроить перестрелку, но, к счастью, был достаточно далеко.

29-му полку отступать практически не приходилось. Солдаты знали, что враг продвигается вперед. Больно было смотреть на бесконечные колонны беженцев, проходивших по дорогам, но наши никогда не испытывали ощущения собственного поражения.

Вечером 27 августа немцы были отброшены к Мезу. Наши меткие выстрелы вызвали большой переполох. Враг поспешно отступил на север. Но последовавшее за этим сражение на Марне принесло 29-му полку много потерь. Мы стреляли с расстояния 1500 метров, а то и меньше, и не раз наши расчеты видели, как пехотицы отступают за линию своей артиллерии. В ночь с 10 на 11 сентября непрерывное движение машин вызвало удивление и беспокойство в рядах офицеров. Что, если это подкрепление, прибывающее к неприятелю? Нашла бы тогда наша уставшая пехота в себе силы сопротивляться? Вместо привычной канонады над полем боя воцарилась устрашающая тишина. Утром 11 сентября артиллеристы с удивлением увидели конных егерей, пересекавших район боевых действий. Следом мы услышали прекрасную новость: враг отступает по всей линии! Какая неописуемая радость! Мы все пустились в погоню и обнаружили, что на дорогах было брошено все: лошади, машины, повозки, брезент для палаток, телефонный кабель, даже провизия,

особенно мне врезался в память пятидесятикилограммовый мешок с сахаром, оставленный прямо на обочине! 29-й полк тогда проделал путь приблизительно последних двух дней своего отступления, только в обратном направлении.

15 сентября противник остановил бегство и перешел в контрнаступление. Это был тяжелый день, нам пришлось оставить в Сервоне три орудия, но удалось закрепиться в аргоннском лесу…

Итак, Аргонн. Именно там я встречаю своих товарищей. С того момента мы проведем вместе год. Авиация противника действует очень активно. Яростно бомбят наши батареи, людей косят. Другие поднимаются и заменяют их. Некоторым удается спасти раненых из огня. Под обстрелом всех калибров батареи проявляют необыкновенную энергию и стойкость.

Дальше дни следуют один за другим, все одинаковые, со своими выстрелами, своими штурмами, своими потерями. Позиционная война, непрекращающиеся бои, яростные атаки противника, поддерживаемые мощной тяжелой артиллерией и грозной траншейной артиллерией минометами, которым мы можем противопоставить только наши скромные полевые пушки 75-го калибра и груди наших пехотинцев. Наше боевое товарищество делается все более тесным, потому что оно становится абсолютно необходимым с каждым днем, объединяет пехоту и артиллеристов. Артиллеристы живут в окопах, организуют наблюдательные посты на первых линиях оборонительных укреплений, устанавливают траншейные огневые средства (минометы 150-мм, орудия 37-го калибра), расставляют орудия на отдельных участках, с которых огонь ведется прямой наводкой, прикапывают свои батареи, связываются по телефону с пехотными частями на передовой. Многие убиты или ранены. Немало героев, которые расчищают наши окопы, проводят разведку до вражеских, без колебаний, рискуя жизнью, возвращают тела товарищей, павших рядом с ними.

Уже с января 1915 года немцы стали предпринимать широкомасштабные химические атаки с применением газообразного хлора, которые безжалостно убивали и ранили людей. В последующие месяцы мы увидим эскалацию разработки токсичных газов и их использования. Каждая страна будет стремиться изобрести новую разновидность химического оружия, которое окажется еще более разрушительным и неудержимым.

Компания «Ралле» в Москве берется за разработку и изготовление удушливых газов для русской армии, и меня просят возобновить мою работу там. Несомненно, я обязан

возвращением в Россию моему другу Полю Плено. Плено прибыл из Франции в сентябре 1915 года по просьбе самого царя, чтобы переоборудовать завод и ускорить производство газа и взрывчатых веществ. Я был отчислен с воинской службы 1 декабря 1915 года и отправлен в Москву для того, чтобы управлять производством по приказу полковника Таффанеля и непосредственно капитана Фроссара, состоявших во французской военной миссии.

Эти месяцы, проведенные в Москве, были особенно тяжелы. Конечно, я счастлив служить как химик своей Родине и России. Я не сомневаюсь в настоятельной необходимости разрабатывать и производить эти газы в промышленных масштабах, так как надлеит убить или нейтрализовать максимальное количество вражеских солдат, чтобы выиграть войну. Но факт остается фактом: время создания духов и мыла с тонким ароматом осталось далеко позади… Речи о любви, женственности и соблазнении сегодня больше нет, она идет лишь о делах человеческих во всей их дикой, невообразимой жестокости: о том, как выпустить на поле боя саму смерть.

В этот ужасный период у меня одна отрада – видеть Иду и Вову, а также мою сестру Жанну. Меня не было дома больше года (точнее, семнадцать месяцев), и неописуемая радость переполняет нас с Идой, когда мы встречаемся вновь. Я обнимаю ее так сильно и так долго, что она позже признается мне, что чуть не задохнулась. Я целую сына и разглядываю его, просто не могу оторвать глаз. Прошло семнадцать месяцев, а это маленькое существо почти трех лет, которое уже повсюду семенит маленькими шажочками и говорит, хоть мало, но хорошо, и конечно, по-русски. Я решаю говорить с Вовой только по-французски, чтобы он стал учить язык своей родины. Мальчик быстро начинает меня понимать, когда он произносит несколько слов сам, меня переполняет гордость! Так как я несколько резок в общении с сыном, то он иногда показывает себя смущенным, потому что, конечно, мой стиль контрастирует с чрезвычайной мягкостью Иды по отношению к нему. Тем не менее в большинстве случаев мне достаточно лишь улыбнуться, чтобы прогнать прочь все его тревоги, а затем я беру сына на руки и подбрасываю в воздух, а он визжит от восторга и смеется. Как мне нравится, как он обнимает меня своими ручонками! Ах, какая же радость чувствовать его голову сына у себя на плече и зарываться носом в его белокурые кудри!

27 декабря 1915 года мы устраиваем крещение Эдуарда. День, когда все мои родственники наконец-то воссоединяются! Крестной матерью, разумеется, является моя сестра Жанна, а

крестным отцом в отсутствие Ксавьера Дарда, моего большого друга, оставшегося на фронте, мы попросили быть Поля Плено. Я глубоко счастлив, когда вижу, как он держит моего сына у купели. Поль – человек необычайный! Красавец-мужчина, веселый, солидный, доброжелательный. Настоящий интеллектуал, остроумный, энергичный и смелый. Инженер, выпускник Высшей школы искусств и ремесел, в 1913 году стал директором фабрики «Ралле», где его высоко ценили. Плено – страстный путешественник, был в Сибири, Китайской Монголии, Индии и даже на Южном полюсе, куда он сопровождал командора Шарко в качестве фотографа в 1903 году. Из этой экспедиции он привез сто пятьдесят фотографических пластин и столько же смачных анекдотов. Вове на крещение он подарил фотографию пингвина, которую я в тот же вечер повесил над кроватью мальчика.

Вместе с командующим Де Роузом Поль только что закончил разрабатывать проект организации аэро-фотосъемки для французской армии. Ни больше ни меньше! В качестве заведующего подразделением аэрофотосъемки 5-й армии он был включен в состав 12-й эскадрильи. Он летал на двухместных самолетах с круговым обзором и не боялся ни летать, ни сталкиваться в полете с теми фигурами высшего пилотажа, которые навязывали ему вначале товарищи-авиаторы, чтобы его испытать. Один раз в крыло самолета, в котором он летел, даже попали осколки снаряда, выпущенного немецкой зенитной артиллерией. За десять месяцев службы Поля в армии появилась аэрофотосъемка, это был результат его работы. Он разработал специальные камеры, предназначенные для съемки на большой высоте, но требующие подвески, которую всегда трудно установить на борту самолета из-за вибрации двигателей. И Полю, гениальному инженеру, удалось устранить эти недостатки с помощью карданной подвески и грамотного размещения теннисных мячей (надо было до такого додуматься).

Поль рассказывает нам, как в усадьбе в Розне в большой гостиной висели трофеи, свидетельствующие о победах над вражескими самолетами во время боев в небе, на короткой дистанции, по окончании которых летчики 12-й эскадрильи отдавали дань уважения своим противникам либо воинскими почестями на их могилах, либо рукопожатием, если те оставались живы! Веселье, молодость, дерзость – вот что он испытал за восемнадцать месяцев, проведенных бок о бок с бойцами эскадрильи.

Через несколько дней после крещения Поль приглашает меня на встречу с одним из своих товарищей-летчиков – его

отправляют в Румынию, и в Москве он проездом. Мы садимся в его «Гочкисс» и едем в ресторан «Летучая мышь», он открыт всю ночь. Здесь есть сад с акациями, фонтан, пруд, в котором плавают осетры. Бутылки шампанского. Цыганский оркестр. «Фальшивая веселость…» – как говорит Поль. «Россия устала от войны». А снаружи толпы раненых солдат в сопровождении медсестер идут в церковь, чтобы помолиться, а другие идут колоннами, окруженные своими офицерами, и раболепствуют перед командованием. Во флигеле завода «Ралле» на восемь дней разместили батальон русской пехоты. Вечером, за трапезой, по обычаю всей русской армии и в мирное, и в военное время поется вечерняя молитва за Царя и Отечество, все поют в один голос, солдаты и офицеры: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя…». И когда я слышу голоса, поднимающиеся в темной ночи этой войны, которая с каждым днем поглощает все больше людей, я, конечно поражаюсь не только могущественной вере, но также и долготерпению этого измученного народа.

Теперь мое желание выходить, как раньше, в свет все больше уступает желанию возвращаться по вечерам домой, чтобы увидеться с Эдуардом, хотя бы ненадолго, перед сном. Надо сказать, что и город изменился: атмосфера тяжелая, вести с фронта тревожные. Плохо работает снабжение оружием и продовольствием, человеческие потери становятся все значительнее, часть населения бежит, вытесняемая отступлением русской армии в Курляндии, Литве, Польше… Все эти беженцы рассеиваются по территории России. Раненых так много, что больницы переполнены, а многие здания превращены в госпитали. Женщины из буржуазии и аристократии, которые раньше не работали, стихийно предлагают свои услуги врачам и среднему медицинскому персоналу, чтобы помогать им как-то справляться с этим непрерывным потоком. В таких условиях вечера, на которых теперь обсуждают политику и свободу, меня мало привлекают, настолько мне кажется вопиющим несоответствие между реальным положением дел и представлением о нем большинства людей. Одно можно сказать наверняка: в то время как государство перегружено, общество, к счастью, самоорганизуется в многочисленные комитеты, чтобы попытаться компенсировать недостатки его работы, они помогают снабжением, уходом за ранеными, оказывают информационную поддержку. Это здоровая реакция, но семена таких агрегатов власти могут впоследствии оказаться опасными для государства во время социальных волнений или даже революции.

В конце концов я вынужден признать, что долгие дни в лаборатории с опасными веществами чрезвычайно утомляют меня. Месяцы, проведенные в окопах, вызывают во мне горечь, ожесточение, которые только усиливаются из-за моей ежедневной смертоносной работы.

> *«А мое вдохновение – это ты, моя снежная королева, именно твою душу я узрел в тех краях за полярных кругом»*

Иде кажется, что я изменился. Она не говорит мне об этом, но я это чувствую в нерешительных движениях ее рук, как будто она пытается найти подходящей жест или слово. Меня это иногда раздражает. Я люблю ее. Но я закрыт, сосредоточен на самом себе. Как и все мои товарищи, я построил себе оболочку, которая позволяла мне жить в волнении, вернее опьянении, которое находило на нас во время сражений, или в их нескончаемом ожидании, когда непрестанно приходилось быть начеку, прислушиваясь к непрерывным обстрелам.

В грязи пустота оглушительного дня обволакивает солдата, засасывает его, доводит до оцепенения. Да, хуже всего для солдата не воевать, а страдать от своего бедственного положения. Когда я закрываю глаза, я вновь вижу перед собой эту свинцовую серость ожидания, холод, единственный источник света – косые взоры товарища, крысы, бегающие под ногами, тщетные попытки найти чуть менее неудобное положение для сна, чтобы заснуть хоть на мгновение… А когда я просыпаюсь, дневной свет, проходящий между занавесками, кажется мне удивительно сырым. Он пронзает забитое, дымное и сизое небо моей застывшей ночи, которая каждый раз возвращается ко мне. В этом полусне я, несомненно, разговариваю, ерзаю и стону, резко дергаюсь, когда Ида пытается нежными ласками успокоить меня.

И вот я просыпаюсь и вижу ее лицо перед собой, оно омрачено горем от моего волнения и от того, что я отверг ее любовный жест; я прошу прощения, сжимаю ее руку, подношу ее к своим глазам и накрываю ею, как будто ее рука может прогнать всех этих призраков прочь. Я яростно вдыхаю ее аромат, чтобы впитать его и вновь пережить, благодаря этому, какое-те весеннее ощущение, из той давней поры, когда моя Ида только стала моей женой. Она все понимает и ничего не говорит, позволяет себе следовать за мной и моим настроением без колебаний, она рядом, когда мне это так нужно, но когда я жажду одиночества, она оставляет меня. Милая моя Ида…

Работа движется, но дело это очень непростое, газовая интоксикация должна быть по-настоящему эффективной… Запуск

первого производства газов в России, к сожалению, проходит в плачевных условиях. При изготовлении хлорпикрина, раздражителя, слезоточивого и ядовитого газа, я сам получаю сильное отравление.

Однако, попав на два месяца в больницу, я не падаю духом. Мне кажется, что весь этот мир войны, ее цвет, точнее, коричневато-серое отсутствие цвета, наконец, настигает меня и овладевает мной. На самом деле я питал иллюзию, что я обрету семейную жизнь, город, в стране, где идет война, но с его радостями и его огнями. Тем не менее, лежа на своей кровати, с закрытыми глазами и в окружении тошнотворных запахов, среди раненых, возвращающихся с русского фронта, я, наконец, дома, наедине с самим собой, все еще на войне. Поэтому мне кажется логичным, вопреки всем ожиданиям моей семьи, которая хотела бы оставить меня дома, отказаться от демобилизации. И я прошу чтобы мне разрешили как можно скорее присоединиться к моему полку. Вот так в августе 1916 года я возвращаюсь во Францию.

Глава 5
Почему?

Ида

Август 1916

Эрнест уехал. Ида берет Вову на руки и долго обнимает. Она не плачет. Она правда не знает, что она чувствует. Это совсем не похоже на первый отъезд Эрнеста в августе 1914 года.

В тот день Ида пришла домой как лунатик, охваченная нежной и неожиданной страстью к мужу. Эта страсть раскрыла то, что она носила в себе, что было диким и нежным, свободным и радостным. Одна только мысль об этом вызывала мурашки на коже. Почему такая гармония заставила ждать так долго прежде, чем раскрыться? Расставшись со своим эгоизмом, они тем не менее сумели обрести друг друга, полностью открыться друг другу, ко всеобщему удивлению. Теперь обо всем можно было забыть: расстояние между ними, резкость жестов и то тяжелое молчание, которое она выносила из любви к Эдуарду, и слепая вера в возможность перемен – все это осталось в прошлом и перестало иметь значение. Произошло нечто, что оказалось значительно лучше любых перемен: случилась настоящая встреча, которая стерла все, что было до нее. Ида чувствовала себя невероятно насыщенной, как будто эти последние часы с Нестей запечатлели в ее теле и душе эмоции, любовь, нежность в безграничном объеме, как будто они доверили ей сокровище, которое она могла уверенно хранить в себе и из которого она могла черпать каждый день по чуть-чуть вплоть до его возвращения.

Но два года спустя мужчина, которого она заново открыла для себя, стал для нее камнем. Он двигался, говорил и действовал исходя из собственных импульсов, и не оставлял места для обсуждения. Ида чувствовала это и была постоянно начеку, пытаясь понять, что стало причиной такой перемены. Словно его лучезарная сила, то его живительное кипение, которое раньше бурлило в нем, теперь не находило выхода, оно пузырилось где-то внутри его существа, как сок дерева зимой, когда листьев нет, и этот сок лишь обеспечивает его внутреннюю

жизнь. Если бы она знала, что в глубине сердца Эрнеста она все еще занимала жизненно важное место. Однако место это казалось настолько глубоко захороненным, что Ида иногда сомневалась в нем, особенно во время внезапного жеста или отдаленного взгляда, которые жестоко ранили ее сердце.

Эрнест меньше выходил из дома, чтобы оставаться с сыном, присматривать за ним, чего он никогда не делал до своего отъезда на войну. Он мало говорил, много читал, плохо спал, сон его был беспокойный, перебиваемый кошмарами. О своей работе он никогда не упоминал, но она догадывалась, что разработка этих газов, хотя и срочная и необходимая для России, дается ему непросто. Многие рабочие ушли на фронт, оставшиеся были не самыми умелыми, материалы, необходимые для производства, доставлялись с задержками, технические средства для производства газов оказались ненадежными…

Когда Ида пыталась расспросить мужа о месяцах войны во Франции, он отмахивался и уходил от этой темы. Поэтому она вынуждена была смириться с тем, что эта территория его жизни останется для нее недоступной. Либо она не смогла бы понять его рассказов, не пережив этого, либо ей не надлежало ничего об этом знать, потому что это знание было бы слишком болезненным. А может быть, Эрнест просто не мог об этом говорить?

Ида ждала его в своих молитвах, в своей любви. Найдя убежище в благоразумном, верном, любящем присутствии, она уважала его молчание, которое свидетельствовало, как она чувствовала, о стольких пережитых и накопленных страданиях и жестокости, о разочарованиях, о которых просто невозможно было рассказать. Она цеплялась за этот маленький огонек, мерцавший глубоко внутри любимого, далекий отблеск в буре эмоций и мыслей, которые яростно сталкивались друг с другом и безжалостно сотрясали его.

Но дни шли, и на глаза Иды опустилась серая пелена. Она переживала за Нестю. Ей хотелось добиться взаимопонимания. Единственным счастьем для Эрнеста было видеть, как его сын учится изъясняться по-французски, радостно поднося отцу эти первые слова, как искры, которые были в свое время заботливо вложены в его сердце. Лицо отца в эти моменты светлело, словно одно лишь слово, произнесенное ребенком, могло стереть все невзгоды и волшебным образом создать сияющий, свободный, безопасный мир.

«Эрнест вернулся… и ушел!»

Она так боялась потерять его за те два месяца, что он провел в больнице! Но физическая сила ее мужа превозмогла

токсическое действие газов. Она молча наблюдала за ним у его постели, ни на мгновение не переставая разговаривать с ним в своем сердце, рассказывая ему о летнем небе, о ярких всплесках цветов под окнами, об улыбках и смехе Эдуарда, незаметно и нежно касаясь его лба, его руки, всегда рядом, мягкая, как дыхание.

Город в то время был дезорганизован, через него проходили потоки обездоленных беженцев, что существенно затрудняло перемещение между больницей и домом. Измученная, Ида приходила домой и плакала вечером одна в опустевшей комнате. И когда, наконец, врачи объявили о выздоровлении мужа, ей с трудом верилось в это, настолько ей было страшно. Но все же женщина обрела надежду и стала обращать внимание на свое платье, начала подготавливать дом, ибо было понятно, что после таких испытаний Эрнест будет освобожден от воинской повинности и останется в Москве. Наконец-то у них будет время чтобы снова обрести друг друга. Несмотря на трудности, связанные с войной, они смогли бы возобновить свою семейную жизнь, а парфюмер кроме того – свои творения.

В день, когда Эрнест вернулся, дом сверкал как новый. Все было аккуратно расставлено по местам (а ведь когда-то ему было непринято, что порядок никогда не был сильной стороной Иды!). Повсюду тщательно составленные букеты создавали своего рода пейзаж для обоняния супруга. Девушка знала, как много он перенес за эти два месяца в больнице, в окружении тошнотворных запахов. Одетая в красивое платье цвета барвинка, Ида уложила волосы, завязав их на макушке так, чтобы они свободно ниспадали каскадом на плечи, как любил муж. Еда была приготовлена со вкусом и любовью. Все должно было радовать Нестю! Эдуард не мог усидеть на месте, он так соскучился по отцу! Когда Эрнест наконец переступил порог квартиры, ребенок бросился к нему, зарывшись в его объятиях. С закрытыми глазами отец погладил сына по голове, а затем запечатлел долгий поцелуй на его белокурых кудрях. Затем, поставив мальчика на ноги, он повернулся к жене, милой, счастливой, но с тревогой во взгляде: «Ты рад возвращению? Видишь, мы тебя ждали!» – как будто шептали ее глаза, еще более светлые, чем обычно.

«Сейчас не время говорить им об этом», – по-думал Эрнест.

Он взял за руки жену и сына, затем они втроем прошли из одной комнаты в другую. Было лето, стояла жара. Солнечный свет заливал внутреннее убранство благоухавшего дома. Эрнест увидел букеты и, конечно, насладился переплетением ароматов, которые возвращали его к тому, что он любил, к жизни и ее

таинственным созвучиям, которые он так хотел исследовать, сочетать, даже воссоздавать… в нем поднялось дыхание счастья, и наконец на губах его расцвела улыбка. После стольких недель, проведенных в больнице взаперти, он безудержно улыбался жене, сыну, жизни, которая снова приняла его в свои объятия, чтобы передать ему всю свою красоту и светоносную силу. Они сели за стол. Малыш настоял на том, чтобы сидеть на коленях у отца, с которым он больше не хотел расставаться. Эрнест обменялся с ним несколькими словами по-французски, и очень обрадовался тому, что Эдуард ничего не забыл. Ида посмотрела на них, полная радстного удовлетворения. Это было чудо, все вернулось на свои места. Улетела тяжесть предшествовавших тяжелых недель она глубоко вдохнула этот воздух счастья, который мерно растекался вокруг них: «Наконец-то гармония…!»

День пролетел мягко, мирно, в нескольких безобидных репликах, оба осознавали этот огромный дар просто быть вместе, бок о бок друг с другом, и наслаждались моментом. Жаркой ночью Ида смотрела на своего мужа, он похудел, но был полон решимости, спокоен. Он держал ее рядом с собой, словно хотел запечатлеть в своем теле отпечаток всего ее существа. Эрнест ничего не говорил, часы шли напряженно и безмолвно. Когда он, наконец, заснул, кошмары не беспокоили его, и под утро, в свою очередь, в умиротворении заснула и Ида.

Следующим вечером, когда Эрнест объявил за обедом, что отказывается от демобилизации и просит добровольно присоединиться к его полку на фронте, Ида была опустошена. Почему бы ему не остаться с ней и Вовой? Почему не возобновить эту жизнь, которую он любил, его творения, жизнь, к которой у него было так много аппетита и способностей? Почему ему необходимо вновь встретиться лицом к лицу с войной, своими боевыми товарищами, опасностью, смертью?

Ида ничего не сказала. Эрнест шел воевать, он хотел, он не мог быть нигде, кроме как на поле боя, сражаться за свою страну, стараясь честно и мужественно служить ей, рискуя жизнью. Она знала это и не понимала, как еще вчера могла поверить в то, что он останется. Бездна жизни без мужа открылась перед ней. И это ощущение было еще более горьким, чем во время его первого отъезда!

Ида помогла мужу собрать вещи. Какая-то часть ее была словно под наркозом. Она делала все, что требовалось, на автомате, как будто ледяная рука схватила ее сердце и выжала из души все чувства. Улыбалась, целовала, обещала написать. Когда дверь закрылась, девушка замерла в слезах, держа Эдуарда за

руку…

Ида устало опускается в кресло, она потеряна. Она ощущает трещину, проходящую прямо через нее, длинную трещину, которая непоправимо разделяет все ее существо…

Часть II
Соло

Глава 1
Подготовка и революция

Ида

Август 1916

«Нестя уехал…» Ида собирается с духом, чтобы принять неизбежное.

Когда он уезжал в августе 1914 года, все думали, что война продлится недолго. Она была шоком, но все же все искренне питали в сердцах надежду. Никто не представлял тогда, какие изменения ждут страну во время войны: нехватка, беззащитность, лишения, беженцы, страдания раненых и семей, потерявших отца, мужа, брата на фронте… Война с Японией 1904–1905 годов тоже тяготила население, но она была далекой, и хотя и была проиграна, но длилась всего полтора года. А тут прошло уже более двух лет с начала войны, а конца ей не видно, даже наоборот…

В 1914–1915 годах Ида получала письма от Нести, конечно, с опозданием на несколько месяцев, но каким праздником для нее был каждый раз, когда приходило письмо! Это был ритуал. Она прижимала его к сердцу. Открывала не сразу. Ида знала, чувствовала – и письмо перед ее глазами было тому доказательством, – что ее муж жив и думает о них. Она смаковала эту мысль несколько часов, вилась вокруг нее, как пчела вокруг цветка, наполненного нектаром. Несколько часов девушка носила это письмо повсюду с собой, все еще не распечатывая, потом она садилась, спокойная, но уже с нетерпением, к своему маленькому секретеру и деликатно вскрывала конверт, изучив предварительно печать и все пометки на конверте: где и когда было написано письмо, каким путем оно дошло до нее.

В письме почти не было подробностей о здоровье и чувствах Эрнеста, но были разные забавные истории, которые позволили ей представить, через что он проходил. Храбрость его товарищей, их чувство самопожертвования, глубокий дух товарищества, взаимовыручки – они делились друг с другом тем немногим, что у них было в окопах, и Иду бросало в дрожь, когда она представляла это себе. Муж ничего не писал о газах, о бесконечных выстрелах, которые надолго оглушали всех, кто их слышал, заставляя черпать в себе силы и сохранить единство

души и тела для того, чтобы продолжать сражение. Нет, это все она прочитала еще когда он вернулся в Москву, на лице мужа во время его кошмаров… Обо всем этом можно было догадаться и, увы, представить себе степень воздействия…

Но и в Москве людям жилось нелегко. Как странно, что она так и не поговорила об этом с Нестей за эти несколько месяцев, которые они провели вместе…

С самого начала войны в стране начали происходить стычки между россиянами и иностранцами. Всех немецких и австрийских мужчин отправили в Сибирь, а их семьи призвали покинуть Россию. Это коснулось и ее двоюродных братьев Павла, Александра и Виктора Шоенайх. Павел, будучи военнообязанным в немецкой армии, был выслан из Москвы в город Бирск, на востоке Империи. Вслед за ним в ссылку последовала очаровательная Тамара Петрококино, на которой он только что женился. Александра и Виктора также отправили в Уфимскую губернию, других двоюродных братьев поместили под домашний арест в Саратове как «немецких подданных славянского происхождения». Дядя Иды, Фридрих-Вильгельм, отец Александра и Павла, был вынужден бросить работу на заводе Каверина и устроился работать слесарем на купеческой мельнице в маленьком поселке недалеко от Казани. Грабежи, драки и бесчинства следовали одно за другим. Мы видели, как в Москве полчища русских врывались в магазины и квартиры немцев и австрийцев, выбрасывали все на улицу, потом крушили то, что еще осталось целым. Кровати, пианино, мебель, скобяные изделия, ткани беспорядочно валялись среди тортов, сапог, выпотрошенных подушек… Был установлен бессмысленный полицейский и бюрократический надзор, чтобы отслеживать и ограничивать любое перемещение «граждан воюющих государств по России».

Ида, хотя и была немецкой подданной, родилась в России и была русская по матери, теперь стала француженкой по браку, так как носила фамилию мужа. Так что она не волновалась. Не больше, чем ее тетя Хельма, вышедшая замуж за русского Сергея Топленинова. Но судьба двоюродных братьев глубоко беспокоила Иду. «Следовательно, это война против моей страны», вне зависимости от того, Германия ли это, Франция или Россия, – это были страны, с которыми она была повязана кровью, жизнью, любовью…

Потрясенная всеми страданиями, причиненными войной, Ида решила бороться, как могла, чтобы как-то облегчить горе. Часть фабрики «Ралле» была превращена в госпиталь, как и многие здания, которые переоборудовали для приема раненых, и Ида

предложила свои услуги медсестры. Образования у нее не было, но она быстро научилась. Врачи были перегружены, а раненые остро нуждались во внимании и помощи! Шли дни, и после многочасовых перевязок, попыток ободрить и утешить страждущих, помощи врачам на трудных, иногда трагических операциях она возвращалась измученной, но все же чувствовала себя живой, она была счастлива оттого, что могла приносить пользу, и благодарила Бога за эту участь. Рукопожатие, взгляд, слово благодарного раненого так много значили для нее. Однако иногда случалось, что она шла по улице и вдруг чувствовала благоухание духов, видела какой-то плакат или слышала доносившуюся откуда-нибудь музыку, и прошлое вдруг врывалось в ее сознание, мирная, радостная, невинная атмосфера прежней жизни возникала, а затем растворялась в ней, вызывая слабую улыбку сладкой горечи, ностальгический вздох. Да, эта жизнь когда-то существовала, очень давно, в другую эпоху… Потом все замыкалось, зарывалось глубоко в ее сердце, как спрятанное, схороненное сокровище, делая ее на мгновение неподвижной. Ида уходила в себя, и лишь только ее тело продолжало двигаться в сторону дома. Встреча с ее маленьким мальчиком была радостным моментом дня. Играть с ним, купать его, кормить ужином и укладывать спать, обнимать его – какое это было чудо! Это было ее вечернее солнце, ее радостный свет в тумане тех тяжелых дней. К счастью, няня, надежная няня, присматривала за всем и заботилась о Вове, пока Ида проводила дни в больнице. А уже скоро вернется Нестя, война закончится, и они снова будут вместе!

Однако, когда Нестя ненадолго вернулся, все оказалось намного сложнее, чем Ида могла себе представить. А теперь… теперь он снова ушел. Несмотря на то что где-то внутри она понимает, уважает и даже восхищается выбором Эрнеста, само существо ее разрывается от этого на части, опустошается, разрушается.

Ида возвращается в больницу, хотя и с меньшим энтузиазмом. Когда приходит первое письмо, она остается в нерешительности. Она берет конверт между пальцами, кладет его на стол перед собой и смотрит на него. Затем, наконец, хватает его и открывает. Может быть, она найдет там слова, которые уберут ком в горле и облегчат боль? Как найти нить, которая снова свяжет ее с Нестей? Ида читает и перечитывает эти две дошедшие до нее страницы. Она тронута подробностями, которых в этот раз предостаточно, и радостью, да, радостью, которая исходит от этого письма. Эрнест чувствует себя действительно

полезным на своем месте, имея возможность оказать своей стране услугу, на которую способны немногие, помогая обу-чать русские войска для французской армии.

«Я счастлив, что меня назначили на эту должность, потому что я действительно могу помочь этим людям».

«Он счастлив…»

Ида снова читает предложение. Это удар прямо в сердце. «Он счастлив…» Да, в каком-то смысле ее муж счастлив больше, чем он если бы он был рядом с ней, намекает ей тихий голос, который она отгоняет прочь. По правде говоря, Эрнест – человек действия, и хорошо, когда ему дают назначение, соответствующее его способностям. «А ты, как тебе с этим быть?» – продолжает тихий голос. Во всяком случае, она видела, как он страдал в Москве, еще до своего отравления, оттого что он далеко от товарищей и от фронта. Какова бы ни была его любовь к своей семье, он не мог остаться в Москве, не потеряв самоуважения, не из гордости, а из чувства невыполненного своего солдатского долга. Ида делает глубокий вдох. Что-то поддается внутри нее. Она может, нет, теперь она просто должна смириться с реальностью. Ее растроганный взгляд задерживается на портрете Эрнеста в военной форме. И тут на нее нисходят спокойствие и уверенность.

Ветер разносит листву по улице. Ида чувствует запах перегноя, поднимающийся из сада. Она встает и распахивает окно, словно позволяя ветру унести всю печаль, которая не давала ей дышать последние несколько недель. Девушка улыбается и закрывает глаза. Ветер удваивает силу и хлещет ее по лицу, посылая в комнату водоворот листьев. Но Ида не закрывает окно. Это дуновение жизни, которая снова зовет ее в полет.

На следующий день в больнице ее товарищи видят энергичную, нежную и внимательную Иду, порвавшую с образом грустной женщины, которая все последние месяцы была лишь тенью самой себя. Все радостно приветствуют девушку, а раненые даже поздравляют. Эти знаки дружбы Ида принимает с безмерной радостью воскресшего человека, как капли счастья, которые возвращают ее к жизни. Вечером, впервые за несколько месяцев, Ида засыпает глубоким сном, наконец-то примирившись с собой.

Однако ситуация становится все более напряженной. У населения заканчиваются продукты питания, а зима 1916 года обещает быть суровой. Сама Ида не страдает от каких-либо лишений, но ее сердце замирает, когда она видит тревожное состояние людей, встреченных на улицах, сгорбленных, осунувшихся, с изможденными лицами, почти пустыми глазами.

Иногда она приносит горячую еду беженцам, которые ежедневно проходят мимо ее дома: измученные, замерзшие. Девушка задается вопросом, как долго все это продлится и как люди смогут продолжать войну в такой холод на фронте, и как они будут жить здесь, в городе. Транспорт работает плохо, все больше опозданий и поломок, снабжение недостаточно. Раненые рассказывают ей зловещие факты: солдатам не хватает еды, боеприпасы отсутствуют или даже порой просто не подходят для их винтовок; многие разочаровываются, но любой получает суровый выговор, стоит лишь раскрыть рот, чтобы пожаловаться. Говорят даже о дезертирстве, о восстаниях.

На улицах Москвы нарастает беспокойство. Зима с каждым днем все сильнее сокрушает гражданское население холодом и лишениями. В начале 1917 года некоторые фабрики, из-за отсутствия снабжения, вынуждены закрываться, оставив рабочих без работы, ходят слухи о том, что хлеб будут выдавать по карточкам. Забастовки и демонстрации случаются все чаще. В феврале из Петрограда приходят ужасающие вести: шествие демонстрантов подавлено, погибло сто человек. 25 февраля стачка становится всеобщей, и царь приказывает силой покончить с беспорядками в Петрограде. На следующий день, после нескольких столкновений, в результате которых погибло более ста пятидесяти человек, толпа была отброшена на окраину города. Но к демонстрантам начинают присоединяться солдаты, и объявляется осадное положение. Ночью поднимают бунт два элитных полка, «возмущенные расстрелом своих братьев-рабочих». Солдаты и рабочие братаются, оружие арсенала раздается, в городе поднимается восстание. Создается Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов.

До Москвы доходят слухи о событиях в Петрограде. Начинается всеобщая забастовка, избираются совет и военно-революционный комитет. Дума, со своей стороны, образует Временный комитет для восстановления порядка и сношения с лицами и учреждениями. Образуется правительство, тоже временное, с провозглашением всеобщего избирательного права, подавлением полиции, амнистией всех политических заключенных…

Ида смотрит, на проходящие под ее окнами толпы. Ей, конечно, известно о бедственном положении русского народа, но она ошеломлена. «Как будто зла, которое принесла война, недостаточно, и надо добавить к нему еще и революцию…» Когда 3 марта царь отрекается от престола, ей кажется, что единственная гарантия стабильности режима исчезла, оставив осиротевший народ перед лицом анархии. Фактически

следующие недели приводят к невообразимому беспорядку. Протесты не прекращаются. Поначалу насилия почти не было, а отмена смертной казни, свобода печати и выражения мнений, а также право голоса для женщин и многие другие меры просто опьяняли толпы, которые ликовали и бесконечно обирались, чтобы осудить происходящее. Бывало даже так, что мужчина, совершенно голый, заходил в автобус и усаживался посреди перепуганных женщин, крича: «Я независим, я независим! Что хочу, то и делаю!»…

Нарастающая в стране напряженность между Советами и Временным правительством приводит к столкновениям и насилию. Для одних принятие ожидаемых мер, в первую очередь заключение мира, переход на восьмичасовой рабочий день и аграрная реформа, затягиваются. Для других вопрос о прекращении войны даже не стоит. Однако количество дезертирств увеличивается, и армия испытывает настоящее бедствие. Создается идеальная атмосфера для действий всякого рода разбойников: под разными предлогами люди совершают нападения, воровство и грабежи.

Однажды в апреле 1917 года Ида возвращалась, как обычно, из больницы, и практически из-за угла на улице на нее напали двое злоумышленников, они повалили ее на землю и сорвали пальто и сумку, в которой, к счастью, не было почти ничего. Ида была потрясена этим событием и решила покинуть Москву. Ей кажется очевидным, что она должна отправиться с Эдуардом и няней в Ивановское, село ее детства, где их все знают и где они будут в безопасности. Ида сообщает об этом решении своей невестке Жанне, матери и Полю Плено. Все подбадривают ее и уверяют, что уведомят Эрнеста об отъезде, как только появится возможность.

Эрнест

Август 1916

Я вернулся на поле боя и чувствую себя в мире с самим собой. Я всего лишь небольшой элемент в гигантских военных усилиях союзных наций. В феврале 1916 года первая русская бригада в составе двух полков вышла из Москвы по Транссибу и достигла Маньчжурии, чтобы отправиться во Францию. Она наконец прибыла в Марсель в апреле, в то время как корпус броневиков бельгийской армии и 444 человека личного состава отправились в Брест, а подкрепления, посланные англичанами,

достигли России и успешно участвовали в наступлении Брусилова на Восточном фронте. Затем к первой добавилась вторая русская бригада. Таким образом, переброс армий с одного фронта на другой продолжился.

При отбытии во Францию третьей русской пехотной бригады в августе 1916 года я вместе с ней покидаю Россию через Архангельский порт. Высаживаемся в Бресте, оттуда я следую в Лорьян, чтобы присоединиться к 29-му полку полевой артиллерии. Затем меня направляют в лагерь в Майи инструктировать войска русского экспедиционного корпуса во Франции, а в октябре 1916 года – на курсы повышения квалификации в Бюсси-Летре и в Шалон. Мое знание русского языка, с одной стороны, и боевой опыт во Франции – с другой, позволяют мне эффективно подготовить интеграцию этих людей в наши операции. Как будто все, что я взял от Франции и России, обретало здесь смысл, оптимальным образом реализовывая себя. Здесь я также нахожу своего друга, с которым мы будем дружить всю жизнь, – Эжена Эстрада. Он, как и я, работал до войны в «Ралле». После службы в 86-м стрелковом полку Эжен был назначен помощником по административным вопросам в 1-й полк первой русской бригады. Эти месяцы, которые я проживу в теплой компании Эжена, вернут мне себя.

Со временем ко мне возвращаются силы, работоспособность, умственная и физическая энергия, которых мне так не хватало в Москве, особенно после отравления и во время пребывания в больнице. Я храню в сердце мою милую Иду, я скучаю по сыну, но я ни на минуту не жалею, что вернулся во Францию к моим товарищам. То, как я веду обучение, мое нахождение в резерве и моя требовательность делают мою работу плодотворной, и кажется, что ее способны оценить по достоинству, поскольку в конце ноября меня повышают до унтер-офицера в звании аджюдана.

Когда было принято решение об отправке в Россию батареи из 75 орудий 13-го Венсенского полка полевой артиллерии, меня направили в этот полк под руководством капитана Пьерра. Пока мы собираемся. Но выясняется, что отправленная техника была потоплена в гавани Архангельска немецкой торпедой. Затем капитан Пьерра был переведен в 102-й тяжелый артиллерийский полк, чтобы принять командование батареей орудий 155-го калибра, также предназначенной для русского фронта. По его просьбе я был немедленно переведен в этот полк и вскоре получил звание младшего лейтенанта.

В начале марта 1917 года я спешу вернуться в Россию, у меня нет никаких известий от Иды, несмотря на письма, которые я ей

непрестанно писал. Я узнаю, что зима в России была крайне суровой, не хватало некоторых продуктов питания. Я переживаю как за семью, хотя и знаю, что они окружены заботой, так и за общую ситуацию в России, которая ухудшилась после моего отъезда. В начале 1917 года русские войска еще казались мощными, усиленными помощью союзников и массовым добором солдат. Но теперь мы видим, что люди устали считать раненых и оплакивать убитых, количество которых непрестанно ростет. Забастовки множатся, только что вспыхнула Февральская революция 1917 года. Социальное напряжение и вооруженное восстание привели к отречению царя и созданию Временного правительства и Советов. В результате союзники боятся потерять поддержку с востока.

Однако участие России в войне пока не вызывает сомнений. В мае 1917 года мы наконец высаживаемся с двумя группами тяжелой артиллерии, тщетно пытаясь в революционной суматохе обучить русских артиллеристов обращению с нашими пушками и занять позиции на Юго-Западном фронте.

Голоса противоречивы, силы и устремления сталкиваются. Временное правительство не проводит ожидаемых реформ. Из-за войны и солдат, оставшихся на фронте, оно оказалось не в состоянии назначить выборы для избрания нового Учредительного собрания, более смелого, с представителями народа, а между тем в провинции уже никто не собирается ждать. Крестьяне захватывают землю, к власти приходят Советы, что приводит к еще большей радикализации ситуации. Наступление в начале лета оборачивается неудачей, а дезертирство становится тем более многочисленным, что солдаты, осведомленные о распределении земли в своих деревнях, хотят присутствовать при этом разделе.

Генерал Корнилов, сумевший восстановить положение на Юго-Восточном фронте, был назначен Временным правительством главнокомандующим армиями; многим он представляется человеком, ниспосланным провидением, способным навести порядок в стране. Но события развиваются стремительно. Корнилов отправляет свои самые верные войска, три кавалерийских полка, в Петроград, чтобы сокрушить Советы. Этот акт сравнивают с попыткой государственного переворота. Керенскому и Временному правительству не остается ничего другого, кроме как призвать подавленные ранее, в начале лета, большевистские силы для защиты столицы. Этот «республиканский» выбор позволяет большевикам, освобожденным и вооруженным, выступающим к тому же в качестве «спасителей революции», укрепить свой авторитет у

значительной части населения. Наконец, 31 августа Петроградский Совет и 126 губернских Советов проголосовали за резолюцию о передаче власти Советам. Революция набирает обороты и ускоряет темпы. Мы – ее свидетели…

Приехав в Москву, я с ужасом узнаю от Поля и Жанны о нападении на Иду. Меня успокаивает тот факт, что теперь они с Эдуардом находятся в безопасности в маленьком поселке Ивановское, где ее все знают и ценят. Я выискиваю малейшую возможность повидаться с ними, пока я в отпуске, но, к сожалению, безуспешно. Здесь есть чем заняться. Я не могу не присутствовать во французской военной миссии. Ситуация в городе, мягко говоря, тревожная и пугающая. Я узнаю от Поля, что директор фабрики, которая соседствует с «Ралле», попал в немилость к рабочим, в результате чего оказался в мешке, был погружен на тачку и брошен в реку… О том, чтобы заглянуть в «Летучую мышь», где по-прежнему пьют шампанское, только в еще больших количествах, чем раньше, нет и речи. Все театры переполнены. Что же касается батальонов, расквартированных в корпусах завода «Ралле», то они поют уже не молитву за царя, а… «Интернационал», и опять в один голос!

Ида

Апрель 1917

Когда в апреле 1917 года Ида приезжает в Ивановское, она понимает, что сделала правильный выбор. Здесь, на первый взгляд, ничего не изменилось. Восхитительное чувство обретения мирного, любящего, знакомого мира охватывает ее, и она вздыхает с облегчением. Ида с сыном селятся рядом с церковью, на улице Поповка, у вдовы священника Клавдии Федоровны Голубевой. Дом небольшой, но у них есть свой этаж, и этого более чем достаточно. Клавдия рада встрече с Идой, трое ее сыновей тут же предлагают ей помощь в распаковывании вещей. На самом деле им любопытно посмотреть, что она привезла из Москвы, и так же, как их мать, они жаждут последних новостей. Все устраиваются, пьют чай, а Эдуард резвится и бегает за местным рыжим котом. Иде хочется узнать больше о жителях деревни, ушедших на войну.

– Есть ли пропавшие без вести или раненые?

– Митя, учитель, очень приятный, к сожалению, несколько месяцев назад попал под вражеский обстрел. А кузнец Сергей

получил ранение в ногу, но, кажется, сможет продолжать заниматься своим ремеслом, правда, всю жизнь, возможно, будет хромать.

«Да, именно это я и попытаюсь придумать для нового аромата. Есть возможность пойти по новому пути, и я должен попробовать это сделать!»

Ничего не известно о ее двоюродных братьях Сереже и Володе, они все еще на фронте. В любом случае, Ида сможет разузнать о них больше, как только найдет тетю Хельму и дядю Сержа, и ей очень хочется поскорее это сделать. И вот, наконец, Ида отпускает хозяйку, отправляется к тетке и падает ей в объятия.

Какое счастье – ощущать крепкие объятия этой женщины, пухлой и теплой! Ида вдруг чувствует себя защищенной – чувство, которого она не испытывала уже так давно. Слезы наворачиваются девушке на глаза, когда она обнимает тетю, которая, видя ее эмоции, целует ее в обе щеки, дарит материнскую ободряющую улыбку. Две женщины садятся друг напротив друга, держась за руки. Хельма слушает поток слов племянницы, которая, кажется, хочет все ей объяснить, все рассказать, как та маленькая девочка, которой она была когда-то, когда доверилась ей впервые. У Хельмы было всего два сына, и Иду, единственную дочь любимого брата, она тоже всегда считала своим собственным ребенком. Сережа, Володя и Ида выросли вместе с Павлом и Александром, двумя сыновьями другого ее брата. Она была немного их королевой, единственной девочкой в семье, но все равно без конца бегала по лесу, каталась на лошадях и следовала за своими двоюродными братьями, которые были немногим старше ее, в их всевозможных спортивных занятиях и приключениях.

Хельма внимательно рассматривает изможденное лицо Иды, темные круги под глазами. Тетя отмечает наспех заплетенные волосы, обращает внимание на отрывистый ритм рассказа. Столько эмоций, которые молодая женщина не могла ни с кем разделить, столько страданий и тоски по мужу, переживаний за его семью… а потом еще и это нападение на улице. Хельма вздрагивает и старается случайно не сказать племяннице о том, что ровно таким же образом была убита жена делового партнера ее мужа, в собственном доме, во время кражи со взломом – воры преследовали ее до самой квартиры, чтобы напасть вдалеке от сторонних взоров… Ида, ее Ида ведь тоже могла погибнуть! Хельма чуть крепче сжимает протянутую к ней руку, эта рука словно якорь, наконец брошенный на дно спасительного порта.

Тень омрачает лицо Хельмы, когда она понимает, что молодая женщина остается одна, а ее муж вернулся на фронт, хотя его должны были бы демобилизовать после столь серьезного отравления.

Сергей, супруг Хельмы, возвращается в этот момент с фабрики и широко раскрывает Иде объятия. Она вскакивает, бросается к дяде и укрывается в них, заливаясь слезами, так сильно она взволнована этой встречей со своей семьей. Сергей долго держит племянницу в объятиях, гладит ее голову своей большой ласковой рукой, пока к ней не возвращается самообладание. Только тогда девушка поднимает на него взгляд и улыбается сквозь слезы, едва слышно произнеся «Спасибо!».

Все трое устраиваются в гостиной, и Сергей, в свою очередь, рассказывает, что они узнали из нескольких писем, полученных с фронта. Володя и Сережа в порядке. В полку их ценят. Володино чувство юмора и талант изображать персонажей, бесчисленные песни, которые знает и хорошо поет Сережа, очень помогают сплочению их батальона, когда боевой дух товарищей падает. Несколько раз их обстреливали, но, к счастью, братья не пострадали. Рассказывают они и об этих ужасных газах. Ида кивает. Она лечила в больнице нескольких раненых, сильно ослабленных в результате воздействия газа. Затем дядя Сергей сообщает новости о фабрике. Люди радуются тому, что она продолжает функционировать. Рабочим, правда, уже начинают платить натурой: мукой, тканями… Ида понимает, что и здесь, в деревне, война сильно ударила по населению. Конечно, всегда можно рассчитывать на собственный огород, но многие продукты просто недоступны. Но население справляется, люди помогают друг другу. В любом случае, Иде не о чем беспокоиться. Если у нее что-то заканчивалось, ей не только помогут, но и, если что, найдут работу на фабрике. После встречи с родными Ида возвращается за Эдуардом, который все это время был с няней. У нее нет сил поужинать, настолько она эмоционально измотана. Едва уложив ребенка спать, девушка сама проваливается в глубокий сон.

На рассвете первые лучи солнца ласкают ее лицо. В открытое окно дует прохладный ветерок. Пахнет чубушником и росистой землей. Ида встает, видит, что сын все еще спит, и тихонько выходит, накинув на плечи шаль. Девушка позволяет утреннему свету, чистому и аромату трав, по которым она ступает, наполнять ее, омывать ее, проходить через нее, даря ощущение радости момента. Добравшись до леса, Ида ложится, раскинув руки. Счастливые образы из детства, когда девочка множество раз пробегала этим маршрутом, возникают и неистово кружатся у нее

перед глазами.

Ида возвращается с легкостью на душе и решает взять сына в лес, чтобы раскрыть ему лесныевесенние секреты. Здесь, она знает, что и сама может переродиться…

Глава 2
Москва – Киев

Ида

Осень 1917

Лето 1917 года пролетело так быстро! Новости из Москвы тревожны, но ситуация в деревне еще тревожнее. Ида уверена, что Керенский поставил их в безвыходное положение. Власть большевиков растет с каждым днем, даже здесь, в маленьком селе Ивановском. Крестьяне, работавшие на трех крупных помещиков района, захватили их землю. Для двоих из них это произошло совершенно спокойно, и отношения между крестьянами и их бывшими помещиками были хорошими. А третий, Антон Павлович, ни о чем таком и слышать не хотел. В результате его убили почти на глазах у семьи, а дом сожгли. Вся деревня была в шоке, а Ида почувствовала, как петля революции затягивается все туже. Она думает поехать в Москву, чтобы забрать драгоценности, немного денег и немного вещей (свои драгоценные партитуры). А заодно посмотреть, не разграблена ли квартира, и не живет ли в ней уже кто другой. О подобных бедствиях ходит много разговоров. Вместе с тем путешествие сопряжено с трудностями (никогда не знаешь, когда приедешь) и даже с некоторым риском для жизни. В конце сентября 1917 года она, наконец, решает оставить Эдуара у тети и отправиться в Москву.

Сидя у окна, Ида наблюдает за проплывающим мимо пейзажем. Ее сердце сжимается. Где все те хорошо одетые путешественники, возвращающиеся в Москву после дачного лета, и веселые бабы, предлагающие свои товары на платформах? Куда делся порядок, который всегда царил на этих аккуратных маленьких станциях? Не видно ни улыбки, повсюду лишь измученные, озабоченные, встревоженные лица. Зато появилось ощущение беспорядка, ветер агрессии, как будто все правила этикета исчезли, и руководствоваться надлежит лишь личным желанием пробиться во что бы то ни стало, даже если для этого придется толкнуть или вовсе избить ближнего. Но, может быть, она просто переживает-за поездки и проецирует свои опасения на то, что видит за окном?

На вокзале в Москве пассажиры спешат поскорее выйти, толпа разлившейся рекой течет по перрону. Ида продвигается

вперед, увлекаемая течением, крепко прижав к себе сумку. Стараясь не споткнуться, опасаясь, что ее растопчут, она пытается найти выход. Проходя, наконец, через дверь, она слышит мужской голос, выкрикивающий ее имя:

– Ираида Эрнестовна!

Она поворачивает голову, но в толпе невозможно никого различить. Девушке удается податься в сторону, мимо нее проходит небольшая толпа. Тогда она узнает в нескольких метрах от себя человека, который разделил с ней путешествие из Харькова. Мужчина машет рукой, улыбаясь ей в темноте. Завидев его, Ида с облегчением внезапно чувствует себя счастливой. Словно этот незнакомый человек был ей бесконечно близок, связывая ее с еще стабильным прошлым, только что опрокинутым, с тем временем *до*, еще до войны…

Серж подходит, кланяется девушке и, увидев ее одну, спрашивает, не нужна ли ей помощь. Ида с радостью соглашается. Он берет ее под руку, и они покидают станцию. Мужчина спрашивает ее домашний адрес, чтобы проводить. В пути, в тишине экипажа, нарушаемой лишь стуком копыт, они некоторое время молчат. Все случилось так внезапно. Особые обстоятельства, революция и неустойчивый, даже опасный общественный климат самым случайным образом продлили их знакомство. Но что они знают друг о друге? В памяти всплывают обрывки разговоров по пути из Харькова, и каждый молчит, обрадованный присутствием другого, хотя и немного смущенный. Серж спрашивает ее, где Эдуард, ее маленький мальчик. Ида рассказывает, что после Февральской революции они поселились в деревне. Она, в свою очередь, интересуется его сыном. Серж отвечает, что Митя с мамой живут в окрестностях Москвы. Ида рассказывает, что возвращается в город, чтобы посмотреть, в каком состоянии их квартира, и составить план действий на ближайшие месяцы, зиму она намерена провести за пределами Москвы.

Когда экипаж останавливается перед домом Иды, она выходит и, немного поколебавшись, предлагает Сержу зайти выпить чаю. Он с радостью принимает приглашение. Ему спешить некуда. К тому же, добавляет он, лучше убедиться, что после столь долгого отсутствия Иду не ждут дома неприятные сюрпризы. Она улыбается, тронутая его заботой. Мы уже так давно перестали беспокоиться о своей безопасности! Она отворачивается, захлестнутая волной эмоций, которая внезапно прорывает ту плотину, что все это время удерживала боль и одиночество, бушующие в ней. У девушки есть достаточно времени, чтобы прийти в себя, прежде чем они поднимутся по

ступеням, ведущим к порогу здания. Серж платит извозчику и присоединяется к ней.

«Ах… После стольких месяцев я снова поворачиваю ключ от своей квартиры!» Они обнаруживают, что в спальне, покрытой мелкой пылью, к счастью, ничего не потревожено. Ставни закрыты, шторы задернуты. В комнате до сих пор витает легкий запах фиалки. Ида вздыхает с облегчением и идет открывать ставни, чтобы впустить в помещение уходящий прекрасный осенний день. Она усаживает своего гостя, попутно принося извинения за состояние дома, в котором, впрочем, все еще царит порядок. Девушка уходит, чтобы вскипятить воды, достает из сумки скудную провизию, привезенную с собой на ужин, к ним добавляется банка огурцов и какой-то компот, найденные на полке.

Пока Ида готовит чай и закуски, Серж осматривается. Квартира оформлена со вкусом. Картины современных художников, плакаты и рисунки, бронза, библиотека, заполненная книгами на разных языках, – все это говорит об изысканности и буржуазности хозяев.

Ида возвращается с подносом, они садятся за стол, лицом к лицу. Свет, льющийся из окна, красиво обрисовывает надменный профиль молодой женщины, лицо которой стало бледнее, худее, чем при их прошлой встрече. Серж улыбается. Ида встает и заводит часы, вновь запуская тем самым в эту комнату, где все остановилось несколько месяцев назад, время, позволяя мерному ритму сопровождать их молчание и их улыбки.

Серж нежно смотрит на Иду. Он расспрашивает ее о муже, которого видел совсем недавно во французской военной миссии, где Серж работает с мая прошлого года, – с момента, когда он вернулся в Россию. Серж слышал, что Эрнест только что уехал из Москвы. Следует глубокий вдох. Серж чувствует, как отчаяние подступает к горлу молодой женщины, а слова связываются в клубок, который она никак не может распутать. Ида широко раскрывает глаза, ища поддержки в комнате. Пытается найти что-то стабильное, на чем ее сердце могло бы отдохнуть и дать ей спокойно ответить на вопросы Сержа. Взгляд падает на пианино, стопку нот. И тут музыка, наконец, поднимается из ее сердца, чтобы рассказать, вот так, просто, что случилось. И она рассказывает все этому мужчине, о котором почти ничего не знает. Уход, ожидание, возвращение, надежда, покинутость, когда все только начиналось заново, и вот теперь… Больница, спасительная связь с другими людьми, и вопрос, который все крутится у нее в голове: «Почему, как он мог уйти?» Этот скрытый, заглушенный вопрос постоянно всплывает у нее в

сознании по ночам, в моменты страданий, когда им с Эдуардом приходится сталкиваться с неизведанным. Ида сама удивляется этому потоку слов, которые текут свободно, без каких-либо эмоций, которые бы определяли их течение или тон. В удаляющемся свете ее лицо кажется окутанным мягкой тенью. Она позволяет своей истории зайти далеко в ночь, она втягивает в нее все то, что никогда не могла никому рассказать; история заполняет собой всю комнату, обволакивает молчание Сержа, который слушает, затаив дыхание.

Следом за сумерками спускается ночь. Ида встает, зажигает лампу и берет шаль, накидывает ее на плечи. Снова кипятит воду, чувствуя себя странным образом избавленной от этой длинной истории. Когда она возвращается в комнату седой, которую может предложить гостю, наступает ее черед сидеть и слушать: военные годы Сержа, рассказ о его жене и сыне и о том, что внес в их жизнь этот изменчивый мир, а также – о его сомнениях и тревогах.

Часы отбивают время, но ничто не может отвлечь молодых людей от их разговора. Они рассказывают свои истории по очереди, такие благодарные, такие свободные, и внимательно слушают друг друга. Только звон фарфора, когда кто-то из них ставит чашку, сделав глоток чая, благожелательно подчеркивает их общение.

Рассвет застает их, уставших, счастливых, все еще сидящими за столом и болтающими. Наконец Серж встает, чтобы попрощаться. Ида хочет отправиться во французскую военную миссию, где надеется узнать какие-нибудь новости об Эрнесте, может быть, у них есть письмо от него? У Сержа дела в городе. Он предлагает забрать девушку, чтобы отвезти обратно на станцию, где она могла бы сесть на поезд, как планировала. Ида легкомысленно улыбается. Когда дверь закрывается, она благодарит Бога.

Мирный прибой на душе сочетается с усталостью после этой ночи, когда собеседники были так внимательны друг к другу. Теперь Ида знает, что больше не одна несет бремя этого сомнительного настоящего. Все кажется менее ужасным, менее пугающим. Молодая женщина собирается привести себя в порядок и собрать вещи, которые возьмет с собой. Женщина сортирует их, выбирает несколько самых дорогих и с любовью прижимает к себе, потом складывает в большую кожаную сумку. Быстро просматривает накопившуюся почту. То ли из-за бессонной ночи, то ли из-за насыщенного разговора Ида отправляется в миссию в полном оцепенении. Ее ноги знают путь, но голова находится где-то в совершенно другом месте. Свежий

воздух наполняет ее легкие, свет заливает лицо, люди кажутся почти улыбающимися, а если девушку кто-то толкает, она этого не замечает, а порой даже приносит извинения, глядя куда-то вдаль. Ида плывет, как будто накопившееся напряжение, отчасти без ее ведома, вырвалось наружу, оставив ее в состоянии нереальной легкости.

Принявший Иду чиновник передает ей письмо от мужа. Она опять удивлена: «Почему он не приехал в Ивановское?» Он был недалеко, он знал, что она там. «Почему?» Но на этот раз яд вопроса не может навредить ей. Девушка знает ответ, даже если пока не может его сформулировать. Купив по пути два пирожка на обед, она возвращается домой, садится и читает письмо Эрнеста. Уехал на Украину, больше никакой информации. И почты оттуда не будет. Возможно, позже, когда он вернется в Москву. «Может… когда?» Он об этом не пишет… Его слова нежны и заботливы, он как будто занят делами, о которых не упоминает, говорит о миссии, но не рассказывает о ней. Ида складывает письмо и убирает в ящик стола. Усаживается за рояль, ее пальцы начинают бегать по клавишам, выпуская на волю все то, что живет в сердце и что, наконец, находит правильный выход.

Когда Серж звонит в дверь, девушка уже готова. Рука в перчатке сжимает сумку, слегка наклоненная шляпа отбрасывает легкую тень на лоб Иды. Она берет Сержа за руку и улыбается ему, как будто они знают друг друга целую вечность.

Пока машина едет к вокзалу, Серж предлагает заехать к ней в Ивановское, когда у него появится возможность. Она с радостью соглашается, потому что возвращаться в Москву пока не планирует. В тишине этой зарождающейся дружбы они благодарят друг друга за моменты совместных переживаний, и никто не знает, будет ли у них продолжение.

Когда Ида, устроившись в своем купе, высовывается из окна, чтобы помахать рукой на прощание, Серж выпрямляется и слегка кланяется. Она увозит с собой сладкое спокойствие этого прощания.

Эрнест

Сентябрь 1917

После большевистского переворота в Петрограде и Москве в сентябре 1917 года меня направили в Киев, в разведывательную службу Генерального штаба под руководство к генералу Табуи, французскому комиссару на Украине.

С мая по сентябрь 1917 года я был в России и даже часто в бывал Москве, но мне, увы, не удалось снова увидеть жену и сына или хотя бы связаться с ними. Я оставил им письмо во французской военной миссии и надеюсь, что рано или поздно оно дойдет до Иды. Как же мне больно, что я не смог их увидеть, особенно учитывая, что территориально я находился так близко к ним! Я сильно переживаю из-за того, что оставляю в Москве больную маму. К счастью, Жанна сможет за ней присмотреть!

Когда я снова увижу свою семью? Когда наступит мир?

Ситуация на Украине далека от стабильности. После Февральской революции 1917 года Киев стал центром украинских националистических движений. В ноябре сформировалась Украинская Народная Республика. В течение следующих нескольких месяцев большевистские силы сталкивались с поддерживаемыми Германией националистическими войсками, город переходил от осады к осаде, часто в большом замешательстве и ужасе.

В декабре 1917 года и в январе 1918 года, во время осады Киева большевиками, мне было поручено отправиться в Житомир с целью изыскания средств для французской и английской миссий. Когда под интенсивным обстрелом я пересекаю позиции во второй раз, мой автомобиль оказывается изрешечен пулями и осколками. Однако я благополучно прибываю, выполнив задание и привезя компрометирующее письмо, а также крупную сумму, которая должна позволить эвакуировать французскую миссию. Какое волнение я испытываю, когда меня упоминают в повестке дня миссии – я представлен к награде, Военному кресту!

После взятия города большевиками в начале февраля 1918 года ситуация осложняется, и военная миссия принимает решение об эвакуации из Киева с последующем выездом во Францию через Москву и Архангельск. Когда все миссии союзников готовились покинуть город, я получил приказ генерала Табуи оставаться для разведки на территории, оккупированной противником. Я должен ликвидировать все, что оставит после себя военная миссия во время эвакуации: файлы, штабные карты, оружие, взрывчатку. Мне удается, с помощью дорогого и преданного друга, лейтенанта Анри Виллема, уничтожить все до прихода в Киев немцев и австрийцев. К моменту, когда они завладевают нашим помещением, мы уже утопили или закопали под снегом, в пригороде Киева, оружие и взрывчатку, сожгли файлы и карты – крайне непростые задачи для выполнения в условиях, когда город то в осаде, то в оккупации. Но моя миссия на этом не заканчивается. Я также должен обеспечить все необходимые условия, чтобы русские офицеры (частично наши

агенты разведки) могли присоединиться либо к чехословацким войскам, возвращающимся в Европу через Сибирь, либо к тем, которые формируются на севере, в Архангельске или Мурманске, а также – на Дону. Для этого необходимо укрыть их в надежном месте, выдать паспорта, одеть, обеспечить деньгами и, наконец, сориентировать. Между тем после многих перипетий. Германия, Украина и Россия подписывают мирное соглашение.

Эти шесть недель в Киеве под немецкой оккупацией оказались особенно опасными, даже трагическими. Я был преследуем немцами, назначившими цену за мою голову. Несколько раз меня чуть не арестовали. Но мне всегда удавалось бежать, меняя внешность, документы, квартиры. Утомительные, но волнующие недели!

Глава 3
Прощание с прежней жизнью

Ида

Зима 1917

Вести об Октябрьской революции приходят в Ивановское, когда стоит страшная зима, которая сжимает Россию в кулак и безжалостно сокрушает ее. Местный Совет стал всемогущим. Мы должны соблюдать крайнюю осторожность, избегая любых намеков на прошлое, на привилегию или социальное положение в том времени, которое теперь, кажется, ушло безвозвратно. Даже в маленькой деревне приходится менять поведение. Некоторые позволяют себе крайне дерзкие, обидные и особенно унизительные для дворян и мещан замечания в их адрес. Другие пытаются вмешаться, потрясенные этой вульгарной и неуважительной местью. Однако Иду ценят за простоту, ее никто не трогает. Дядю Сергея рабочие тоже любят, и заводской совет не собирается смещать его с должности директора. Всем известно, что только он один способен управлять заводом, и уж тем более – делать это с настоящей заботой о своих рабочих. Он предоставляет Иде, как и обещал, небольшую должность, которая позволяет ей зарабатывать 440 рублей в месяц. Это действительно немного, но это дает ей хоть какую-то точку опоры в деревне и возможность начать новую жизнь в обществе, которое постепенно и необдуманно формируется, практически вслепую. Кроме зарплаты, Ида получает муку и рыбу, и это просто замечательно! Для дяди Сергея иметь среди своих сотрудников кого-то, заслуживающего доверия, в эти смутные времена – тоже преимущество. Поэтому Ида выполняет функции секретаря осмотрительно и любезно, она довольна этой работой, которая позволяет ей общаться со всеми сотрудниками фабрики, в частности с Иваном Васильевичем, фельдшером, Катиным мужем.

Катя – подруга, сестра! Когда Катя заходит к концу рабочего дня за мужем, она появляется немного заранее, и у двух женщин есть время поболтать. Катина жизнь в деревне проста и радостна, хотя многое изменилось. Иван, скромного происхождения и веселого характера, всегда готов со всеми поговорить, помочь соседям, навестить их, если кто-то из семьи заболеет. Поэтому некоторые жители приходили просить его принять участие в

сельсовете. Но Катя эту новую должность воспринимает со скепсисом. Она с подозрением относится к тем, кто знает все обо всем и не уважает ничего и никого. Напрасно Иван твердит ей, что все это не так просто и что действительно судьба крестьян не всегда была завидной, что она зависела от тех, на кого они работали, что положение из-за войны действительно бедственное. Катя прекрасно это осознает, но когда ей действительно нужно проявить ум и изворотливость, чтобы найти и купить то, что ей нужно, – она не может доверять людям, которые нападают на установленный порядок, свергают и сажают в темницу царя. Но чтобы сохранить мир в своем доме и потому, что она любит своего Ивана, Катя делится этими мыслями только с Идой.

Ида старается не высказывать никакого мнения. Обсуждения на улице часты. Небольших собраний прохожих достаточно, чтобы вызвать разглагольствования или бесконечные дебаты, где каждый яростно провозглашает свои убеждения, свои сомнения, свои надежды. По правде говоря, никто ничего не видит ясно, и тем для обсуждений хватает: сложность общей обстановки, трудности снабжения, изменение способов управления деревней… Каждый раз всплывают проблемы, вызванные войной. Некоторые утверждают, что немцы скоро вторгнутся к нам, что они уже у нас, почти у ворот Петрограда. Ида видит, как ее мирок скатывается в иную реальность, между катастрофой войны и потрясениями Февральской и Октябрьской революций, порождая изобилие возможностей для одних, апокалиптические неурядицы для других. Это мучительное, неведомое настоящее, которое шепчет ей на ухо, что ничто уже не будет таким мирным, как прежде. Теперь, без каких-либо известий от Нести, она должна закрепиться в этой жизни, сохранить обнадеживающие ориентиры для своего сына, своей семьи, своей подруги, почувствовать ответственность за свою работу и ту солидарность, которая царит как на фабрике, так и в деревне.

В двух домах от них на улице Поповке живет молодой учитель Павел Николаевич. Он играет на скрипке и часто приходит, чтобы исполнить что-нибудь на усмотрение Иды или послушать ее. Ида регулярно играет на фортепиано, иногда до поздней ночи. Часто жена священнослужителя Клавдия Федоровна и Павел Николаевич встречаются в конце дня у самовара, а после они недолго занимаются музыкой, внося умиротворенное дыхание в бешеный ритм напряженной недели. Усталость, лишения, тревоги, раздражения – все улетучивается, когда Клавдия сажает Эдуарда к себе на колени, а фортепиано и скрипка открывают дверь в мир, полный гармонии и такой приятный для исследования. У Павла всегда с собой фотография

или небольшой блокнот. До или после занятий музыкой он посвящает время Эдуарду, играет с ним или обучает рисованию. Кроме того, он начинает разучивать с мальчиком небольшие стихотворения, в добавление к считалкам и детским песенкам, которым его учат мама и няня.

Холодным серым февральским днем в деревню приезжает Серж. Возможности предупредить Иду о своем прибытии у него не было. Придя с работы домой, она видит его в гостиной сидящим с Клавдией Федоровной у камина. Эмоции охватывают девушку при виде Сержа, но она умело скрывает их. На лице появляется легкая теплая улыбка, как будто она увидела мимолетного знакомого. Но сердце внутри колотится. Через несколько мгновений Клавдия незаметно ускользает. Серж и Ида переглядываются. Глаза Иды сверкают, Серж читает в них тысячу вопросов: «Как дела? Чем ты занимался? Какие новости?» и особенно «Как прекрасно, что ты здесь! И что ты не забыл обо мне!»

Серж открывает ей причину своего визита. Как он уже объяснил Клавдии, пока дожидался Иду, ситуация в городе ухудшилась. Сейчас там не хватает даже предметов первой необходимости. Все те, кто занимал важные посты при старом режиме, подвергаются критике, часто увольняются со своих должностей, иногда отправляются в другой город, их семьи вынуждены продавать свои вещи на улице любому, кто больше заплатит, просто чтобы выжить. Найти работу тем, кто, подобно им двоим, *отмечен печатью прежнего времени*, трудно или просто невозможно.

Буквально вчера друг сообщил ему, что «на Тверской улице его знакомый генерал, бледный, в серебряных очках и высокой черной меховой шапке, что-то продавал. Он стоял скромно, смиренно, как нищий». Друг отвернулся, желая во что бы то не стало избежать унижения для старика. Ида чувствует, как ее сердце замирает. Она думает обо всех своих знакомых, вынужденных торговать драгоценностями, старинными картинами, вышитыми скатертями. Но это еще не все: начинают реквизировать и делить квартиры. У бывших владельцев есть сорок восемь часов, чтобы освободить свое жилье, и они могут, в лучшем случае, сохранить за собой одну или две спальных комнаты, в зависимости от размера их семьи, в то время как кухня, ванная комната и гостиная становятся общими помещениями, которыми теперь они будут пользоваться совместно с другими семьями, студентами или рабочими, в зависимости от доброй воли правительства.

Более того, Серж пришел специально, чтобы сообщить Иде,

что ее собственная квартира уже занята (не так давно он взял на себя смелость осведомиться об этом). Будучи нежилой в течение нескольких месяцев и к тому же принадлежавшая французу, квартира могла быть полностью или частично конфискована. Серж не хотел вызывать подозрений и поэтому слишком много вопросов старался не задавать. И вот он пришел уведомить молодую женщину и, в случае необходимости, помочь ей предпринять шаги, чтобы она могла сохранить за собой хотя бы одну комнату, где могла бы хранить мебель, картины и личные вещи. Ида некоторое время молчит. Она знала, что это может случиться, хотя и надеялась, что судьба пощадит их. Хоть она и теряет голову от этой новости, однако понимает, что какое-то решение должно быть принято. Можем ли мы сохранить комнату, если мы там не живем? Можно ли приезжать время от времени и при этом сохранять квартиру, хотя бы частично? Серж считает, что в любом случае нужно попытаться заявить о себе властям. Они также могут попробовать получить совет от консула. Наличие мужа-иностранца, к тому же союзника русских, сражающегося вместе с ними на фронте, несомненно, является аргументом в пользу защиты Иды и ее сына, сохранения их права собственности на квартиру. Ида надеется получить поддержку друзей мужа в этом вопросе, если, конечно, эти друзья сами не окажутся в еще более худшем положении, чем она.

Клавдия Федоровна тем временем возвращается с едой и предлагает приютить Сержа. Решают, что на следующий день Ида заедет на завод, чтобы взять небольшой отпуск, и поедет в Москву посмотреть, что можно сделать. Что же до Эдуарда, то он останется в деревне, под присмотром дяди Сергея, тети Хельмы, няни и Клавдии.

Вечером, обнимая засыпающего в своей кроватке сына, Ида думает о новом путешествии, ожидающем ее. Она не знает, сможет ли выиграть дело, и боится столкнуться с новой администрацией. Ида хоть и немецкая подданная, но замужем за французом, который к тому же отличился храбростью, вернувшись на фронт. Но будет ли это засчитано в ее пользу государственным служащим, который жаждет мира и, вероятнее всего, ненавидит буржуазию? Присутствие Сержа успокаивает девушку. Она счастлива от перспективы снова разделить с ним время, ведь на поезде они поедут вместе. Это будет еще одна возможность продолжить то прекрасное общение, которое сложилось у них Москве…

Поезд катится. Ида и Серж по очереди рассказывают о том, как они провели зиму. Собеседники сидят друг напротив друга,

слова с легкостью летят и замирают на губах. Глаза их тоже радостно блестят. Однако содержание их беседы носит темный покров лишений, унижений, страха, смерти. И все равно возможность поделиться переживаниями смягчает боль, стирает острые грани, оставляя только тени. Ощущение того, что другой понимает наши тревоги без слов, дает сладкое чувство ясности!

И вот уже Москва…

Когда Ида звонит в дверь квартиры (оказалось, замок в ней уже поменяли), ее охватывает странное чувство. В общем, как и все в ее жизни: вроде все по-прежнему, но на самом деле ничего прежнего уже нет. Дверь им открывает молодая девушка. Ее светлые косы обрамляют очень красивое, немного угловатое лицо с большими карими глазами. Она вопросительно смотрит на посетителей и отступает в сторону, пропуская их внутрь. Из кухни выходит толстая неприветливого вида дама. Ида почти извиняющимся тоном говорит, что это ее квартира, и она пришла посмотреть, что здесь происходит. Молодая девушка смущенно молчит, нервно сцепив руки. Дама становится перед Идой и возражает, что «это была» ее квартира, нагло добавляя «теперь она больше не твоя!». Ее муж, который работает в администрации, вечером вернется домой – при этих словах она приосанивается – и все объяснит ей, но в любом случае одна комната еще есть. Так вот, говорит она с улыбкой, которую считает щедрой, Ида может там поселиться, «конечно». При условии согласия лица, отвечающего за распределение квартир, «конечно». После этого дама поворачивается на каблуках и идет на кухню. Серж предлагает Иде собрать какие-нибудь вещи, а он за это время пойдет и разузнает у управляющего, а также в консульстве. Он обещает вернуться ранним вечером.

«В сущности, парфюмер всего лишь интерпретатор»

Ида кладет сумку и смотрит на девушку, та стоит без движения. «Марина», – доброжелательно представляется она и провожает Иду в свободную комнату. К счастью, новые жильцы заняли гостиную, которая была больше, а комнату Эдуарда оставили Марине. Так что Иде остается та, которую они делили с Нестей. Ида не собирается задерживаться здесь надолго, но если Серж подтвердит, что это возможно, она по крайней мере сможет оставить в комнате какую-то мебель и вещи, тем более что дверь запирается. Тонкий голос тут же шепчет ей, что в случае чего этот замок никого не остановит. Все те вещи, которые ей действительно важны, лучше взять с собой. Ида входит, закрывая за собой дверь. В комнате холодно. Здесьичего не изменилось, тогда как в гостиной, как она теперь понимает, все было

перевернуто вверх дном. Ида садится в ожидании, пока Серж сообщит, удалось ли ему убедить управляющего, в чем она сомневается. Было бы чудом, если бы ей разрешили пользоваться этой комнатой, потому что в Москве она больше не живет. Девушка делает глубокий вдох и думает. Нужно не забыть ничего из того, что не может быть утрачено: документы, фотографии, письма. Это главное. Драгоценности она уже забрала. Вещи, мебель и картины придется оставить. В лучшем случае она могла бы хранить их здесь, не привлекая лишнего внимания, ибо если вдруг как-то случайно указать на их рыночную стоимость, они будут украдены или конфискованы в первую очередь.

Ида берет в руки розовую деревянную шкатулку, украшенную тонкой инкрустацией, подарок мужа, который он привез из одной из своих поездок, и слегка поглаживает ее. Сюда она кладет важные письма: от Нести, перевязанные красной лентой, от дорогих двоюродных братьев Сережи и Володи, перевязанные зеленой лентой, и, наконец, письма от матери, перевязанные голубой. В ящике секретера она находит документы о браке, свидетельство о рождении и крещении Эдуарда. Она кладет их в коробку и закрывает ее. Теперь фотографии. Ида достает из шкафа небольшой чемодан и складывает в него два альбома и пачки несортированных фотографий. Что еще? В этот момент она слышит голос своего пианино. Она думает об Эрнесте, но понимает, что, конечно, исполнителем он быть не может. Нежное касание пальцев, чувственное выражение, привлекательная интерпретация. Это «Экспромт № 3» Шуберта, который она так любит. Ида с любопытством встает. Кто же это так хорошо играет? Она медленно открывает дверь и видит склонившееся над клавиатурой лицо Марины. Легкий скрип доносится из-под ног Иды, юная девушка останавливается, поднимает голову, все еще держа руки на клавишах. Ида подходит и восторженно говорит Марине, как ей нравится ее игра, а девушка, растерявшись, краснеет. Она объясняет, что поступила в музыкальную академию и прошла там все конкурсы, что и позволило ей получить эту комнату в самом центре Москвы. Марина приносит извинения за то, что использовала пианино, не спросив разрешения. Ида тронута. Какое счастье, что ее пианино, столь дорогое ей пианино, снова живет под пальцами Марины, тогда как оно могло бы попасть в руки невежественных людей, которые бы просто уничтожили или сожгли его. Ида просит девушку сыграть снова и садится рядом с ней.

Так проходит вечер, они играют по очереди, оценивают интерпретации, слушают друг друга. И не смотря на то, что дома у Иды уже нет, благодаря Марине она оказывается не только не

лишенной своего прошлого, но более того, она чувствует, что может передать его дальше, через длинные, тонкие, такие тонкие пальцы этой юной виртуозной девушки. Затем они начинают играть в четыре руки, и когда Серж приходит, он видит их рядом, двух молодых девушек из прошлой жизни, погруженных в свои интерпретации. Толстая дама открывает ему дверь, ворча, что у нее есть дела поважнее, и что эти двое вполне могли бы встать и открыть дверь сами, и что ее муж скоро будет дома, и надо успеть приготовить обед до его возвращения, «а из чего вы мне его велите готовить, я вас спрашиваю…» Серж не может отвести глаз от картины, которая открывается перед его взором. Свет едва падает на пианино, лица в его ореоле, глаза, устремленные на партитуру, бегущие руки, движение, которое ускоряет и увлекает два тела в ритме дыхания, приподнятых, кружащихся, и вот они чуть-чуть восстанавливают силы, чтобы полностью отдаться финалу произведения, в завершение которого они остаются в восторге, но совершенно измученные. Спустя минуту тишины он аплодирует и кланяется дамам. Ида и Марина с удивлением оборачиваются к нему. Ида представляет девушку, которая предлагает им выпить чаю.

Когда муж толстой дамы приходит вечером домой, он застает за столом двух незнакомых людей и Марину, и кажется, будто они знакомы уже целую вечность. Жена объясняет ему, что это хозяйка квартиры, ну, бывшая хозяйка. Он с важным видом подходит к Иде. Немного смущенный простотой и естественной элегантностью, исходящими от молодой женщины, он прочищает горло и торжественно заявляет, что он, Владимир, и его жена Ирина, а также Марина теперь являются жильцами этой квартиры. Им разрешено разделять эту жилплощадь, поскольку он и его жена принадлежат к рабочему классу. Что же касается юной девушки, то она добилась признания в области, в которой он лично ничего не смыслит, но это совершенно неважно, поскольку заслуг у нее, судя по всему, все равно достаточно.

Мгновением раньше они купались в страстных аккордах, которые перенесли их в мир, далекий от революций, войн, холода и голода. Но с приходом этого человека все это резко оборвалось. Ида встает, обращает к Сержу вопрошающий взор, тот в ответ мотает головой. Нет, он ничего не смог получить. Ида бросает последний взгляд на свою комнату, раздумывает, снимает икону Христа и Богородицы и кладет ее в чемодан, закрывает его. Главное она взяла. Прощайте, картины, мебель, безделушки, книги… Она поворачивается к Марине и говорит, как она счастлива, что ее пианино теперь принадлежит девушке, и что ее дорогие партитуры могут пригодится в ее музыкальной жизни.

Ида уходит, не глядя на пару, которая рада тому, что она покидает их помещение.

Серж отвозит Иду на станцию и провожает к поезду. Он обещает приехать к ней, как только сможет, и сожалеет, что не смог вернуть квартиру. Но Ида прерывает его:

– Да будет так. На то воля Божья.

Серж пристально смотрит на свою подругу. В ее больших голубых глазах он видит лишь отдаленное эхо угасающего прошлого, того прежнего времени, от которого уже не осталось и следа. Он берет ее руку и долго сжимает. Она кажется ему такой достойной, эта его подруга, высокая и прямая, стоящая с маленьким чемоданчиком на перроне, готовая сесть в поезд, который увезет ее далеко от Москвы, далеко от прежней жизни… Он хотел бы заключить ее в объятия, сказать ей, что вот он, здесь, для нее, он… но поезд уже уходит, увозя Иду.

Глава 4
Киев – Москва

Эрнест

Весна 1918

В апреле 1918 года мое положение в Киеве сделалось невыносимым. После долгих переговоров с украинским правительством я получил разрешение на выезд, не только для моих секретарей и меня, но и для группы беженцев из миссии Бертло, прибывших из Румынии и присоединившихся к нам, чтобы бежать от немцев. Среди этих беженцев с нами полковник Доноп, который потом займет важную должность в командовании союзными войсками в Архангельске, и полковник Масарик, в будущем – первый президент Чехословацкой Республики. Эти двое вместе сформировали Чехословацкий корпус. Нас также сопровождает подполковник Довойно-Соллогуб, который позже примет участие в формировании Польского легиона в Архангельске, а кроме того – четыре офицера новой Польской армии (бывшие офицеры Русской императорской армии), три женщины – врачи Красного Креста с румынского фронта, три французские медсестры, лейтенант Вебстер, агент разведывательной службы британской миссии в Киеве, румынский офицер, раненный бельгийский солдат и еще несколько военных. Всего двадцать шесть человек. Конвой отправляется в Москву, путешествие обещает быть столь же трудным, сколь и опасным.

Однако от Киева до Рыльска, конечной точки оккупированной немцами территории, все прошло гладко, нас сопровождал немецкий офицер. В Рыльске немецкие власти доходят даже до того, что снабжают нас лошадьми и овсом, а также повозками для продолжения нашего пути, указывая при этом на карте маршрут следования и места, где нам будет целесообразно остановиться. Наш караван из восемнадцати тяжело навьюченных лошадей отправляется в путь и затем вытягивается длинной вереницей по извилистым дорогам, ведущим в Дмитриев.

Недоверие жителей деревень, которые мы проезжаем, очевидно. Решаем разбить лагерь на первую ночь, соблюдая все необходимые меры предосторожности. На следующее утро, когда мы уже готовимся к отъезду, к нам галопом прибывают шесть

всадников.

– Стоять! Вы – немецкий авангард!

Мы предъявляем документы и охранные грамоты, но ничего не помогает. Нас везут в соседний городок, вокруг растекается враждебная толпа, появляются бочки, на которые залезают импровизированные ораторы, раздаются крики:

– Стреляйте в них!

Нас собираются линчевать?

К счастью, вмешивается член местного совета, которому удается успокоить толпу. Он приглашает нас в избу попить чаю, пока на улице продолжаются оживленные дискуссии. Изба при этом окружена во-оруженными солдатами…

После долгого отсутствия, во время которого мы уже начинаем тревожиться по-настоящему, человек, заступившийся за нас, наконец возвращается. Он узнал, что мы французы, и «советует» нам дать наши чемоданы на досмотр, потому что крестьяне убеждены, что у нас есть автоматы. Мы подчиняемся, но получаем лишь условное освобождение: когда мы снова отправляемся в путь, каждый раз, когда кто-то из наших пытается вылезти из двуколки, его тут же «приглашают» занять свое место.

В следующем селении нас ждет целый батальон из двухсот вооруженных мужчин. Теперь нас сопровождает более многочисленная охрана для передачи местному совету в Дмитриеве. Весть о приближении «немцев» из нашего «авангарда» широко распространяется, возбуждая тревожные настроения у местного населения. В Дмитриеве нас «приветствуют» 1500 солдат!

Наш отряд ведут прямиком в Совет, который, посовещавшись, наконец разрешает нам продолжить путь. Население успокаивается, вынужденное признать, что мы и правда французы. Лидеры приглашают наших полковников на трапезу, где они делятся сосисками, водкой, все пьют и целуются, выпивая за Францию. Наконец, после долгого и насыщенного путешествия, наша группа в сопровождении трех комиссаров в целости и сохранности прибывает в Москву.

Через два дня после моего возвращения моя мать умерла во сне, бесшумно, мирно, находясь дома под присмотром Жанны. Хотя матушка уже не выходила, но все же сознавала хаос, царивший снаружи, и ее молчание выдавало ее грустную уверенность в неизбежном исчезновении всего, что она знала. Но мужественно хранила молчание. Мать испустила последний вздох, умиротворенная, среди своей семьи. Я уверен, что она ждала меня, и я благодарен ей за то, что смог поцеловать ее в последний раз. Похороны, трезвые, собирают лишь несколько

ближайших друзей семьи. Тут я узнаю, что многие французы уже покинули Россию.

Когда я иду по городу, чтобы в очередной раз навестить свою мать, я встречаю Сержа Катуара, связанного с семьей Дютфой, которую я знал до войны. Он идет в мундире Русской императорской армии, а я, как обычно, в своем французском офицерском мундире. Я кричу ему:

– Тебя расстреляют, Серж, надень гражданское! Послушай меня, считай, что это приказ.

В этом неспокойном контексте каждый день может стать последним. Нужно распознавать своих и помогать им по мере возможности.

Когда мне, наконец, удается вернуться домой, я обнаруживаю, что квартира реквизирована. Из-за двери мне отвечают незнакомые голоса. Мое имя, очевидно, ничего для них не значит. Через некоторое время меня впускают. Я объясняю незнакомым людям, которые, кажется, устроились там, как дома, что я – хозяин квартиры. Мне говорят, что я ни на что не имею права, что моя жена приехала несколькими месяцами ранее и взяла то, что хотела. Я замечаю, что многие вещи исчезли, включая столовое серебро. Я пережил все годы войны, имея при себе так мало, что факт пропажи моих вещей меня волнует намного меньше, чем полное исчезновение моего прошлого. Мои жена и сын далеко, моей матери больше нет, все, что я построил с таким трудом и любовью, исчезло.

Мне обязательно нужно ехать в Ивановское. Уже не терпится увидеть своих. Не знаю, дошли ли до них те несколько писем, которые я отправил. Желание найти их, обнять не покидает меня ни днем ни тем более ночью. Но, увы, я не могу получить разрешение для того, чтобы поехать к ним. Как больно снова быть так близко, и опять не иметь возможности их увидеть!

Мне вновь уже пора уезжать…

Мне поручают доставить в Мурманск крупную партию платины вместе с объемистой корреспонденцией из французского посольства в Петрограде, кроме того я имею также поручение, в качестве поезда (Петроград – Мурманск), отвезти князя Арсена Карагеоргиевича, генерала русской армии, а также его адъютантов нашему военпреду.

Моя задача выполнена, я добираюсь до Кандалакши, порта на Белом море, где находится отряд 102-го тяжелого артиллерийского полка. На дворе стоит конец июля 1918 года. Английское командование, зная о моем совершенном владении русским языком, направляет во французскую армию просьбу о

прикомандировании меня в разведывательную службу английского экспедиционного корпуса, действующего на севере страны.

Москву я больше никогда не увижу…

Глава 5
Взятие Онеги

Эрнест

Лето 1918

В самый день моего назначения в разведывательную службу английского экспедиционного корпуса мы по приказу полковника Торнхилла вышли из Соловецкого монастыря в экспедицию по Белому морю, на корабле «Архангел Михаил» с заданием высадиться на берег у Онеги, взять город и оттуда отрезать отход большевикам к Обозерской. Одновременно должно произойти наступление союзных войск на Архангельск.

В нашу группу входят полковник Торнхилл и еще шесть офицеров, а также восемь английских унтер-офицеров и солдат, один офицер и пятьдесят солдат и унтер-офицеров из Сербии (бывших военнопленных австрийской армии), тридцать русских офицеров, служащих без звания курсантами в английской армии, а также двенадцать русских солдат-добровольцев из Беломорья. Будучи единственным французом, хотя и младшим офицером, я получил в подчинение русский отряд.

Мы отправляемся из порта Кемь до острова Пурлуда 30 июля 1918 года, чтобы снизить риски мы меняем флаг на красное полотно революционеров. 31 июля в шесть часов утра мы причаливаем в Онеге, где прямо на набережной происходит перестрелка, в результате которой один враг убит, второй ранен. Мы высаживаемся и занимаем порт. Затем, разделившись на четыре группы, под руководством одного из десяти человек, вверенных мне под ответственность, мы перерезаем отходы от города, захватываем телеграфные конторы, демонтируем устройства связи и забираем находящуюся там корреспонденцию. В одиннадцать часов город занят. Оказалось, что мы столкнулись с очень слабым сопротивлением. Но увы, один из наших сербских солдат был ранен в сердце. Теперь, когда Онега в наших руках, мы освобождаем из тюрьмы православного священника, а также семнадцать поляков, они решают присоединиться к нам в качестве доб-ровольцев. Чуть позже находим еще пятерых поляков, в состоянии такого истощения, что их приходится отправить в Кемь.

В два часа дня полковник Торнхилл созывает горожан на

собрание и обращается к ним, чтобы успокоить их и объяснить, что город занят временно. Цель захвата – «избавить Россию от террора и от Германии». Все призваны добровольно вступить в легион для защиты России. Мы предлагаем горожанам сформировать временный комитет, который будет отвечать за управление городом и будет избран немедленно. Население встречает выступление с энтузиазмом. Ополчение формируется тут же, и мы приступаем к вооружению и подготовке ополченцев к защите города.

Мы снимаем в местном банке под расписку сумму в 352 000 рублей сроком на два месяца, оставляя в казне частный капитал и деньги, необходимые на общественные расходы (содержание государственных служащих), всего более полутора миллиона рублей. Квитанцию подписываем мы с капитаном Хитчингом. Наша операция в Онеге сопровождается захватом оружия (автоматы, винтовки, сабли), боеприпасов и муки.

Среди бумаг, найденных в комиссариате, мы обнаруживаем удостоверения красноармейцев и списки комиссаров, солдат гвардии, вооруженных винтовками, и добровольцев. В течение дня шестьдесят подозреваемых из этого списка арестованы, одиннадцать из них отправлены в Кемь на борту «Архангела Михаила» под конвоем, остальные отпущены. Членов специальной комиссии по борьбе с контрреволюционными силами, терроризировавшими жителей Онеги, найти не удается. Вскоре выясняется, что они бежали в восемь часов утра на моторной лодке вверх по реке, на борту лодки, в частности, находится Попов, самый грозный из них. Отъезд этого комиссара, человека столь же умного, сколь и умелого, отчасти объясняет относительную легкость, с которой мы взяли порт и город Онегу. К этому добавляется тот факт, что пулеметчики вместе с остальными красноармейцами плясали и выпивали до трех часов ночи, так что к моменту нашего прибытия они по большей части просто спали…

> *«В этом аромате есть все, что она ищет: женственность, но выраженная иначе чем это делали ранее, неподвластная времени элегантность – это новый, оригинальный аромат, который раскрывает свои многочисленные грани по мере того, как мы знакомимся с ним»*

На следующий день, 1 августа, отряд, предваряемый авангардом из пятнадцати поляков, выдвигается пешком в Порог и прибывает туда в шесть часов, сразу же занимает почту и

телеграф, при этом раздаются выстрелы с противоположного берега, вероятно, стреляет банда Попова. Нас встречают два члена местной комиссии, чтобы узнать о наших намерениях. Рассказывают, что Попов, приехавший накануне ночью, заявил перед жителями, что мы учинили расправу над населением Онеги. Он предостерег их от любых форм сотрудничества: любая помощь лошадьми и транспортными средствами будет строго пресекаться. Тем не менее мы получаем, несмотря на угрозу Попова, около шестидесяти фур и лошадей, что уже немало. Терроризируемые большевиками жители боятся, что мы также возьмем их хлеб, их скот и корм для него, что отнюдь не входит в наши намерения. По приглашению полковника Торнхилла все собираются, и я ясно объясняю населению наши цели, а также политику союзников и большевиков. Они делают все, чтобы помочь нам.

Немедленно вверх по реке был отправляется отряд для охраны переправы. Тем временем Попов уже выдвинулся по направлению к Ускому. На переправе к нам присоединяются десять поляков и просят принять их в наши ряды. Эти смельчаки устали. Все же они хотят следовать за нами, и даже сопровождающий их врач вооружен пистолетом.

Ночью, вскоре после полуночи, из Порога вышел авангард из двадцати сербов и русских, за которым вскоре последовала основная часть войск в направлении Корельского. По дороге с мы ужасом обнаруживаем тело поляка с изуродованным лицом, раненого в голову выпущенной сзади пулей. Им оказался лейтенант Минкевич из польской армии, который присоединился к союзным войскам. В шесть часов утра наконец мы в Корельском, находим лошадей. Затем мы узнаем по телеграфу, что железнодорожное сообщение прервано на два дня, за исключением движения войск, и что двадцать тысяч большевиков выехали из Петрограда в Архангельск. В Обозерской в принципе нет никакого батальона.

Отряд идет дальше, до соседней деревни, отдыхает там, а затем ранним вечером покидает ее. Около 10 часов вечера мы попадаем под обстрел красных, они ведут его из леса на противоположном берегу, что вызывает волну паники среди лошадей и тех, кто ведет их, но, к счастью, ничего серьезного не случается.

Ближе к ночи наш авангард без сопротивления занял Букубору. Во всех деревнях, через которые мы проходим, нас принимают хорошо, благосклонное отношение к союзникам ободряет нас.

В ночь на 3 августа, а точнее в 2.30 утра, мы взяли телеграф и

почту в Чеконьево, одновременно захватив переправу на противоположный берег, куда бежал неприятель. Здесь мы находим десять коробок с изолированным кабелем и телефонными деталями, забираем себе три из них. Осматривая телеграфные столбы на местности, которую мы пересекаем, мы видим телеграммы, отправленные беглецами, о наступлении союзников и призыве к подкреплению. Также по прямому телеграфу узнаем, что на станцию Обозерская прибыли два эшелона, с автоматами, но без продовольствия. Надо испробовать все возможности, имеющиеся в нашем распоряжении, так что мы посылаем туда телеграмму, подписанную комиссаром Порога, со следующим текстом: «Англичане взяли Онегу и ушли в Кемь, вернутся через несколько дней с мощным подкреплением на шести обозах». Во второй половине дня авангард из двадцати пяти поляков и пятнадцати русских отправляется в путь, а еще через час – основные силы. И, наконец, в начале вечера авангард прибывает в Усолье, где мы обнаруживаем, что двадцать пять красногвардейцев эвакуировались из этого места всего за час до нашего появления, всех хороших лошадей и повозки они забрали с собой. Кажется, что вооружены они плохо, и боеприпасов у них мало. Мы находим их штаб, но, увы, все бумаги уже уничтожены. Тем не менее мы приближаемся к ним…

4 августа в половине первого ночи наш передовой отряд вышел из Усолья. Беглецам удалось сжечь мост в шести верстах отсюда. Нам требуется два часа, чтобы подручными средствами восстановить переправу, что задерживает наше продвижение. Наконец, мы прибываем на почтовое отделение в Чуново. В нас стреляет часовой, выставленный красногвардейцами. Мы застали его врасплох, но неприятелю удается скрыться через окно. Оказалось, это комиссар Александров: он поспешно бросил свой портфель, в котором содержится информация первостепенной важности. Во-первых, два секретных кода, один цифрами, другой буквами. Имеются также сообщения о разведке Онеги с двумя запланированными фронтами и о мерах, которые необходимо принять для обороны города, мобилизационный план для Архангельска и, прежде всего, телеграмма о прибытии подкрепления в триста человек и пятнадцать лошадей 4 августа, то есть уже сегодня! Несмотря ни на что, полковник Торнхилл отдает приказ выдвинуться и выйти им навстречу.

Поляки преследуют врага по лесу. С сербами и русскими в качестве подкрепления они продвигаются еще на четыре версты и действительно оказываются перед тремястами пятьюдесятью красными, в расположении у которых имеется четыре пулемета. Нашему отряду, в состав которого вхожу и я, тем не менее

удается оттеснить их, и при поспешном отступлении они бросают четыре ящика с пулеметными патронами и снаряжением. Мы продолжаем преследовать их, и в течение пяти часов идем по болотам, что делает продвижение столь же трудным, сколь и болезненным. Затем полковник Торнхилл отдает приказ прекратить преследование и вернуться в Чуново. Красные понесли потери (десять убитых, в том числе один из их лидеров, и двадцать пять раненых), но мы с сожалением вынуждены признать и гибель пятерых наших, кроме того, двое ранены. Мы взяли двух пленных, по их словам, на Обозерской нас ждут шестьсот человек, пятьдесят пулеметов и шесть орудий 76-го и 120-го калибра! Самое время начать отступление.

Полковник Торнхилл приказывает нам отступать к Онеге. Чтобы обеспечить эффективность нашего отступления, я с несколькими бойцами арьергарда отвечаю за уничтожение всех мостов через болота. Нам удается сжечь пять мостов на пути между между Чуново и Усольем, куда мы прибываем поздно вечером.

На следующий день мы хороним наших погибших. Мужчин посылают на север, юг и запад, чтобы не допустить использования этой дороги сельскими жителями, потому что теперь она слишком опасна. Также мы активно разыскиваем Попова, за любую информацию о нем предлагается вознаграждение в пятьсот рублей. 6 августа, благодаря крестьянину-добровольцу, мы обнаруживаем дом Попова, только что покинутый. Даже его постель еще теплая. Чуть позже арестовывают жену Попова, но потом все же отпускают. Узнав, что нас преследуют три сотни красногвардейцев, которые уже у Порога, мы оставляем хорошо вооруженный арьергард и продолжаем отступление. По пути спасаем капитана авиации князя Туманова, раненного несколькими днями ранее при побеге, его должны были расстрелять. В конце концов, мы, изможденные, добираемся до Онеги в восемь часов. Вечером до нас по реке добирается арьергард, и в результате весь отряд эвакуируется по реке Коле в сторону Кеми.

Князь Туманов опознает среди наших пленных своего обидчика, ранившего его, а кроме того, ответственного за убийство и нападение на польского поручика Минкевича. Военный совет в составе трех английских, двух русских, польского, сербского и французского офицеров собирается 8 августа на Коле, чтобы судить пленного Константина Герасимова за убийство лейтенанта Минкевича и покушение на князя Туманова. Герасимов, признанный виновным, приговорен к смертной казни. Приговор исполняется в тот же день на берегу

реки Кола.

10 августа наш отряд добирается до Архангельска, который в ходе нашей операции занят союзниками.

Преследуя врага, мы преодолели, по большей части пешком, более двухсот пятидесяти километров, сражаясь в болотах с очень сильным противником, который атаковал нас днем и ночью. Я расшифровал телеграмму, которую нашел в бумажнике комиссара. Из нее мы узнали, что противник превосходил нас по численности в четыре раза и был лучше вооруженным, чем наша группа, состоящая всего из восьмидесяти человек, измученных, с небольшим количеством провизии, транспортирующих своих убитых и раненых. Однако у нас хватило смелости встретиться с врагом лицом к лицу и отбросить его, прежде чем мы вынуждены были отступить.

Будучи единственным представителем Франции среди англичан, сербов, русских, поляков, канадцев и австрийцев, я сделал все возможное, чтобы мой командир и мои товарищи по оружию во время этой экспедиции унесли с собой память о достойном поведении французского офицера. В результате 25 сентября 1918 года британское правительство наградило меня Военным крестом с благодарностью британской армии. Я тем более горжусь этой благодарностью, что она была сопровождена признанием со стороны русских.

Я даже был представлен к офицерскому Георгиевскому кресту, высшему знаку отличия русской армии, однако он не мог быть мне пожалован из-за отсутствия в то время в Архангельске Думы, которая ведала награждением этим орденом. Однако позже я все же получил Крест Святого Владимира четвертой степени, с мечами и лентами, и упоминание в донесениях по всей Русской армии Севера, это случилось 27 марта 1919 года. Кроме меня, этим крестом был награжден еще один член нашей экспедиции, правда посмертно, им был капитан Гарстин из 10-го гусарского полка британской армии. Этот незаурядный и бесстрашный полководец, прибывший пешком из Петрограда в Кемь, руководил несколькими операциями при взятии Онеги и экспедицией на Обозерскую, постоянно при этом был на передовой, в том числе во время последней решающей битвы. Он пал на поле боя 15 августа 1918 года.

Глава 6
Кто ты, заключенный?

Эрнест

Август 1918

Архангельск, порт Заполярья… Архангельск, где, как и в Мурманске, другом соседнем порту, до сих пор хранится значительное количество военной техники (16 000 тонн техники было доставлено в Россию во время войны, в 1916 году). Интервенция союзников в Архангельске в начале августа 1918 года была направлена на то, чтобы помешать немцам получить доступ к этим военным ресурсам. Более того, после подписания Брест-Литовского мирного договора между Германией и Россией немецкие войска сосредоточились на западе и оказывают там очень сильное давление. Поэтому французам и англичанам необходимо вновь открыть фронт на востоке против центральных держав, чтобы разгрузить Западный фронт. Эта операция должна также позволить свергнуть местную большевистскую власть.

Архангельск, расположенный в устье Двины, является столицей Северной России. До революции там проживало 50 000 человек. Нелегкая жизнь ожидает только что высадившихся иностранных солдат: правда, в августе погода еще относительно мягкая, а солнце садится ненадолго, даруя свет и немного тепла почти весь день, в то время как полгода порт окружен льдом, а зимой царит ночь, и температура в это время может достигать минус 40°C. В Архангельске англичане, канадцы, американцы, сербы, итальянцы, поляки, белые русские и французы высаживаются, чтобы вместе сражаться против большевиков. Бои будут следовать один за другим, непрерывно, в течение следующих месяцев, вдоль Двины и ее притоков, села будут переходить из одних рук в другие, а некоторые особенно несчастливые просто будут снесены с лица земли.

То, что должно было стать преимуществом нашего экспедиционного корпуса, а именно национальное разнообразие, к сожалению, окажется одной из причин неудачи. Различные группы противостоят друг другу: британцы с генералами Пулом и Айронсайдом не согласны с русским главой правительства Севера Чайковским, а также с полковником Стюартом, который командует американцами. К тому же зима выпадет настолько

тяжелой для наших войск, и мы столкнемся с такими проблемами со снабжением продовольствием и медикаментами, что части англичан и французов вскоре просто поднимут бунт.

Но на данный момент, 2 августа, пока продолжалась наша операция у Онеги, большой многонациональный отряд под командованием генерала Пула высадился с двух крейсеров в Архангельске, где население оказало ему восторженный прием. Этот экспедиционный корпус намерен оставаться в городе до тех пор, пока белые русские не возобновят наступление на Москву, а армии на юге и востоке сойдутся к этой конечной цели. Таким образом, сейчас необходимо создать небольшое ядро хорошо структурированных технических сил, реорганизовать и восстановить демократический режим с автономным управлением, судом, денационализированной промышленностью, сетью кооперативных организаций и церковью, которая также будет восстановлена в своих правах. Большевики явно выступали против этой реорганизации. Поэтому для достижения нашей цели необходимы действия службы контрразведки.

Разведывательная служба располагается в центре города, на проспекте Троцкого, одной из главных осей Архангельска. Я нахожу жилье недалеко, в пяти минутах ходьбы, и в хорошую погоду хожу пешком вверх по мощеной улице, а когда погода слишком плохая, есть возможность сесть на трамвай. Ко мне приставили ординарца-француза, и на меня возложили обязанности начальника отдела заключенных. В контексте гражданской войны действительно необходимо адекватно обращаться с заключенными и выявлять их мотивы и политические взгляды. Они действительно большевики или нет? Нередко мужчинам (или, что еще хуже, их семьям) могли угрожать, если они не зачислялись в Красную армию. Другие, наоборот, взяли на себя обязательство по собственной инициативе и по убеждению. Как их отличить, когда, обманом или просто для того, чтобы выжить, все они против воли, под давлением красных, оказались призваны на военную службу? Нужно составить подробное досье на каждого из них, и я очень серьезно отношусь к этой обязанности, поскольку на карту поставлена жизнь всех этих людей. Все, что я могу понять, прочувствовать, ухватить про каждого человека, дает возможность вести дело, по которому, конечно вместе с другими документами, их будут судить, а затем отпускать на волю или приводить в действие приговоры.

Когда я вижу заключенного, я сохраняю серьезное выражение

лица. Мой взгляд устремлен на него, все мои чувства настороже, как у животного на охоте. Я наблюдаю. Я слушаю. Его сердце, взгляд, даже его запах порой говорят мне гораздо больше, нежели просто слова. Поэтому я часто езжу с острова Мудьюг и из архангельской тюрьмы, где содержатся и допрашиваются заключенные, в различные учреждения северного правительства, в частности в суд присяжных, обеспечивая таким образом постоянное делопроизводство.

Именно тогда мне приходит в голову идея сформировать русский батальон из военнопленных. Для них это был бы реальный, объективный шанс доказать свою преданность нам, вместо того, чтобы просто сидеть в тюрьме. При этом мы не будем никого обязывать присоединяться к нему. Многие действительно воспользуются этой возможностью. И в течение всего времени моего эффективного командования, вплоть до апреля 1919 года, этот батальон будет верно сражаться, оказывая нам большие услуги.

Этот замечательный полк получает название Славяно-Британский легион, или Батальон Дайера, в память о капитане Дайере, одном из его основателей. Обученный лейтенантами Дайером, канадцем, и Берком, новозеландцем, с помощью лучших русских офицеров, которых только можно было найти, полк быстро стал эффективным, отличался отличной дисциплиной. Безусловно, капитан Дайер обладал харизмой и масштабом личности, что объединяло окружающих его бойцов. Они настолько к нему привязались, что после его смерти в конце декабря 1918 года стали носить большой парадный портрет своего доблестного капитана.

Внутри легиона заботятся о соблюдении всех местных обычаев приказы отдаются на русском языке. Формирование этого батальона также имеет конечной целью передачу в распоряжение российской армии боеспособных и полноценных частей после того, как союзники покинут страну.

Три группы по пятьдесят пять человек отправляются на фронт, вверяются на попечение Ливерпульского полка и показывают настоящую боеспособность. В самом начале регистрируется всего четыре факта дезертирства, а боевой дух наращивается. Эти воины принимают участие во многих боевых операциях и ведут себя мужественно, несмотря на потери. За свои достижения они даже получают несколько военных медалей. Батальон неуклонно растет с притоком большевистских дезертиров и заключенных, пока в начале марта 1919 года не достигает четырехсот сорока девяти человек. В марте-апреле 1919 года в Больших Озерках бойцы сражаются особенно хорошо, и ни

один человек не проявляет желания дезертировать. В апреле батальон возвращается в Архангельск, где его перевооружают и передают под командование подполковника Уэллса и офицеров-британцев, что заметно меняет устройство жизни в батальоне. В это время меня в Архангельске уже нет.

Батальон продолжает расти, но с этого момента выбор новобранцев производится, увы, с меньшей тщательностью, чем во время его формирования, в результате чего в его ряды попадают и ненадежные элементы. В начале июля 1919 года Славяно-Британский легион выдвигается из Архангельска в Троицу, чтобы сражаться в Двинском полку вместе с британскими войсками. Здесь солдаты из одной роты поднимают мятеж; после убийства нескольких британских и русских офицеров мятежные лидеры с револьверами в руках заставляют своих товарищей под страхом смерти присоединиться к большевистским позициям. Поэтому они вынуждены бежать к неприятелю; под страхом смерти, они бегут через лес, увлекая за собой солдат из других рот, около двухсот человек. Лишь двадцати из них удастся скрыться от мятежников и вернуться. Позже станет понятно, что этот бунт тщательно координировался группой из восьми лидеров. Среди них были два бывших офицера, которых большевики, несомненно, преднамеренно подослали, с тем, чтобы они проникли в батальон, а затем свергли бы его руководство. Тем не менее даже и они доказали свою храбрость и верность, эффективно сражаясь в составе легиона…

После мятежа был отдан приказ разоружить батальон, а вместе с ним и второй славяно-британский легион, который был сформирован в мае 1919 года по тому же образцу, что и первый. Вернувшись на базу, бойцы распределяются на разные работы. Некоторым специалистам удается прикрепиться к другим подразделениям. Из лояльной пулеметной роты формируется отдельная боевая единица. Несколько дезертиров, пойманных до того, как они достигли позиций противника, предстают перед военным трибуналом: одиннадцать из них приговаривают к смертной казни и приводят приговор в исполнение 14 июля, а остальных заключают в тюрьму. Так заканчивается история двух доблестных славяно-британских легионов.

В лагере для военнопленных на острове Мудьюг заключенных, подозреваемых в принадлежности к большевикам, смешивают с самыми отъявленными уголовниками, сидевшими в заключении в Архангельске в разное время до прихода к власти большевиков, во время их правления и впоследствии, когда город находился в ведении союзников. Личные дела находятся в

состоянии неописуемого бардака, когда союзники берут управление в свои руки. Хуже того, сами заключенные также находятся в жалком состоянии, многие страдают сифилисом. По просьбе генерала Айронсайда тюрьмой до ее передачи российским властям в мае 1919 года заведует полковник Доноп, французский губернатор Архангельска. В качестве охраны туда отправляют французских моряков.

Британские врачи и чиновники регулярно посещают остров и обеспечивают всеми необходимыми лекарствами. Размер пайка также увеличивают, особенно с наступлением зимы. Бараки, однако, совсем плохие, мужчины живут в тяжелых условиях, хотя надо иметь в виду, что и обычное население Архангельска также сталкивается с нехваткой продовольствия и медикаментов, а нашим солдатам часто приходится воевать даже не будучи обеспеченными одеждой, необходимой для выживания и защиты.

Повсюду свирепствует цинга, в начале 1919 года к ней добавляется еще и сыпной тиф. Положение вообще тяжелое для всех, а судьба заключенных становится совсем незавидной. В этом контексте представляется безотлагательным сокращение контингента заключенных и их возвращение, по мере возможности, к активной гражданской работе или распределение в воинские части. В мае 1919 года из семисот заключенных, проживавших на острове, остается только двадцать восемь, многие выбрали вступление в славяно-британские легионы, где им предложили сражаться за дело, поддержанное союзниками.

В апреле 1919 года генерал Айронсайд предложил заключенным большевистских убеждений возможность вернуться к красным, если они того пожелают, при условии, что они не были осуждены за преступления или значительную политическую деятельность. Четыреста из них, а также несколько солдат славяно-британских легионов принимают это предложение, но большинство все же отказывается.

Какая судьба их ждет в рядах красных? А что ожидает тех белых, которые примкнули к союзникам?

Гражданская война оборачивается ужасным горем для семей и для всей страны. Каждый день я посещаю заключенных и получаю письма от матерей, жен, сестер, которые пытаются убедить нас в невиновности того или иного дорогого им человека. Нужно неустанно расследовать дела, сверять все показания, слушать, чувствовать…

По правде говоря, требуется время, чтобы понять суть дела и дать суду возможность принять решение. Всем заключенным я раздал блокноты, чтобы они могли свободно писать туда. Через несколько недель я собираю их обратно, и эти заметки

действительно помогают нам видеть вещи более ясно. Так, например, обстоит дело со свидетельством одного из наших заключенных, Ивана Ивановича Хрисанфова, доблестного воина, принимавшего участие во многих сражениях во время войны, награжденного и раненного на полях Галиции, в горах Австрии, долинах Венгрии, в могучих лесах Карпат, на равнинах Польши и болотах Ливонии. Хрисанфов отказался вступать в Славяно-Британский легион, хотя это могло бы помочь оправдать его. Содержался в архангельской тюрьме. 21 октября 1918 года я дал ему блокнот, чтобы он мог набросать кое-какие заметки. 5 ноября я забрал у него блокнот. Слова Хрисанфова послужили свидетельством честного человека и ярко иллюстрировали ценности офицера царской армии, прежде всего глубоко привязанного к своей стране. Но они также отражали и всю сложность ситуации гражданской войны, в которой, чтобы выжить, неизменно приходилось идти на компромиссы.

Будучи командиром дивизии броневиков в Петрограде во время Октябрьской революции Хрисанфов получил задание помочь Керенскому бежать из Гатчины. Главнокомандующий спрятался в укрытии на пути в Харьков. Узнав, что все броневики в Харькове теперь в руках большевиков, Хрисанов решает уничтожить их, взорвав гараж, в котором они находятся. Его арестовывают при выходе из помещения. Судят на ходу, приговаривают к расстрелу, запирают в авторефрижераторе, затем доставляют в какой-то тупик, где находится группа из еще шести осужденных – двух офицеров, двух женщин, в их числе крестьянка, священник и государственный служащий, со знаками отличия судьи. Солдаты выстраиваются, он слышит, как в ружья заряжают патроны и щелкают затворы. Хрисанов думает, что настает его последний час: приказ отдан, оглушительный грохот, и тут ему на лицо брызнуло что-то теплое. Он толком не успевает понять, ранен ли и в сознании ли он вообще. Голоса стихают, и тут он приходит в себя: оказалось, что на него упала женщина и ударила его. Из-за того, что он тоже рухнул на землю, его сочли за мертвого. Значит, он в безопасности! Он убегает; ему удается убить часового и забрать его пальто и пистолет с патронами. Отныне он ходит под личиной «товарища» и стража революции, поездом выдвигается в Петроград, где устраивается рабочим в автомастерскую. Чуть позже из-за проблем со здоровьем Хрисанфова доставляют в англо-русский военный госпиталь, где он находит знакомых. Со временем его здоровье восстанавливается, и ему предлагают вступить в ряды Красной армии, заняться автомобилями Генштаба. Но тут Хрисанова узнает один из свидетелей организованного им побега Керенского

и доносит на него. Ему ничего не остается, как снова бежать, и 12 июля он прыгает на товарный поезд до Архангельска. Во время одной из остановок в пути он случайно встречает Бека, поступившего на военную службу добровольца, которого уже встречал ранее в Петрограде, в штабе военного округа. Мужчина говорит ему, что работает на иностранные посольства, и спрашивает, может ли он рассчитывать на его помощь. Хрисанфов кивает. Он намерен устроиться в Архангельскую стрелковую дивизию в качестве начальника связи под чужим именем, что идеально подойдет для сбора информации. Предполагается, что Бека он возьмет в качестве своего заместителя. Так они и делают. Однако вести двойную игру небезопасно: их знакомого капитана ловят с поличным при передаче денег и записки «английским шпионам». Капитана расстреливают, а друзья не могут его спасти. Затем последовало поступление в генеральный штаб одного полковника, который хорошо знал Хрисанфова в Петрограде. Попытается ли он разоблачить его? К счастью, в это же время в Архангельск приходят англичане, и Хрисанфов принимает активное участие в их встрече. Его снова назначают командиром дивизии броневиков, он может свободно использовать свое имя, ему возвращают звание, он может снова надеть форму. Он посвящает себя своему делу, не жалея сил, вплоть до ареста, который происходит в результате доноса и приводит его к полному непониманию, глубокому разочарованию и ожесточению по отношению к союзникам.

Читая текст Хрисанфова, я глубоко убеждаюсь в его невиновности. Таково же и мнение судей, которые освобождают его. Хрисанфов возобновляет службу в армии 9 ноября.

Другой наш заключенный, Николай Александрович фон Дрейер, остается загадкой. Я собрал все доступные свидетельства, к которым добавлено горькое письмо его матери, подчеркивающее всю драму гражданской войны:

«Если большевизм делает виновным моего сына, то половина населения России должна быть заключена в тюрьму или предана смерти. Здесь мой сын сидит в тюрьме за большевизм, а там его брат расстрелян большевиками. Это страшный ужас, кошмарный ужас… Гибель моего сына в Петрограде, от рук большевиков, моего сына, который провел четыре года на фронте, все же не повергла меня в отчаяние. Там действует темная, примитивная и бессознательная сила. Мой второй сын пропал год назад и, возможно, тоже мертв. Он выполнил трудную задачу по переброске наших войск во Францию. Мой старший сын находится в тюрьме в городе Архангельске, и мне ни от кого не удалось добиться обвинительного заключения против него…»

А кто же такой Николай Александрович фон Дрейер на самом деле? В марте 1917 года этого молодого лейтенанта отправили в Англию, чтобы он принял самый мощный ледокол того времени «Святогор», построенный по заказу России. В июне 1917 года он прибывает в Архангельск. Происходит революция. Дворянин по происхождению, он тем не менее проявляет свои симпатии к большевикам, настолько, что после Февральской революции был избран командиром «Святогора». Во время крупной демонстрации Дрейер призывает народ к вооруженному сопротивлению союзным войскам, которые должны высадиться в порту Архангельска. Главным образом по этой причине он будет обвинен военным судом в 1919 году. «Святогор» становится штабом большевиков в Архангельске. Когда 1 августа 1918 года англичане захватывают остров Мудьюг, Дрейер получает приказ затопить свой корабль в устье Двины, чтобы не допустить приближения противника к Архангельску. И действительно, корабль начинает тонуть и загораживает проход, ведущий в порт, в чем впоследствии обвинят Дрейера. Я узнаю после моего отъезда из Архангельска о его смертном приговоре в мае 1919 года, вынесенном военным трибуналом, лишившим его прав, положения, офицерского чина и дворянских титулов. Его двоюродный брат Чаплин, один из организаторов захвата Архангельска союзниками, будет одним из немногих свидетелей на суде, которые попытаются спасти его, утверждая, что Дрейер предоставил важные документы, очень полезные для союзников. Чаплин будет утверждать, что Дрейер был большевиком только из интереса к своей карьере, а не по убеждению, что подтвердит и сам Дрейер, который не признает себя виновным.

> *«Целеустремленность и талант этой женщины придадут парфюму ауру и успех, которого он, несомненно, заслуживает»*

Дрейер будет расстрелян, после того как его притащат к месту казни, так как он будет не в состоянии ни ходить, ни стоять из-за болезни, становясь, таким образом, в большевистском воображении воплощением истинного солдата, верного революционному делу. Однако есть сведения, что Дрейера спас Чаплин, и ему удалось бежать из России в Норвегию, где он присоединился к своей жене. Тайна истинной политической личности Дрейера так и остается нераскрытой…

Часть III
Партирура [1]

Глава 1
Отъезд из Архангельска во Францию

Эрнест

Весна 1919

В Архангельске проходят волнующие месяцы… После окончания войны с Германией во Францию наконец вернулся мир. Однако нам еще многое предстоит сделать в России. Здесь, в Архангельске, все участвуют в формировании нового правительства, обсуждают конституцию, политические варианты, баланс, который необходимо найти для восстановления страны, претерпевшей столько испытаний. Речь идет о том, чтобы предложить действительно демократическую модель и построить ее так, чтобы она могла дальше реализовываться самостоятельно. Все вокруг бурлит и кипит: наблюдать после всех этих бесчисленных сражений рождение нового режима – это по-настоящему волнительно! Сопротивление большевиков еще вполне реально, но мы возлагаем большие надежды на силы, идущие из Сибири, которые, соединившись с нашими, окончательно свергнут красную власть и позволят России возродиться из пепла.

Для развития страны имеется много возможностей. Мой друг Анри Виллем вместе со мной разрабатывает проект импорта-экспорта, который будет поддерживаться Московским банком, присутствующим в Архангельске, и банком Crédit Lyonnais в Париже. Население города чрезвычайно увеличилось, потребности огромны, но и ресурсы значительны. Мы планируем ввозить как предметы первой необходимости (одежда, обувь, продукты и т. д.), так и предметы роскоши (вина, спиртные напитки, парижские изделия, парфюмерию, чулочно-носочные изделия, шелковое белье, полушелк и т. д.). Взамен будут экспортироваться товары, которые найдутся на территории Архангельской области, такие как лен, полуфабрикаты из оленьих и нерпичьих шкур, меха…

Мне не терпится вернуться к гражданской жизни, возобновить парфюмерную деятельность и, прежде всего, найти во всем этом себя. Поскольку я никак не могу связаться с Идой из-за гражданской войны, мне, увы, придется ждать, пока я вернусь

во Францию, чтобы привезти ее, используя те связи, которыми я смогу там обзавестись. О Господи! Как долго я уже не могу увидеть ее, прижать к себе, услышать ее мелодичный голос, просто дышать ею… А мой сын! Переживания овладевают мной всякий раз, когда я думаю о мальчике. Как он, должно быть, изменился… Мне так хочется снова увидеть их обоих… кажется, они так близко… а на самом деле недосягаемо далеко!

Английское командование уже пятый раз просит нашего военного представителя отложить мое отбытие во Францию с целью последующей демобилизации. Но ему в очередной раз отказывают. Тогда английские власти убедительно просят, чтобы после демобилизации меня пригласили на службу в Архангельск уже в составе английской армии, гарантируя мне орден За выдающиеся заслуги (DSO – Distinguished Service Order) и звание майора. Я все же отказываюсь. Мне пора домой. Я получаю паспорт во французском консульстве в Архангельске и в середине апреля 1919 года выезжаю во Францию, мой путь пройдет через Англию.

На протяжении всего путешествия меня до одурения волнует аромат, который я впервые ухватил во время Онежской экспедиции, позже обнаружил где-то под Архангельском, а теперь мысли о нем навязчиво возвращаются ко мне. Аромат этот тесно связан с видением полуночного солнца в пейзажах Заполярья – края, где озера и реки источают аромат исключительной свежести. Этот аромат не дает мне покоя, я очень хочу попробовать уловить и воссоздать его, когда вернусь во Францию. Мне бы хотелось, чтобы он стал отражением глаз Иды, этих голубых глаз цвета воды в северных озерах, таких светлых и в то же время таких глубоких и непостижимых. Этот мой аромат являет собой тончайшую, но в то же время и прочную нить, что связывает меня со всем, через что я только что прошел. И если мне удастся идентифицировать его, а потом разложить на составные элементы и заточить во флаконе, то это будет все равно что запечатлеть это военное время, осмыслить его и возвеличить, описав его. В конце концов под капюшоном солдата, неустанно сражавшегося в течение этих пяти лет, по-прежнему живет парфюмер, исследователь запахов, искатель ароматов, творец…

Во Францию я прибываю 20 мая 1919 года. И сразу уезжаю в положенный мне шестидесяти-дневный отпуск с оплатой труда в Канны, в Société A. Rallet & Cie. Отпуск этот я беру в 13-м артиллерийском полку в Венсенне. По прибытии в Париж с радостью встречаю Поля Плено. Мой друг не только не забыл обо

мне, но навел обо мне справки и обратился в Министерство вооруженных сил с просьбой как можно скорее обеспечить мое появление здесь! Вернувшись в ноябре 1918 года из Москвы для создания новой парфюмерной компании Rallet у Ширi[2] в Каннах, в районе Ла Бокка, он предложил мне там работу. Я немедленно возобновляю свою деятельность в качестве парфюмера.

Французы из Москвы возвращаются в свою страну уже несколько месяцев, чередой волн. Как мне репатриировать Иду и Эдуарда? Я узнал, что французская военная миссия в Москве, как и вся наша французская, пережила темные часы, о которых я ничего не знал, потому что был отрезан от них в Архангельске. Многие были заключены в Бутырскую тюрьму, некоторые там умерли. Кто-то из солдат и гражданских лиц был репатриирован. Иные до сих пор томятся в тюрьме. Я постепенно получаю представление о ситуации, собирая свидетельства, которые с каждым днем все больше парализуют меня. Что мне делать?

Меня демобилизуют 29 июля 1919 года.

19 августа я получаю орден Почетного легиона и Военный крест с пальмовыми ветвями.

Если бы мой брат Эдуард был еще в этом мире, он бы испытывал огромную гордость. Я взволнованно думаю об этом. Награда тем более делает мне честь, что по случаю ее получения мне приходят письма с поздравлениями от тех, с кем я прошел эту войну. Эти свидетельства дружбы и благодарности глубоко трогают меня. Я также возлагаю надежду на моих друзей и родственников в установлении необходимых контактов для организации возвращения моей семьи во Францию.

Мой друг Анри Виллем уверяет меня, что свяжется с известными ему газетами, чтобы сообщить о бедственном положении Иды и всех тех, кто находится в ситуациях, подобных ее: «Вы знаете, что я принимаю участие в ваших заботах о жене и сыне. Но я убежден, что эта ситуация, какой бы болезненной она ни была на данный момент, не опасна, и я уверен, что вы увидите своих близких в добром здравии в ближайшем будущем».

Я и сам решаю послать письмо в «Фигаро», чтобы сообщить о судьбе еще не репатриированных французов в России и таким образом пробудить общественное мнение.

Генерал Табуи, которому я обязан своей наградой, пытается меня успокоить: «Я все же думаю, что Москва откроет границы, и что вы получите известия о ваших близких. Страшно тревожусь за

вас…»

Чтобы связаться с Идой, я прибегаю ко всем средствам. Мой брат Эжен оказывает мне поддержку: «Что касается вашей жены и писем, поверьте, я отправил три из них тремя разными путями, последнее с русским полковником, посланным нашей миссией в Ревель[3]. Найдет ли он способ доставить его ей? Я надеюсь на это. Новости из России особо не доходят…»

Письмо моего друга Виньо особенно трогает меня, потому что он предлагает несколько путей: он просит меня написать прямо одному из его знакомых в министерстве иностранных дел, Барре (я знал его еще по военной миссии в Москве), чтобы внести Иду и Эдуарда в список французов, подлежащих репатриации, с указанием их предположительного местоположения. Он также приводит в пример одного из своих друзей, который, «если уж на то пошло», говорил непосредственно с Пуанкаре о своем брате, у которого были неприятности с военными и консульскими властями в Сибири из-за того, что он подчинялся приказам военной миссии в Москве. Хорошо, по его словам, что Пуанкаре осознает реальность ситуации, так что можно быть уверенными, что ни одно письмо не останется без его внимания. Виньо продолжает: «Конечно, если бы он знал обо всех безумствах, совершенных в России, которые стоили и стоят французам жизней, он бы относился к нашим чиновникам там с большим почтением. И когда офицер, получивший пальмовую ветвь и орден Почетного легиона за военные действия, просит его принять меры, чтобы вернуть его жену и сына, он не может не предпринять шаги и не озадачить министерство иностранных дел, где сидят самые ужасные бюрократы, которых только можно представить себе. Когда мы вернемся в Россию? Мы все там пропали… Хоть бы всем репатриантам хватило на жизнь, какое горе!»

Что же касается моего личного положения, я фактически потерял в России все: исключительную должность, состояние и даже свои ящики для офицерского багажа, брошенные где-то в Киеве и во время Онежской экспедиции. Ничего из этого мне никаким образом не было компенсировано… В том, чтобы поправить свое положение и, прежде всего, спасти свою семью, я могу рассчитывать только на себя.

Новости из Архангельска, увы, нехорошие. Русский батальон, сформированный из военнопленных, взбунтовался и перешел на сторону врага, уничтожив сменивших меня английских офицеров. Это начало разгрома. Обескураженные, англичане собираются покинуть фронт Белого моря… Я больше, чем когда-либо, беспокоюсь за свой народ, и у меня такое впечатление, что я

борюсь изо всех сил, пытаюсь сдвинуть небо и землю, но ничего не двигается, как в самом неприятном кошмарном сне.

Мой друг из России, француз, который, как и я, родился в Москве, только что вернулся во Францию. Он был часовщиком в доме Борет. 30 сентября 1919 года бежал из Москвы. История его невероятна: Людольф уехал на электричке в Можайск, под Бородино; потом он ехал на почтовом поезде из Можайска в Смоленск, спрятавшись под сиденья, затем восемь дней шел по лесам в Польшу, где ему помогли продолжить путь во Францию.

Бог мой! А Ида? А мой малыш Эдуард?

Людольф потом опубликовал в газете статью, в которой описал шаткое положение Москвы: все более скудные продукты, частые смерти от голода, отсутствие извозчиков на улицах (потому что исчезли лошади), город в ужасном состоянии, всюду грязь… С 26 августа 1919 года декрет Ленина обязывает всех работать или иметь трудовое удостоверение, служащее пропуском. Я уверен, что Ида с помощью своего двоюродного брата Топленинова могла бы получить такой пропуск, в случае, если, конечно, он не сидит в тюрьме как бывший директор завода и как отъявленный буржуа…

Когда я снова увижу свою семью?

Глава 2
Одна?

Ида

Весна 1918

1918 год в Ивановском проходит в ритме природы и порядка, навязанного новой властью. С момента, когда Ида вернулась из Москвы в феврале, она перевернула страницу своей жизни. Она больше ни к чему не привязана. Муж вдалеке… Квартиры у нее больше нет. Ей по-прежнему приходится каждый день строить вслепую, совершенно не представляя, каким окажется завтрашний день. В вере, в любви к сыну, в уверенности, что этот завтрашний день настанет. А это уже что-то.

Вернувшись в деревню, Ида размышляет обо всем, что увидела за столь короткое время в Москве. В этом мире, который был когда-то ее миром, произошли такие перемены… Требуется время, чтобы оценить их масштаб или даже хотя бы просто принять их реальность.

Здесь тоже все стремительно меняется. Хватка большевистского режима с каждым днем становится все крепче. Его неспособность справиться с ситуацией при этом очевидна. Людям приходится лезть из кожи вон просто для того, чтобы выжить. И то, что они получают в результате, – далеко не лучшего качества. Ида видит, как некоторые жители деревни погружаются в гнусные доносы лишь для того, чтобы извлечь скудную прибыль или, что еще хуже, отомстить. Ее любимая Клавдия Федоровна была арестована, вероятно, за то, что «прежде» ее муж был священником. Вскоре под давлением объединившихся жителей села ее освободили, но она так и не смогла рассказать, кто на нее донес и почему. Ида знает ее, она знает, что Клавдия сторонится какой-либо политической деятельности и что она доброжелательная женщина, – Ида может засвидетельствовать это, просто вспомнив, как Клавдия встретила их с Эдуардом, когда они приехали из Москвы. Как же можно ее в чем-то обвинить? Но со временем Ида понимает, что для того, чтобы попасть в тюрьму, не обязательно нужен повод… Это – пугающее осознание. Если Иду арестуют за то, что она жена француза или подданная Германии, что станет с ее сыном? Она даже не хочет об этом думать. К счастью, у нее есть дядя Сергей и тетя Хельма.

Но как долго это продлится?

Страна шатается, а деревня самоорганизуется, как может. С июня по ноябрь происходят изменения в их жизни: все крестьяне обязаны теперь сдавать пшеницу, которая будет перераспределяться; все промышленные предприятия, вплоть до самой мелкой мастерской, национализированы; всякая частная торговля запрещена. Столько декретов, которые делают 1918 год решающим в построении большевизма и наступлении голода… Говорят, что в городе снабжение все хуже и хуже и что цены растут с каждым часом. Паек хлеба, получаемый по продовольственным карточкам, не превышает двадцати пяти граммов на человека, это очень мало…

Дядя Сережа, которого ценят за его навыки и опыт, не только сохраняет свой пост директора, но, кроме того, получает немалую зарплату, несмотря на свой ярлык «бывшего начальника». Как и всем в деревне, ему платят за раздачу мукой, рыбой, пшеницей, просом. Все организуют свое выживание с помощью системы обмена продуктами и услугами. Иде, например, приходится заниматься шитьем в дополнение к своей небольшой должности на фабрике. Няня Эдуарда вернулась в свою деревню, больше не имея возможности жить вдали от семьи. Кроме того, Иде уже становилось трудно прокормить третий рот.

Ида и ее сын живут в одном распорядке. Утром она отводит Эдуарда к Кате которая присматривает за мальчиком вместе с дочерью. А вечером, когда Ида заканчивает работу, она возвращается к ним и наслаждается сладким моментом общения со своей дорогой подругой, пока Катя готовит им чай. Девушки садятся у огня и разговаривают. Это пора дня, когда можно расслабиться, атмосфера строится из всего и ничего, маленьких фактов, улыбок и споров детей, простой радости быть вместе. Позже вечером Ида и Эдуард возвращаются в свою избу. Она готовит ужин, тискает своего Вову и рассказывает ему тысячу историй. Оба придумывают сказки с неожиданными поворотами сюжета, дополняют их, часто совершенно фантастическим образом, персонажами и животными, встретившимися им в течение дня. В это время Идой овладевает бурная радость что она может по ходу рассказа изменять реальность и вносить в нее сверхъестественное измерение, как ей заблагорассудится. Это измерение невидимо, но оно существует. Ида придает ему облик, им с сыном весело. Но женщина также чувствует, что посредством этих сказок она может немного уйти от той горькой реальности, в которой они пребывают весь день, и она счастливо улетает с Вовой в мир, где возможно все.

Иногда Павел Николаевич заходит поболтать перед

наступлением темноты, и они решают, когда в воскресенье собраться у Клавдии, чтобы поиграть вместе. Как Ида ждет этих еженедельных музыкальных встреч! В течение недели, после того, как укладывает Эдуарда спать, если не слишком устает, она читает и трудится над своими партитурами между двумя швейными работами: по субботам она за пианино у Клавдии одна, а по воскресеньям с Павлом. Кроме того, она еще и поет, для одного-единственного зрителя – для сына. В субботу и воскресенье они оба отправляются на длительные прогулки. Вскоре эти прогулки оборачиваются возможностью найти дополнительную пищу. Мать с сыном приносят, в зависимости от сезона, ягоды или грибы, ловят рыбу и лягушек, чтобы разнообразить и улучшить свой рацион. Вова очень поднаторел в этой охоте! Крестьяне иногда помогают им и приносят картошку в обмен на флаконы духов, которые они, скорее всего, выпивают.

Некоторые жители просто исчезают. Через несколько месяцев односельчане узнают, что их увезли и судили, а затем расстреляли по неизвестным причинам. Жертв этих расстрелов хоронят в углу кладбища. По вечерам с наступлением темноты в лунные дни Ида часто ходит туда. Она приходит помолиться за всех, кто пал, один за другим. Никто ее не видит, во всяком случае, ей так кажется, и никто не знает об этом, кроме ее сына, которому не нравятся ночные прогулки матери. Но она объясняет ему, что нужно молиться за усопших, что это необходимо для их души, потому что они уже ничего не могут сделать для своего спасения. Мать предупреждает Эдуарда, чтобы, если он проснется ночью и не найдет ее рядом с собой, он не беспокоился. Она всегда приходит домой до наступления полуночи. Но когда по возвращении прокрадывается в постель, она чувствует, как маленькая рука находит за пространством между двумя кроватями наконец-то маму. Тогда мальчик вздыхает и, успокоенный, переворачивается во сне. Однажды Катя расскажет Иде, что жители деревни на самом деле в курсе ее посещений кладбища. Некоторые недоумевают, что она там делает, бродя среди могил, одетая в белое. Но никто не видит в этом никакого вреда. Разве что, может быть, ее принимают за сумасшедшую. Ей все равно, если это не ставит под угрозу безопасность семьи. Ида в принципе не вызывает ни у кого никакой ревности, в ней нет ничего, что могло бы заинтересовать любого доносчика. Во время политических дискуссий она всегда хранит молчание. К тому же дискуссии становятся все более редкими, потому что все понимают, что у Советов везде есть уши.

После окончания войны в России Ида получает новости о

своих кузенах. Бедный Павел! Будучи молодым студентом, он участвовал в антиправительственной деятельности и сблизился с Сергеем Архиповым, председателем Московского отделения партии эсеров. Однажды вечером в июне 1910 года он был арестован, а затем, после недолгого следствия и обыска, отпущен, несмотря на изъятые из дома письма, фотографии и предосудительные книги: он отделался страхом. Потом, как и все немецкие подданные в начале войны, он был депортирован вместе со своей молодой женой Тамарой, и, наконец, вернулся в Москву в конце 1917 года, так и не успев окончить учебу, так как его исключили из университета за то, что он – «подданный государства, которое ведет войну с Россией». Затем он подал документы на факультет социальных наук Московского университета. Получил еще один отказ, на этот раз из-за его «буржуазного происхождения». Несмотря ни на что, он все еще надеется найти где-нибудь работу инженера-экономиста…

ЧСережа и Володя вернулись с фронта. Их невозможно узнать. Они обескровлены. Но под мертвенно-бледной маской, оставленной войной, которую они пережили и о которой никогда не скажут ни слова, Ида видит жизненную силу и художественный талант двух своих двоюродных братьев. Месяцы после их возвращения в Ивановское теперь приобретают совсем другой оттенок.

> *«У Эрнеста сложилась репутация выдающегося парфюмера: No. 5 войдет в анналы парфюмерии как беспрецедентный успех»*

Субботними вечерами все встречаются у дяди Сергея и тети Хельмы. И там, словно время войны и революции уходит в прошлое, они обретают прежнюю атмосферу. Конечно, уже нет ни выставок лучших русских художников, ни художественной самодеятельности их детства, но Сережа и Володя способны создать феерическую театрально-музыкальную вселенную и сами по себе. Сережа умеет все: он маляр, декоратор, моделист, гитарист, знает все русские романсы. Подготовкой они занимаются вместе с братом Володей, и в итоге получаются небольшие вдохновенные спектакли, которые они показывают семье. Они – очаровательны. Ида так счастлива, что Вова, хотя в столь юном возрасте, внимательно слушает своих дядюшек и получает хоть частицу того, что сама она так любила в своей беззаботной юности. Ида и дядя Сережа вместе играют на скрипке и фортепиано, и она заново открывает для себя радость давать мини-концерты, на которые приглашается и Павел Николаевич. Всю неделю она с нетерпением ждет этого момента, когда

субботним вечером каждый приготовит что-нибудь, чем можно поделиться, с радостью и юмором. Песня, тирада, музыкальное произведение, а также закуски, фрукты, все, что они могут состряпать, несмотря на лишения и нехватку продуктов.

Однажды, возвращаясь с работы, Ида встречает перед дверью Клавдию, она в слезах, потому что ее выгнали из дома. «Они» решили, что ее дом, бывший дом священника, будет превращен в «народный дом». Фактически в нем разместятся государственная администрация и полиция, контролирующие небольшой местный совет и его решения по вопросам жизни деревни. У Клавдии было всего несколько часов, чтобы собрать свои личные вещи и отправиться прямиком к Иде. Ида устраивает Клавдию в большой комнате, которая служит им с Вовой квартирой. Мальчик рад видеть соседку, хоть и не понимает, почему она такая грустная. С помощью Павла Николаевича они поднимают ее вещи наверх, помогают обустроиться. Какое испытание выпало на долю Клавдии! Но она не унывает. Ида чувствует, как тепло их дружбы мерцает в комнате, подобно пламени свечи.

Условия жизни становятся все более и более тяжелыми, но Господь возвратил Идиных кузенов, и теперь они снова живут все вместе! Благодаря протекции Ивана, Катиного мужа, все идет хорошо до того дня, пока самого Ивана не арестовывают. Изучив список жителей села, «они» увидели, что этот молодой человек не в рядах Красной армии, и «им» интересно, не контрреволюционный ли он элемент. К счастью, снова вся деревня собирается, чтобы объяснить, что Иван заботится обо всех своих односельчанах без исключения и что он абсолютно необходим для выживания сообщества. К тому же он из советов. Однако потребуется несколько дней, чтобы убедить эту горстку грозных мужчин, пришедших в деревню и облеченных любыми полномочиями. У Ивана, как и у остальных советских и у жителей Ивановского, останется горькое ощущение, что при новом режиме нет никаких гарантий, даже в случае, если человек имеет самые лучшие намерения.

Однажды утром в июле 1918 года Иду навещает Серж. Он воспользовался разрешением, предоставленным французской военной миссией, и приехал, чтобы сообщить ей кое-какие новости.

От него Ида узнает о смерти свекрови, произошедшей двумя месяцами ранее, и о приезде в Москву ее супруга. Итак, он вернулся! Но почти тотчас же уехал, Серж сообщает, что сейчас он на Крайнем Севере. Как жаль, что они разминулись! Как это

вообще было возможно? Имеет ли он хоть какое-то понятие о тяготах их здешней жизни? КАК ОН МОГ НЕ ПРИЕХАТЬ?

Но что еще она может сделать, кроме как скрыть огонь, вновь поднимающийся в ее груди? Она никак не может выразить этот тупой гнев, не может никому ничего высказать. Когда семья заговаривает о муже, она опускает голову и молчит. Поэтому они прекращают говорить на эту тему и окружают ее всей любовью, на какую способны. Наверное думают, что он бросил жену и сына. «Может быть, так оно и есть?» Ида отвергает эту идею как дьявольское предположение. Идет война, революция. Никто не может передвигаться свободно…

Серж рассказывает, что ему удалось уговорить жену и сына уехать из России. Он переживает также и за Иду с Эдуардом и хотел бы помочь им покинуть страну. Он и сам подал прошение о выезде во Францию, но до сих пор нет ответа.

Ситуация в Москве для французской общины, сложилась, мягко говоря, напряженная, хотя она, несомненно, лучше, чем у московского населения в целом. Серж описывает очереди перед магазинами, нехватку провизии, невообразимые цены, насилие, кражи, нападения и потерю французами всего того, что они построили. Рассказывает он и о французском промышленнике по имени Эмиль Жермине. Он не только лишился своего завода по производству авиационных двигателей без какой-либо компенсации, но и подвергся унижениям вкупе с тюремным заключением. Серж далек от оптимизма и считает, что им непременно нужно уехать.

«Уехать?»

Ида молчит, опустив голову. Она сидит, сцепив руки, спина прямая. Взгляд, который она наконец поднимает на Сержа, прерывает его речь. Ледяная бесконечность озер в ее глазах простирается далеко. Она сидит неподвижно, не моргая. «Уехать?» – казалось, говорят ее глаза. «Но как, почему? Это моя земля… а если ее нет, то другой земли не будет. Так зачем уезжать?»

Серж улыбается. И молчит.

Они идут на прогулку в лес, каждый держит за руку Эдуарда, но он вскоре убегает вперед, пытаясь поймать бабочку. Медленно Серж погружается в мир Ивановского. Изящные жесты Иды, то, как просто она подчиняет свою жизнь новому закону, встреча с Катей, дядей Сергеем и тетей Хельмой, двоюродными братьями Сережей и Володей, с Клавдией и Павлом превращают эти три дня, проведенные им в Ивановском, в сокровище человеческой заботливости, которое он надежно прячет в своем сердце. Конечно, жизнь здесь не так проста, но этот маленький мирок

живет, и можно даже просто быть счастливым, радуюсь возможности просто быть вместе. Серж занимает свое место в этом маленьком мире. Очень искусный и творческий, он участвует в изготовлении декораций для следующего спектакля, который хотят устроить кузены. Он не скрывает радости от того, что позволяет пальцам скользить по дереву, гравировать, рисовать… Так давно он этим не занимался… Или, может быть, дело в этом невероятном напряжении последних месяцев в Москве. Теперь он будто бы переносится в другое, прежнее время, где эта жизнь и эти движения наполняли его радостью! Его подруга встречает все трудности с таким благородством и смирением, сохраняя нетронутой свою веру и, прежде всего, ставя любовь к своей семье и музыке выше всех материальных забот. Она стремится к самому главному в жизни и питается им. Это глубоко трогает Сержа. Когда он садится на поезд обратно в Москву, он увозит в своем сердце образ Иды, ее чистую и вдохновляющую дружбу как глоток свежего воздуха перед лицом жизни во французской военной миссии.

Глава 3
Аресты, экспроприация, голод и морозы

Лето 1918 года стало поворотным моментом в жизни французов в Москве. В июле было произведено несколько арестов солдат и гражданских лиц, за которыми, после захвата Архангельска союзниками, и последовала «облава» на французов и англичан. Забрали около шестидесяти французов и двадцати англичан. В сентябре, после покушения на Ленина, бушуют репрессии, на этот раз против французских монахинь в Москве. Французы стали врагами, «контрреволюционными империалистическими бандитами». Красный террор уничтожит за два месяца от 10 до 15 тысяч человек всех национальностей. Их арестовывают, грабят, отбирают имущество, бросают в тюрьмы.

Через месяц сестер отпускают, за исключением одной, она останется в тюрьме до декабря. Постепенно освобождают тех, кто был арестован 5 августа. Они в спешке регистрируются на репатриацию. Лишения и тяготы тюремной жизни берут верх над их сомнениями в необходимости отъезда. Затем аресты возобновляются, это происходит волнами: четыре офицера и тринадцать солдат из военной миссии, дипломаты и еще гражданские, инженеры, журналисты… но те, что остался во французской общине и на свободе, не забывают своих заключенных и организуются с Красным Крестом, посылают им еду, потому что тюремная еда ужасна: щи, тухлая селедка и немного черного хлеба. Также им передают книги.

Распространяются репрессии, арестованных шантажируют: так, журналисту Л. Нодо предлагают сделать письменное заявление с осуждением интервенции союзников в Россию взамен на свободу… Он отказывается и проводит в заключении многие месяцы.

Всех заключенных допрашивает другой француз, зловещий Де ла Фар, отъявленный большевик, секретарь Петерса, уполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Латыш Петерс – настоящий хозяин России: он командует всей Красной гвардией. Именно он отдает приказ расстрелять всех буржуев. И французы, предстающие перед Де ла Фаром, молодым человеком двадцати трех лет, воспитанным в Петрограде монахинями, во французской школе и на средства правительства, подвергаются не только его допросам, но и унижениям со стороны человека, которого они воспринимают как предателя своих соотечественников.

В октябре 1918 года люди, оставшиеся от военной миссии,

были подвергнуты осаде, которая длилась неделю, и в результате всех, за исключением лейтенанта и еще нескольких человек, арестовали. Два адъютанта (включая Сержа) делают все возможное, чтобы освободить заключенных. Один из них, бизнесмен П. Дарси, больной, истощенный, в декабре 1918 года скончался, так ничего и не добившись. Перемирие подписано, и Франция больше не воюет с Германией. Но в России французские экспатрианты до сих пор живут в страхе. Обратит ли Франция на них внимание?

В конце концов Л. Нодо, после четырех месяцев заключения, пишет по требованию большевиков знаменитую статью, осуждающую интервенцию союзников в России. Похороны П. Дарси в начале января 1919 года унылы: останки бывшего президента Торгово-промышленной палаты и Санкт-Петербургского благотворительного общества провожают на кладбище около пятнадцати французов, медленно идущих через густой снег, небольшой костяк, группка самых стойких мужчин и женщин, которые хотят отдать последний долг уважаемому ими человеку, перенесшему так много страданий.

Всю осень 1918 года во Францию уходят караваны беженцев. Обескураженные, больные, разоренные, измученные «французы России» текут прочь, подобно огромной реке печали с множеством притоков.

Но как дожить до репатриации? Что есть, чем согреваться? Все продают то, что у них еще имеется, за бесценок, ищут сколько-нибудь бревен, которые грузят на сани и впрягаются в них, подобно животным; люди обмениваются кто чем может, рыскают между простынями, досками и вывесками, брошенными на тротуаре – имуществом опустевших магазинов, который были навсегда закрыты или просто выпотрошены. Большая часть французских подданных решает покинуть страну. Приходится договариваться об обмене французских солдат, заложников и людей, подлежащих мобилизации в России, на русских солдат, которых Франция отпустит, с радостью избавившись от этих потенциальных большевиков.

Серж считает, что пришла пора Иде уехать из страны. Она вот-вот должна получить действующий паспорт. Ему удается навестить ее, и они возвращаются в Москву с Эдуаром в январе 1919 года, чтобы оформить им паспорт. В поезде они говорят о своей жизни в Ивановском, а Серж рассказывает о потрясениях в Москве. Упоминает он и об убийстве царя в июле 1918 года. Ида отворачивается в сторону. Она когда-то вырезала из газеты маленькую фотографию императорской семьи, и дорожит ею. Она

молится за царя и его народ. Ида запомнила последние слова государя, даровавшего прощение своим палачам, и она понимает его. Как она молится за Россию!

Никаких известий от мужа не приходит, Серж подтверждает, что сообщение между Москвой и Архангельском, где, как ему кажется, Эрнест по-прежнему должен находиться, полностью отрезано. Последняя информация об Эрнесте датируется июнем 1918 года, когда он находился в командировке на Крайнем Севере. Но с тех пор прошло уже несколько месяцев. Поэтому Ида не знает, вернулся ли Эрнест во Францию. Она хотела бы отправить сообщение Полю Плено, верному другу ее мужа, свидетелю их брака и крестному отцу Эдуарда. Но Серж рассказывает ей, что Поль уехал из Москвы еще до конца 1918 года.

«Какое счастье, Господи, что Серж здесь, чтобы присматривать за нами!»

Серж хорошо знает Плено и высоко ценит его. Он полностью разделяет его мнение о ситуации и персказывает Иде его слова:

«Когда Ленин совершил свой переворот, его первой заботой было создание гвардии. Для этого он приказал открыть тюрьмы, а всех заключенных по общему праву освободить и нанять в гвардию. Очевидно, что эти люди в результате являются выгодоприобретателями по итогам всех беспорядков, и потому они вполне убежденные большевики.

Второй отряд красногвардейцев был набран из числа тысяч китайцев, завезенных в Россию для работы на военных заводах в то время, когда производилось военное снаряжение. Когда фабрики закрылись, эти китайцы оказались на улицах, умирая от голода и холода. Народные комиссары привлекли их чуть ли не насильно в так называемую Интернациональную гвардию, оставив им выбор между смертью от лишений или получением по тысяче рублей в месяц, хлебом по желанию и полной свободой ходить и воровать, грабить, деклассировать буржуазию и занимать чужие дома. Китайцы не колебались между этими двумя вариантами. Третий контингент гвардии, всегда интернациональной, формировали латыши. Когда немцы захватили прибалтийские провинции, они хотели мобилизовать всех латышей в возрасте от восемнадцати до сорока лет, чтобы сделать их солдатами, которых они отправили бы на французский фронт.

Мобилизуемые латыши тогда массово бежали в Петроград, где Советы приказывали им записываться в гвардию. В случае отказа их передавали немцам, которые расстреливали их как дезертиров. Они выбирали гвардию. Среди пленных немцев, живших при полной свободе в России, несколько тысяч также

записались в гвардию, из-за преимуществ, которые предоставлялись этим защитникам комиссаров. Таким образом, гвардия – это просто сборище бандитов, решивших сделать все, чтобы беспорядки длились как можно дольше.

Между гвардией и Красной армией существует большая разница. Когда Лев Троцкий хотел создать Красную армию для защиты Советской России, он призывал добровольцев, но безуспешно. Затем он ввел воинскую повинность. Однако солдат он мог набирать только из числа бесчисленных безработных, выброшенных на улицу в результате закрытия большинства заводов. Эти солдаты, конечно, не были большевиками, и одна только потребность в хлебе удерживала их в рядах Красной Армии».

Плено, начальник заводов Ралле, хорошо знает рабочих. На его заводах велась значительная пропаганда, но безрезультатно. Рабочие, которые в начале революции считали, что для них наступает эра счастья, потому что им будут теперь очень много платить, а работать им предстоит меньше, быстро поняли, что единственный результат, которого они добились, – это закрытие заводов, безработица и голод. Они ненавидят большевиков, принесших одни страдания, но боятся красногвардейцев, которые без колебаний сажают и расстреливают всех, кто не принадлежит к их партии. Когда союзники попытались вторгнуться на Русский Север, это только укрепило власть большевиков, которые вели очень активную кампанию, утверждая, что союзники, империалисты, капиталисты и буржуа вторгаются в Россию, чтобы отобрать у крестьян землю, которую они приобрели, и свободы, которые дала им революция. Если бы мы хотели осуществить эффективную интервенцию союзников, мы должны были бы ввести достаточно сил, чтобы Красная армия поняла, что большевики не смогут им сопротивляться, и в этом случае, как был убежден Плено, «вся Красная армия перешла бы на сторону союзников для изгнания большевиков и красногвардейцев».

Между солдатами Красной армии и красногвардейцами действительно существует большая неприязнь. Это связано с тем, что красногвардейцам платят гораздо больше, чем солдатам, и что комиссары, которым красногвардейцы нужны главным образом для защиты оставляют им полную свободу для совершения грабежей.

Незадолго до своего отъезда, в конце октября 1918 года, Плено оценил численность Красной армии в 300 000 человек. Это число должно было значительно увеличиться, так как контингент армии состоит из безработных, которых с каждым днем становится все больше, а при этом только солдаты и

большевистские чиновники имеют право на хлеб в России.

«Все это ужасно, – думает Ида, – как из этого положения выкарабкается бедная наша Россия?»

25 января 1919 года Ида получает паспорт, он действует всего один год и позволяет ей с сыном выехать во Францию, репатриироваться за счет правительства. Она возвращается в Ивановское, обещая Сержу, что постарается уехать как можно скорее. Первый конвой планируется на февраль, но она никак не может успеть. Серж сообщит ей, как только откроется окно. Он хорошо знает процедуру, так как занимается организацией этих конвоев и кроме того он вместе с лейтенантом Фуасси формировал и готовил эшелон репатриантов в октябре прошлого года. Приехав в деревню, Ида облегченно вздыхает, возвратясь в свою избу. Вечером она отправляется на поиски двоюродных братьев, дяди и тети, и приносит им свежие и тревожные вести из Москвы.

В начале 1919 года Серж помогает первой колонне гражданских лиц и солдат отправиться в Копенгаген. Часть членов французской военной миссии покидает Москву. В миссии остается всего двадцать пять человек. Конвой прибывает во Францию 24 февраля. Следующий конвой отправляется в начале марта, он забирает, в частности, монахинь, которые все еще живут в школах и в приютах для пожилых людей. Большевики предоставляют репатриантам вагоны для перевозки скота. Их необходимо обустроить, поставить в них печи, сделать скамейки и установить багажные отсеки. Имеется также немного дров, пилы и топоры, потому что никто не знает, сколько продлится путь, но можно с уверенностью предсказать, что температура будет очень низкой и что огонь придется поддерживать днем и ночью, чтобы не замерзнуть насмерть. Лежа на полу, закутавшись в одеяла и сбившись в кучу, пассажиры смогут выжить только в том случае, если один из них останется дежурить, чтобы топить печку. Их ждут пять дней пути в Финляндию с бесконечными остановками на вокзалах. Потом граница, обыски, изъятие продуктов и имущества, снова обыски и проверки. Далее на поезде они пересекут Финляндию, Швецию и Норвегию, затем пересядут на корабль. Сначала окажутся в Англии, а затем, наконец, во Франции… Две долгие недели пути…

В военной миссии осталось совсем немного человек, их то и дело арестовывают, иногда отпускают, иногда держат в тюрьме месяцами.

Серж все не может найти время, чтобы доехать до Иды,

потому что слишком много работы, и ему нужно все время быть в миссии. У младшего лейтенанта Шарпантье, находящегося в заключении в течение восьми месяцев, серия приступов малярийной лихорадки, в результате которых он страдает от крайней слабости и тревожного нервного возбуждения, у него случается до шести обмороков за неделю. Командир Гвибер просит российские власти провести медицинское освидетельствование и освободить его, чтобы тот мог выздороветь. Несмотря на медицинское освидетельствование, выпускать из заключения его отказываются. Командир добивается привлечения датского врача и Международного Красного Креста. Чтобы оказать давление, он также пишет в министерство иностранных дел, требуя освобождения Шарпантье. В тюрьмах свирепствует эпидемия сыпного тифа, но французских заключенных она еще не коснулась. Действовать, однако, необходимо как можно скорее. Командир очень хорошо помнит месяцы, проведенные в русских тюрьмах (сам он был освобожден в январе 1919 года), и знает, какие испытания переживают его товарищи…

> *«…ты оказалась не подготовлена к жизни, не смогла приспособиться к моему воспитанию, точнее, моему образу жизни. И вспыльчивость моя, и то, что я избалован братом, женщинами, судьбой, природой, темпераментом, вкусом и многими другими вещами, словом, целый букет недостатков»*

В апреле большевики вводят новый налог для французов: чрезвычайный и революционный налог на содержание Красной армии! Требуют очень большие суммы под страхом тюремного заключения. Таким образом, несколько крупных промышленников попадают в заключение, в их числе парфюмер Брокар с сыном. Однако у французов в Москве уже совсем нет денег, и они просят французское правительство помочь им, вмешаться в дела русских, чтобы добиться освобождения или отсрочки платежа. У французов больше нет никакого дипломатического представительства: теперь эту функцию при советском правительстве выполняет Дания, а это крайне неблагодарная миссия. Однако генеральный консул Дании проявляет ум и самоотверженность.

Помимо всех этих неприятностей, ситуация в самой миссии также сложна во многих отношениях. Так, например, два офицера, капитан Садуль и лейтенант Паскаль, убежденные в благотворном характере большевистской революции, месяцами создают напряженность в команде. Если Паскаля, очень

религиозного в прошлом студента учительского института, товарищи воспринимают скорее как «бескорыстного, даже просветленного мечтателя», и во всяком случае как доброго и честного человека, то Садуля, по словам Плено, считают «гедонистом, спекулянтом и честолюбцем». Серж часто думает при встрече с Садулем о том, что говорил о нем Плено: «тыловая крыса в кабинете Томаса, и это в министерстве вооруженных сил, во время войны», при этом он не скрывал своего уважения к Паскалю, дважды раненному во время его военных походов во Франции, активному участнику несколько трудных и опасных миссий в России. Согласно Паскалю, общество необходимо реформировать, и лучший способ сделать это – уничтожить буржуазию. «Он говорит это совершенно убежденным тоном и при этом ходит по воскресеньям к обедне, чтобы помолиться Богу об вымирании всей буржуазии». Более того, этот его образ жизни полностью соответствует всем его принципам.

Паскаль и Садуль ведут пропагандистскую работу среди французских солдат, денщиков, поваров и санитаров. Кроме того, Садуль пишет статьи, которые появляются во Франции под его именем и в качестве члена военной миссии, что не ценится персоналом военного министерства во Франции. По-видимому, военные власти его действия терпят. Однако уже в октябре 1918 года за такое отношение к солдатам миссии Садуль был отстранен от командования и получил запрет на политические действие внутри военного отряда. К тому же приказ вернуться во Францию был отдан капитану Садулю еще в сентябре 1918 года, но, что любопытно, телеграмма с этим приказом так и не дошла до Москвы.

Садуль был отправлен в Россию в сентябре 1917 года именно из-за его статуса французского социалиста, что априори позволяло облегчать контакты с политическими деятелями российского правительства или другими лицами, с которыми он уже был в контакте, такими как Ленин и Троцкий, которого он знал лично. И действительно, в Москве с марта 1918 года он оказывал услуги, в частности конвоям, облегчая процедуру их отправления, а также добился освобождения заключенных, в том числе четырех монахинь французской школы Святой Екатерины. По словам Плено и многих других, Садуль прежде всего горд и амбициозен, хочет играть важную роль, желает, чтобы о нем говорили. Все считают, что его убеждения, конечно, неискренни, но что ему очень лестно играть важную роль в общении с большевистскими комиссарами. На попытки Садуля, пытавшегося заставить его понять «красоты большевизма» и спрашивавшего его, понимают ли его рабочие в полной мере свой интерес в

сплочении с новым режимом, Плено с улыбкой отвечал, что его рабочие большевиков ненавидят. Лучшим доказательством этого было то, что, когда сам Плено был арестован наркомом и брошен в тюрьму вместе с другими французами, его рабочие сами пришли освобождать своего начальника! Садуль делился с товарищами восторженными докладами, которые он посылал в Париж, где говорилось об улучшениях, которые комиссары вносили в жизнь русского народа. Плено ему неизменно возражал, что все это не более чем ложь и утопия.

Политическая деятельность Садуля вполне может оказаться и противоречащей интересам миссии, когда он распространяет, например, слух о том, что обмена русских пленных на французских офицеров не будет. Садуль делает вид, что ведет себя как товарищ по отношению к заключенным французским офицерам, но на самом деле в письме редактору «Юманите» в январе 1919 года он утверждает, что эти офицеры провели три месяца в московских тюрьмах, «где они находились под судом за шпионаж, причем весьма законно, сами очень часто признаваясь, что стократно заслужили казнь. Они проделали здесь самую подлую работу низшей категории саботажа, провокации, контрреволюции. Они почти все воинствующие реакционеры, ненавидящие не только революцию, но и демократию…». Наконец, если он и предоставлял французам полезную информацию, то его начальство знало, что большевики могли без его ведома манипулировать им, чтобы повлиять на миссию, а если он вмешивался в дела в пользу заключенных, то также путем давления, а порой даже политического шантажа. Садулю также удалось убедить некоторых своих товарищей из миссии сформировать французский филиал Международной коммунистической партии.

Таким образом, в миссии действует дух разобщения, который идет вразрез с волей начальства, пытающегося сохранить французский корпус. Военный атташе Лаверн, уезжая из Москвы в октябре 1918 года, дал знать коменданту Шапуйи, тогдашнему начальнику французского отряда, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы командование осуществлял Садуль, даже если он останется самым старшим по чину.

Когда в феврале 1919 года комендант Шапуйи в свою очередь покинул Москву вместе с некоторыми членами миссии, он дал разрешение капитану Садулю и лейтенанту Паскалю остаться в России. Три солдата и сержант, которые должны были быть в составе конвоя, не явились на поезд и, отказавшись от миссии, присоединились к этим двум офицерам, поддавшись их большевистской пропаганде и фактически перейдя на сторону

противника.

Последний конвой с несколькими солдатами и гражданскими лицами уходит в апреле 1919 года. Лишь троим солдатам удается пересечь границу; остальные пассажиры вынуждены отправиться обратно в Москву.

В отряде миссии тогда оставалось всего восемнадцать человек.

В июле 1919 года все оставшиеся офицеры миссии были заключены в тюрьму советским правительством, несомненно, в отместку за признание правительствами Антанты адмирала Колчака в качестве главы Белой России. Командование отрядом возвращается Сержу, бывшему на тот момент адъютантом. «Какая большая ответственность!» Он, кроме прочего, должен распоряжаться и секвестированием бюджета консульства, а отряд поставлен в крайне затруднительное положение: запасы продовольствия исчерпаны и теперь необходимо запасаться продовольствием по ценам, предлагаемым спекулянтами. При этом Серж ни за что не хочет прибегать к защите и связям капитана Садуля. Он считает, что очень опасно отдавать свою судьбу в руки последнего. Серж совершенно не уверен в благонадежности Садуля и не разделяет его ценностей. К тому же он не хочет быть чем-то обязанным Садулю. Однако сержант Шмитт считает, что решение обратиться к Садулю быть единственным решением. Столкнувшись с отказом Сержа выбрать этот вариант, Шмитт просит у него разрешения покинуть Москву и отправиться в Одессу, где он рассчитывает найти французское судно, чтобы вернуться во Францию. Серж дает ему такое разрешение, полагая, что не имеет права в эти времена полной неопределенности, когда нет никакой уверенности даже в завтрашнем дне, препятствовать тому, чтобы его товарищ пытался добраться до Франции, поскольку это действительно может оказаться вопросом его выживания.

Тем, кто остается в Москве, угрожает реальная опасность: датский Красный Крест, который наряду с датским консульством стал защищать интересы французов начиная с Пасхи 1919 года, тоже покинул город. Большинство французов хотели бы уехать, но советские власти не дают им разрешения, даже невзирая на заявления, сделанные через французскую коммунистическую группу. В ней, правда, всего несколько членов, но она организует собрания, на которые приглашаются все соотечественники. В частности, в ней состоит француз Рене Маршан, журналист и убежденный коммунист. Однако французы в Москве в

большинстве своем решительно сопротивляются коммунистической пропаганде. Московское население к тому же вообще настолько подавлено и проникнуто явно антисоветскими настроениями и с лихорадочным нетерпением ждет своего спасения, откуда бы оно ни исходило. Немногочисленные демонстрации рабочих, движимых голодом, быстро подавляются вооруженной силой. Однако в войсках растет количество дезертиров. Серж уже не понимает, на чем держится власть Советов: против них настроено все городское население, включая рабочий класс (особенно железнодорожники); а сельское население до крайности возмущено системой реквизиций. Наконец, армия не сочувствует коммунистам!

Летом 1919 года французская колония в Стокгольме запрашивает у французского правительства двадцать грузовиков и двадцать пять передвижных кухонь для питания гражданского населения Петрограда. Речь идет о возможности прокормить шестьсот французов в течение двух месяцев и о бесплатной раздаче еды беднякам всех национальностей во всех районах. Французы, у которых окажутся в распоряжении какие-то средства, возместят расходы на предоставленную еду, что впоследствии позволит сделать новые закупки.

В Москве давно не хватает продовольствия, и люди не могут дождаться, когда отправятся следующие колонны. Но на горизонте ничего не видно…

Подготовка Иды к отъезду из России становится неотложной необходимостью для Сержа. Если когда-либо еще один конвой будет окончательно одоб-рен, она должна будет ехать с ним. Лучше всего ей приехать в Москву.

В ноябре 1919 года французская миссия была окончательно эвакуирована. В России осталось несколько членов (или бывших членов) миссии: те, кто убежден, что большевизм – это правильный путь, такие как капитан Садуль или лейтенант Паскаль, и несколько их подражателей. Также остается горстка солдат, которые ждут отъезда последних мирных жителей, чтобы чтобы сопровождать их Серж – один из них. Но теперь дверь для них закрыта до сентября 1920 года… Но они еще этого не знают.

Французы в Москве опасаются наступающей зимы, большинство из них остались без средств к существованию и теплых вещей, у них просто нет ничего, так как все уже обменено на хлеб. Однако их судьба менее сурова, чем у их заключенных соотечественников. Все они остаются сплоченными, и даже в голод помогают друг другу. Т. Гарвард-Дюкло, горный инженер, руководивший госпиталем Французского Альянса, был арестован

в июне 1919 года и умер в тюрьме в январе 1920 года от сыпного тифа. Это второй француз, умерший в заключении. Эта смерть делает последние месяцы ожидания возможного отъезда еще более ужасными.

Глава 4
Ждать в Москве?

Ида

Февраль 1919

С момента возвращения Иды в Ивановское в январе 1919 года Серж доверительно сообщает ей все, что ему известно. Она сознает реальность опасности, которая угрожает ей с сыном, если они останутся в России. Однако несмотря на нехватку еды и всевозможные ограничения, она все еще не может заставить себя покинуть маленькую деревню и свою семью, дядю Сергея и тетю Хельму, двоюродных братьев Сережу и Володю, подругу Катю, молодого учителя Павла и Клавдию, которая так ей помогала и которой теперь уже помогает она, приютив ее… Эта сеть, сотканная из любви, такая теплая, такая прочная, кажется единственным ее благом в этом мире. Что же, уехать от этого? Чтобы разыскивать Эрнеста?

1919 год кажется на удивление более плотным, чем когда-либо, каждый его день отливается в горниле выживания. Каждое мгновение жизни на счету, как свиток вечности в ее руках. Тяжесть каждого дня, голод и холод, мелкие работы, которые все множатся, потому что только они дают возможность прокормить сына, – все это делает каждую остановку в лесу, каждое чаепитие с друзьями более значительным. Словно сам свет, проходя через призму ее глаз, усиливается настолько, что целиком заливает и душу и тело, преломляется и дарит ей радость тысячи цветов. Улыбка Кати или игры с Вовой делают ее порой такой легкой, что сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

Ида говорит себе, что голод, быть может, занимаясь какой-то своей таинственной алхимией, толкает ее питать себя всем, что ни есть на свете, и что, таким образом, вся красота для нее – вкусные соты, полные меда, тонкий аромат которого надолго остается у нее во рту. Она наслаждается блеском, пробивающимся сквозь подлесок, инеем, тонким узором покрывающим ветви деревьев, искусным зелено-серым узором мха на их стволах, тем, как Катя гладит голову дочери, счастьем Вовы, когда он обнаруживает в углу избы спящую соню. Все становится источником радости, и вечером, засыпая, прижимая к себе Вову, непосредственно перед тем, как погрузиться в темно-синюю ночь

комнаты, она обнимает все те сокровища, что подобрала на дороге прожитого дня. Слова благодарности срываются с ее губ, как маленький мыльный пузырь, и взмывают к небу.

Целые месяцы проходят в этом непрерывном настоящем, меняющемся в зависимости от времени года. Когда река освобождается ото льда, катания на санках и коньках заменяются рыбалкой и охотой на лягушек. Весна в этом году кажется Иде такой яркой, а может, она просто никогда раньше по-настоящему не видела нее. У девушки возникает впечатление, что в конце столь суровой зимы она является живым свидетелем перерождения: она растет с каждой почкой листа, что храбро раскрывается перед ее глазами, расцветает в каждом цветке, она – бабочка, которая вот-вот взлетит, пчела, которая кормится новым подношением венчиков, раскрытых под ее крыльями, и она, конечно – эта нежнейшая зелень, которая вырастает на всех ветвях. Она напитывает всем этим взор, и сердце торжествует. В ушах ее звучит совершенно другая музыка: из могущественной и вдохновенной тишины творения рождается сонм звуков, погасших зимой, забытых и вырвавшихся ныне на волю, падающих с изб, как капает вода с крыш, пересекающих улицы, вместе лошадьми, топающими по сырой земле, льющихся из окон вместе с бельем, что встряхивают на полуденном солнце, плывущих по ветру вместе с криком высоко взгромоздившейся вороны, обращающейся с речью к прохожим… Ида с Вовой наблюдают, какая птица селится на каком дереве и день за днем следят за тем, как они строят гнезда. А потом, в пору появления птенцов, они садятся в первом ряду, чтобы сначала услышать, а затем увидеть проклюнувшихся птичек, не подходя слишком близко, чтобы не мешать им. Прямо над дверью избы, под выступом крыши, в старом ласточкином гнезде в этом году свил себе гнездо зимний крапивник. Вернее, одно из гнезд, потому что он готовит по одному для каждой из своих дам! Вова и Ида пытаются обнаружить их все. Они следят за гнездованием, кладкой и вылетами молодняка. Они выходят, стараясь не закрывать дверь слишком резко, и предупреждают гостей, что те должны быть очень осторожными, переступая порог. Вове сейчас почти шесть лет, и совершенно очарован птицами.

Однажды днем, когда он играет у реки в зарослях под хвойным деревом, рядом с ним падает крошечный крапивник. Вова тянется к птенцу, немного потрясенный его приземлением. Мальчик не прикасается к нему, а предлагает свою теплую раскрытую ладонь, похожую на маленькое гнездо в форме гамака, из которого он, должно быть, выпрыгнул или упал. Птенец долго раздумывает, потом подпрыгивает и приземляется в корзину

раскрытой ладони. Затем, оглядевшись, он забирается на его руку, мелкими прыжками поднимается по ней и усаживается на плечо Вовы, который буквально застывает на месте. Ребенок крайне серьезен. Он стал насестом для маленького крапивника и ни за что на свете не хочет двигаться; даже едва дышит. Проходят долгие минуты, волшебные мгновения, когда Ида созерцает своего замершего сына: в чепце, из-под которого выбиваются несколько белокурых прядей, волосы его почти касаются маленькой птички, неподвижно сидящей на плече, спокойной и счастливой. Отдохнувший и освеженный этим долгим привалом у доброжелательного великана, птенец в конце концов улетает, издавая несколько нот с пронзительными щелчками. Вова бросается в объятия мамы, он так счастлив!

В начале осени 1919 года Ида получила от Сержа письмо, отправленное Володей, после возвращения из поездки в Москву. Новость тревожная для всего населения, и в особенности для французов. Серж настаивает, чтобы она приехала в Москву с Эдуардом, потому что миссия, вероятно, уедет незадолго до зимы, а с ней, без сомнения, и новая колонна штатских. В списке Ида есть, но ей нужно находиться поблизости, чтобы не упустить этот шанс, когда он появится.

Молодая женщина оказалась загнанной в угол. Необходимо принять решение.

Вечером, когда дядя, тетя и двоюродные братья собираются вместе, она рассказывает о предложении Сержа и спрашивает их совета. Ее слова встречают молчанием. Дядя Сергей начинает с того, что объявляет, что в конце года собирается выйти на пенсию и поэтому они все вместе могут отправиться в Москву. Более того, для Сережи и Володи возможностей работы, связанной с их профессией художников, там будет гораздо больше, чем здесь, в Ивановском. Ида кивает и улыбается. С какой осмотрительностью и с какой любовью ее семья дает ей почувствовать, что они рядом, вокруг нее и не бросают ее! Все они говорят ей, что доверяют Сержу, и что она должна последовать его совету и отправиться в Москву. Она узнает, сможет ли она уехать, и пока неизвестно когда. Во время этого разговора тетя Хельма смотрит Иде прямо в глаза, ничего не говоря. Она понимает все горести племянницы. Кажется, всем своим видом она советует ей не сомневаться. Принять свою судьбу.

«Свою судьбу?» Наверное, судьбу матери, женщины, супруги… Ида опускает глаза, нервно сжимает руки. Она больше не знает. Она помнит Эрнеста, момент, когда он ушел, их нежное взаимопонимание, их жизни, которые больше не пересекаются.

«Да, вот так, параллельные линии, которые больше не пересекутся…» Она вздыхает, думая об Эдуарде, затем снова поднимает глаза и кивает. Да, она готова ехать в Москву и она очень благодарна, что родные люди будут ее сопровождать. Володя и Сергей думают, что все они смогут поселиться в том домике, который остался у семьи в Москве. Так как их много, они должны иметь возможность восстановить право жить там. У них есть связи, которые им должны помочь. Лучше всего было бы, если бы сначала уехали братья, затем к ним присоединились бы Ида и Эдуард и, наконец, в конце года, родители.

В ту ночь, ложась спать, Ида чувствует серьезность момента: в ее жизни происходит поворот, которого она не может избежать. Молодой женщине предстоит отказаться от этой тихой гавани, этого гнездышка, которое она свила вместе с сыном, подругой, всеми своими близкими, со всем Ивановским, таким любимым селом…

Сама собой приходит молитва, очень простая, со словами из детства, «Отче наш», которая наконец позволяет ей заснуть, бормоча: «Да будет воля Твоя…»

В ноябре 1919 года Ида и Эдуард уезжают в Москву. Прощаются с друзьями. Все знают, что они долго не увидятся, может быть, этого не случится никогда… Нет слов, чтобы выразить то, что они чувствуют. Но один какой-нибудь особенный взгляд, маленький подарок, засунутый в последний момент в карман, письмо или стихотворение, – все это способно выразить самое главное, лучше, чем какие-либо прощальные слова, брошенные в поток эмоций во время отъезда, попадает самое сердце Иды, в ее память, создает там теплый уголок, где она всегда сможет укрыться, пока будет в изгнании, в который она не перестанет заглядывать на протяжении всей своей жизни. Эдуард с высоты своих шести лет понимает, что страница переворачивается. Он очень крепко обнимает маленькую Машу, Катину дочь, и долго прижимает ее к себе, не говоря ни слова. В последний момент мальчик дает ей маленький деревянный свисток в виде птицы, вырезанный Сержем для него, который ему очень дорог. Затем он берет мать за руку и садится в поезд, но оборачивается в сторону небольшой группы провожающих, сгрудившейся у края платформы.

Всю дорогу, до самой Москвы, ребенок молча наблюдает за проплывающим мимо пейзажем, сидя на коленях у матери, чей взгляд также теряется в сельской местности, которая постепенно готовится к зиме. Эдуард всматривается в каждый дом, в каждую рощу, в каждое животное, что попадается им на пути, Ида тоже

позволяет своим глазам отдыхать, ласково рассматривая все, что проходит за окном, она как будто гладит пейзаж рукой, последний раз прикасается, ощущает и старается удержать в себе формы, цвета, запахи… все это должно остаться с ней, навсегда…

Ида приятно удивлена, видя на вокзале в Москве вместе с двоюродными братьями, которые приехали встречать ее, своего дорогого друга Сержа. От этого на глаза у нее наворачиваются слезы, но это слезы благодарности. «Он рядом, всегда, когда нужно!»

Вместе они забирают багаж Иды и направляются в свой небольшой домик. Сереже удалось вернуть его семье благодаря поддержке наркома народного просвещения А. В. Луначарского, друга и соратника Ленина. Расположенный в Мансуровском переулке, он был куплен отцом дяди Сергея еще до революции. Это очаровательный одноэтажный дом первой половины XIX века. Построенный из бревен, с высоким крыльцом и просторным бельэтажем, он окружен небольшим садом с прекрасными чайными розами и огромными кустами невежинской рябины. Разместиться они там смогут все, немного тесновато, но зато безопасно, и без чужих жильцов – роскошь!

Расположен дом в самом сердце художественного и культурного района Пречистенки а, недалеко от Москвы-реки, и с приходом весны слышны первые звонкие песни речного ледохода. В лабиринте узких и извилистых улочек, рядом стоит еще несколько небольших особняков. Там живет интеллектуальная элита, которая без энтузиазма принимает новый режим, но все же несмотря ни на что доверяет ему. Актеры, литераторы, историки постоянно общаются друг с другом и придают Пречистенке особый колорит. Сережа и Володя немного обустроили дом, соорудив полки, уставленные книгами, собиравшимися еще с начала века. Ида, соблазненная несколько богемной и радостной атмосферой, которую создали братья, уверенно наполняет дом. Тут есть и пианино; рядом прислонена к мебели гитара Сережи, ноты беспорядочно лежат кучей на полу, а рядом – снова книги, ждут на низеньком столике, когда их откроют новые читатели…

Серж дает Иде освоиться и предлагает ей прогулку на следующий день, на что она с радостью соглашается. Остаток дня уходит на организацию уголка, отведенного для Иды и ее сына. Здесь немного холодно. Дом хоть и небольшой, но еле отапливается. Добыть дрова нынче сложно, но оба кузена уверяют, что минимальный запас будет гарантирован. Сережа работает художником, декоратором и модельером в разных театрах, а Володя дебютировал в Театре Незлобина как драматический актер. На самом деле они оба настолько одарены,

что вне всякого сомнения построят карьеру и найдут свое место в артистических кругах Москвы, Володя в итоге обоснуется в театре Вронского, а Сережа вообще попадет в Художественный театр. Москвичи, как правило, едят немного, при этом охотно обменивают свои талоны на хлеб на билет в театр. Открываются танцевальные классы, процветают литературные кафе. Таким образом, братья нашли свое место в этом обществе, посреди слома старого порядка и конструирования нового. Вечером, когда Вова ложится спать, родственники собираются за столом и празднуют воссоединение. Позже Ида ложится спать, измученная количеством эмоций и успокоенная тем, что она в кругу своих трех ангелов, Сережи, Володи и… Сержа.

> *«Она думает об Эрнесте, который ждет их, а ведь ему нужно отправляться на фронт. Тоска сжимает его сердце. Какая судьба ждет его, что случится с ними? Он будет так далеко…»*

На следующий день Серж приглашает Иду и Эдуарда на прогулку. Мороз режет глаза, ослепительный солнечный свет отпечатывается на фасадах домов, высекает ветки деревьев, подчеркивает профили прохожих. Они выходят в сторону реки. Ветра нет, прохожие встречаются редко. У них есть с собой немного хлеба, а у Сержа даже припасена в кармане конфета для Эдуарда, причем такая, какую мальчик никогда раньше не пробовал. Друзья идут молча, счастливые оттого, что они вместе. Время от времени они останавливаются, Эдуард уходит вперед на разведку. Наконец-то они могут провести вместе столько времени, сколько хотят, и каждый отдается сладкому покою момента, не задумываясь. Понемногу они начинают разговаривать: вспоминают о жизни в Москве, говорят о том, как она переменилась… Ида восхищается мужеством и постоянством своего друга. А потом Серж начинает рассказывать, Ида чувствует, что он испытывает глубокую потребность выговориться, и перебивать его нельзя. Она внимательно слушает его. Он вспоминает о своих приключениях во время войны. И о прежнем времени…

– Я работал на ситцевой фабрике Альберта Хюбнера, в Москве. Я был коммерческим работником, но больше всего меня интересовала именно творческая часть. Я всегда любил лепить, рисовать, гравировать, моделировать. Художником, подобно твоим двоюродным братьям, я себя считать не могу, я все-таки чувствую себя ремесленником. И хотел бы иметь дом, наполненный мебелью, которую я бы сделал сам, картинами, рамы для которых я сделал бы, столами, для которых я бы

выточил деревянные детали мозаики, всякими полезными и бесполезными предметами из дерева, которые бы просто получались из полена, наугад, как прикажет вдохновение.

Я родился 12 декабря 1878 года, будучи долгожданным ребенком. Ах, я был избалован! Каждый мой каприз поощрялся. Я получал самое большое удовольствие, когда делал что-нибудь руками, разные поделки. Отца часто не было, и я все время крутился около нашего старого садовника, который научил меня искусству наблюдения за растениями и ухода за ними. Поскольку он умел делать руками все, он научил меня пользоваться ножом, делать ловушки, придавать куску дерева форму животного, которое я потом с гордостью предлагал своим друзьям и родителям. Помню лето, проведенное на скромной семейной даче недалеко от Москвы: как мы бегали по лесу, ездили на охоту, рыбалку, ходили по ягоды, а потом и по грибы, я помогал собирать их маме… Как и вы с Эдуардом! Видишь ли, поэтому мне было так хорошо в Ивановском с вами.

Будучи французом из России, я поехал учиться в 1898 году в Версаль. Каким ослепительным был Париж того времени! Но ни за что на свете я бы не отказался вернуться в Россию, она, как и для вас, моя родина… моя страна. По возвращении я женился, и у нас родился сын, ты его видела. Я был очень молод. Я почти ничего не знал о той женщине, которая стала моей женой. Она была очаровательна, и я подумал, что этого будет достаточно, чтобы создать семью. На самом деле очень быстро стало очевидно, что наши характеры не совпадают. Мы стали все время ссориться, да и ее здоровье было хрупким. Она уехала жить в деревню, где я регулярно навещал ее, прежде всего, чтобы увидеть, как рос мой сын. Нас обоих это устраивало, и видимость счастья в нашей семье нам удалось сохранить.

Потом пришла война. Помнишь, мы познакомились в поезде… Я ехал с сыном домой, чтобы уладить свои дела перед мобилизацией. Это были сумасшедшие дни, все нужно было делать быстро, и все же воспоминания о нашей встрече, могу тебе сегодня сказать об этом честно, не покидали меня. Твое лицо осталось во мне запечатленным, наподобие духов, чей отпечаток ненавязчив, но верен, твое нежное присутствие сопровождало меня, пока все вкруг на большой скорости сливалось в один водоворот. Когда я закрывал глаза вечером, я видел твои черты. Я не знал, увижу ли я тебя когда-нибудь снова. Но и этого было вполне достаточно для моего скромного счастья.

Я сел на борт «Мосула» со всеми другими французскими призывниками 12 августа 1914 года… Из 17-го территориального пехотного полка, где я был рядовым 2-го класса, я вышел

капралом, а затем в 1916 году сержантом я был направлен во французскую военную миссию вместе с русскими войсками во Франции, где я затем стал адъютантом. Владея французским языком так же свободно, как и русским, я был полезен как переводчик и, таким образом, сохранял прочную связь с Россией. Там же я познакомился со многими французами из России. Общение между нами было очень теплым. Меня определили в походный батальон 1-й русской бригады, и я, без сомнения, мог бы остаться там, если бы по окончании двадцатиоднодневного отпуска в России, в мае 1917 года, не был откомандирован в военную миссию к французам в качестве переводчика. Я смог увидеться с женой и, самое главное, с сыном после трех лет отсутствия! Как изменился за это время мир! У нас с женой сохранилось сердечное взаимопонимание, хотя после этих лет разлуки мы чувствовали себя еще более далекими друг от друга. Митя, напротив, прыгнул мне на шею, видеть его таким преображенным, уже почти молодым человеком, было подлинной радостью. Я наконец-то смогу помогать ему с учебой, разговаривать с ним, видеть, как он растет! Мое возвращение в Москву, несмотря на потрясения, которые переживала Россия, показалось мне благом, потому что сблизило меня с сыном… и с тобой.

Ты можешь не поверить, но, думаю, в глубине души ты уже это знаешь… ты никогда не покидала меня.

Серж останавливается и не сводит глаз с Иды, которая смотрит на него с бешено колотящимся сердцем. После минутного молчания он продолжает:

– Ты знаешь, в разгар боя, когда страх смерти, которую ты чувствуешь так близко, сдавливает твой живот и нужно идти в атаку, я крестился и тогда видел твое лицо, спрятанное глубоко в моем сердце, и твои глаза, такие глубокие, успокаивали меня, и помогали отстраниться от всего того, чем я жил там. Это все не было частью меня. На крохотный миг я тянулся к тебе, сквозь ночь, в которой рвались снаряды, за пределы границ, вдаль от врагов, и твое незримое присутствие давало мне смелость для боя, потому что я знал, что ты защитишь меня. Может, на самом деле ты меня уже и забыла? Одного факта твоего существования на земле, как если бы я увидел ангела, было достаточно, чтобы я мог восстановить силы. Тем, что я сегодня жив, я обязан тебе, понимаешь?

Серж бросает взгляд на Иду; на ее губах появляется улыбка.

– Я вернулся к своей московской жизни. С середины июля на протяжении нескольких месяцев я отвечал за досмотр румынской техники, проходящей через станции Московского округа. Мое

материальное положение было не самым легким, потому что смена назначения означала, что в течение нескольких месяцев я не получал ни жалованья, ни пособия. Наконец, в конце года эта оплошность была исправлена, мне заплатили за прошедшие месяцы. Это было очень вовремя, потому что жил я тогда на свои скудные сбережения мирного времени. Кроме того, по плану у меня должны были быть два солдата-помощника, говорящие по-русски, для облегчения моей работы. Но их не было. В итоге все вагоны я проверял один, а это несколько сортировочных станций. Можешь себе представить меня, вынужденного жить все дни под Москвой в поисках вагонов, без связи с кем-либо из членов миссии и без материального обеспечения, не было даже никакой полевой кухни… Все это в контексте революции, с которым ты хорошо знакома. И вот именно тогда я снова увидел тебя, милостью Божией, на вокзале. Бог мой, ты не представляешь себе, ах, если бы ты только знала, какую безмерную, невероятную радость я почувствовал, когда вот так вот тебя снова встретил. Ты была послана ко мне во второй раз, чтобы скрасить мои дни. Я был так счастлив, что как-то смог тебе помочь и быть полезным. Как драгоценны были те часы, проведенные вместе, когда мы впервые смогли поговорить спокойно, как будто время остановилось, когда просто две души открылись друг другу… Эта чудесная встреча убедила меня в том, что отныне я должен видеть тебя время от времени, что твое присутствие в моей жизни теперь приобрело совершенно другое качество. Из небесного ангела ты стала вполне себе земным, почти доступным. Увы, трудно было найти время, чтобы приехать к тебе, но мы все же имели счастье снова видеться. Я всегда беспокоился, что с тобой и твоим сыном что-то может случиться. Я бы никогда не простил себе этого. Вот почему я был так рад твоему доверию и благодарил Бога, который неизменно сводил нас вместе каждый раз, когда ты приезжала в Москву.

Серж чувствует, как Ида легко сжимает его руку своей.

– Жизнь здесь была нелегкой. Наконец, я был прикомандирован к 4-й канцелярии военной миссии и, по крайней мере, был в безопасности, и стал более-менее заметным… В июле 1918 года меня прикомандировали к канцелярии военного атташе генерала Лаверня. Я добился репатриации жены и сына и попросил разрешения уехать с ними. На самом деле мое сердце разрывалось. Я хотел доставить их в безопасное место, но от одной мысли о том, чтобы покинуть русскую землю и уехать от вас, кровь стынула в жилах. Господь, должно быть, увидел мое отчаяние, поскольку мне было отказано в разрешении на выезд. Мои в итоге оказались в безопасности, а

мне пришлось остаться в Москве. Так что я все еще мог присматривать за тобой.

Страшные месяцы следовали один за другим, случались аресты офицеров, членов миссии и многих наших соотечественников. Каждый раз, когда я помогал, насколько мог, формировать и готовить колонну репатриантов, я не мог не думать о том, на какой поезд однажды сядете вы, и удваивал свои усилия для помощи тем, у кого возможность уехать была на тот момент. Я представлял, как усаживаю тебя в вагон, и мое сердце наконец-то успокаивалось оттого, что ты в безопасности. Раздоры в миссии, ее постепенное расчленение, последовавшее за отъездом во Францию некоторых из ее членов и увольнением по политическим причинам других, чрезвычайно повлияли на меня. Кажется, я уже упоминал тебе об поведении двух офицеров-коммунистов, которые сейчас входят в состав российской коммунистической администрации и которым удалось переманить на свою сторону некоторых членов миссии. Я не имею и не хочу иметь никаких отношений с капитаном Садулем, но я сохраняю свое уважение к лейтенанту Паскалю, несмотря на его выбор, который я вряд ли смогу когда-либо одобрить. Он настоящий мужчина.

Вместе с некоторыми солдатами из миссии, решившими остаться в России, он жил во французской коммунистической группе опытом братской «коммуны». У них есть дом на Арбате, где одни живут, а другие временно останавливаются. Паскаль работает в Наркомате иностранных дел России с Чичериным. Вместе со своей группой он часто выступал связующим звеном между советскими властями и французскими гражданами, оставшимися в России. Именно Садуль пожинает славу освободителя заключенных французов, однако я знаю, что Паскаль, безусловно, помогал заключенным не меньше, чем всем тем, кого ограбили или оскорбили. Как мне кажется, в группе французских коммунистов он отвечал за связь с ЧК. У него всегда есть что перекусить в случае необходимости, он всегда готов делиться едой, что немаловажно во времена голода, в которых мы живем. Так, он смог помочь многим нашим соотечественникам, при этом ни один из них не был арестован. Он одновременно очень религиозен и – коммунист. Что для него не кажется противоречивым, но несомненно является таковым для окружающих.

С августа 1919 года Паскаль отмежевался от Садуля, которого он находит мастером маневра. Паскаль предпочитает компанию своих «товарищей, лишенных корыстных амбиций и расчетов», это его слова. И, кстати, совсем недавно в письме Садуля

несколько враждебно настроенных к нему членов коммунистической группы были обвинены в государственной измене. В том же письме ЦК Российской коммунистической партии также сообщалось, что Паскаль был католиком и практиковал «абсолютное нарушение устава партии».

Я не знаю, как он выпутается из этого дела, но я представляю его мучения: он честен, так же убежден в своем христианстве, как и в своем коммунизме… И, наверное, в этом проблема. Совместимы ли эти две приверженности? Послание Христа обращено к свободе каждого, оно требует быть внимательным к другому и помогать ему всеми силами, индивидуально. Но он никогда не высказывался на политическом уровне за установление идеологии или системы, которая ограничивала бы всех людей. Он любит и уважает нашу свободу, необходимую на нашем пути к Нему. Мы должны отдать кесарю то, что принадлежит ему, а Богу то, что принадлежит Ему… Паскаль хочет идти дальше и, на мой взгляд, уходит из духовного плана в политическую сферу. Однако лично я не вижу свободы в устанавливаемой советской власти, я вижу, напротив, установление бюрократической машины, которая безжалостно раздавит человека, каковы бы ни были его убеждения. Быть христианином и коммунистом? В теории, может быть, это и возможно, но на практике такое мнение явно не разделяют советские политические власти… Моя Ида, я, наверное, утомляю тебя своими речами… Видишь ли, я так долго не мог с открытым сердцем говорить о том, что меня волнует и через что я прохожу… Ты видишь перед собой измученного, но счастливого человека, счастливого видеть тебя и знать, что, даст Бог, у нас впереди есть еще несколько дней, больше, чем у нас было до сих пор!

Ида пристально смотрит на Сержа. Она берет его за руку, не говоря ни слова. Одно только это ее отношение к его словам указывает на то, что она согласна и разделяет любовь Сержа. Да, этот друг, который присматривал за ней, который был рядом в каждый важный жизненный момент этих последних лет потрясений, она теперь принимает его любовь, она позволяет ему говорить то, что сама не решалась сформулировать. Она вздыхает с облегчением. Все кажется естественным, очевидным. Как будто вдруг, посреди этого морозного дня, чистый зимний свет коснулся их общих воспоминаний, придав им интенсивность, богатство неожиданных тонов, разорвав мягкость сепии, чтобы родить взрыв и сияние красок. Девушка прикасается к пальцам Сержа, ее переполняют невероятные эмоции. Она отдергивает руку, иначе ее вот-вот захлестнет эта волна, такая мощная, что

она отворачивается, на мгновение удивленная эхом, отдающимся в ее собственном теле. Сержу, напротив, кажется, что он обидел ее, и вдруг он резко становится на колени и просит у нее прощения. Она поворачивает к нему голову и не может сказать ни слова: взгляд Иды возвращает Сержу всю ту любовь, которую она получила от него. Он наклоняет голову и страстно целует ее руку. Затем они возобновляют прогулку в молчании.

Глава 5
Вдали от Эрнеста

Ида

Зима 1919

С конца 1919 года в Москву приезжают дядя Сергей и тетя Хельма. Домик наполняется радостью и энергией, несмотря на то что дрова найти по-прежнему сложно. Некоторые вынуждены потихоньку сжигать деревянные части своих домов, настолько суровы морозы. Все, что кажется не столь необходимым – навесы в подъездах, балки на чердаке, какая-то мебель – попадает под топор – и в огонь! Спят все полностью одетыми, да еще и закутанными в несколько слоев одеждыы, а когда встают, зачастую обнаруживают, что вода в раковинах замерзла. И все же это лучше, чем быть на улице, где бродят ледяные ветры и сыпной тиф. Нередко под каким-нибудь наскоро сделанным укрытием можно встретить человека, пораженного брюшным тифом, по которому ползают вши. Володя и Сережа чувствуют себя хорошо, и, поскольку людей в доме живет много, зима проходит без особых страданий для семьи. И вот наступает Рождество. К счастью, есть вещи, которые нельзя изменить! Учреждения в этот день прекратят работу в полдень, затем будет два выходных дня подряд. Улицы полны людей, несущих елки. Их даже официально распространяют! Некоторые в этой связи задаются вопросом, как же это мы так боремся с традициями, если в то же время поощряем их.

В канун Рождества вся семья собирается, Серж тоже приглашен. Едят суп и селедку, которые получили накануне, с большим трудом, после нескольких часов ожидания. Серж разворачивает «Правду». В ней рождественская сказка о появлении Христа перед генералом Деникиным, начальником штаба армий Императорской России во время Первой мировой войны и главнокомандующим Добровольческой армией во время Гражданской войны в России. Христос видит себя приговоренным к смерти и обращается с этим генералом как с «грязным коммунистом». Серж читает передовицу газеты:

«Новая эра.

Христос – символ любви и справедливости, основатель учения. Это учение с самого начала сплотило вокруг себя всех

угнетенных и эксплуатируемых, ибо оно утверждало равенство человеческой личности и даже предоставляло привилегированное место бедным. Оно говорило, что они были ближе к любви и справедливости, чем богатые, делала их любимцами божьими (“с маленькой буквы”, – комментирует Серж), для которых двери царства небесного были открыты настежь… Вот бедняки, эти рабы, которые с именем Христа на устах разрушили языческий мир и воздвигли на отвоеванной ими земле крест, как символ мучений, перенесенных их богом, мучений, которые он претерпел от богатых и сильных, за то, что защитил слабых и угнетенных…

Христианский мир сегодня празднует рождение своего великого мастера и учителя, хотя он уже давно забыл его слова, давно исказил их смысл и их значение, а само христианство из учения униженных и оскорбленных превратилось в религию богатых и могущественных. Последние охотно уступили царство небесное беднякам и сохранили за собой царство мира сего, господство над народами и богатства, созданные трудом народа…

В это Рождество мы будем праздновать не равенство душ на небе, а истинное равенство людей на земле».

Серж добавляет:

– Это напоминает мне выступление Паскаля в ЦК Коммунистической партии России в декабре 1919 года, которое он мне зачитывал сам, и из которого я запомнил вот эту фразу: «Я оцениваю коммунизм и католицизм по сути и, если не искажать их смыслов, они не только совместимы, но и необходимы друг для друга, взаимно дополняют друг друга…» Паскаль, про которого Бухарин недавно заявил, что у него «совершенная каша в голове от стремления примирить непримиримые труды – “Сумму теологии”, Фомы Аквинского и “Капитал” Маркса…!»

Над небольшим собранием повисла тишина… Серж продолжает:

– Равенство людей на земле… Правда, право собственности сегодня сводится к личному имуществу, и даже более того… Богатых больше нет: только бедняки и беднейшие. Мы всей семьей считаем кусочки хлеба и граммы сахара. Однако не все: Красная армия, ЧК и государство обкрадывает народ и фактически потребляют большую часть реквизированного продовольствия и скудной промышленной продукции. Партия заправляет и командует всем…

Никто не решается веселиться, все молчат. Они чувствуют, как Серж переживает из-за своего товарища и то, как ему больно от искажения и даже разрушения ценностей, которым он предан.

Чтобы поднять всем настроение, Сережа и Володя встают и

приглашают Эдуарда прочитать короткое стихотворение, сочиненное по случаю. Ребенок встает и очень серьезно начинает читать. Потом Ида берет его на руки, очень гордясь своим сыном. Дальше вечер становится веселее: начинаются песни, танцы, тирады, пожелания. В полночь все встают и вместе молятся, целуются и… вечеринка продолжается! Серж тоже внес свой вклад: он где-то добыл и принес бутылку водки, которая постепенно исчезает среди смеха и нот. Заявления из «Правды» давно позабыты. Серж пожирает глазами Иду, она выглядит такой счастливой среди своих родных. Все продолжится в таком же духе до самого рассвета: будут рассказывать анекдоты и петь романсы, закрыв глаза на внешний мир, который неумолимо превращается в новое общество, и еще неизвестно, найдется ли в нем место для них.

Зимние дни идут своей чередой за окнами дома в Мансуровском переулке. Ида нашла работу в швейной мастерской, благодаря ей у девушки есть доступ к карточкам снабжения, и она не слишком обременяет семью. Мастерская специализируется на пошиве детской одежды. Сережа весело чертит выкройки. Ида любит моделировать. Пока она на работе, тетя Хельма нянчится с Вовой и занимается его образованием. В выходные Серж заходит за Идой, и, всегда жаждущие новых открытий, они отправляются куда-нибудь на прогулку или в музей.

И вот сегодня они решают отправиться в только что открывшийся Музей-выставку художественной старины. Музей разместился в княжеском особняке. Здесь друзья восхищаются коллекцией фаянсовых и фарфоровых статуэток XVIII – начала XX века. В коллекции представлен весь императорский двор с позирующими знатными дамами и лордами, а также несколькими пастушками и крестьянами за работой, в ярко раскрашенных или в пастельных тонах. Поход в музей совершенно очаровывает влюбленных. В пяти залах, отведенных под выставку, они встречают всего дюжину человек. Как всегда, они находят время для того, чтобы просто посидеть и поговорить. Серж взял с собой небольшой блокнот, в котором он делает наброски. Он говорит, что готовится к тому дню, когда сможет рисовать и создавать собственные проекты по декорированию. Но главным предметом его любования остается Ида. Ей посвящено все внимание Сержа. Все еще не получив разрешения на отправку новой колонны гражданских лиц, они живут в состоянии неизвестности. Время ожидания они переживают, не думая о завтрашнем дне, не торопясь, хотя и с некоторым напряжением.

Влюбленные начали узнавать друг друга, открывать путь,

ведущий от захватывающего, свежего поцелуя к сводящим с ума объятиям, к общению за телесными рамками, единству душ, переплетенных друг с другом, обладающих одним общим дыханием. Они еще не обменялись обещаниями, но тем не менее обрели друг друга…

Комнатка, в которой живет Серж, становится их дворцом. Она скромна, но обставлена прекрасно. Когда Ида входит туда впервые, она видит на стене целую серию зарисовок и портретов, изображающих ее. Серж сумел уловить мечтательность, влюбленный взгляд, замешательство, умиление… Ида была охвачена двусмысленным чувством: она была счастлива находиться под его испытующим и любящим взглядом, но и смущена этим интимным подходом, от которого ее природная скромность приходила в замешательство. Серж хочет знать ее мнение по поводу работ. Заметив волнение девушки, он подходит к ней, нежно целует ее руку и приглашает сесть. Есть только один стул, его он ей и предлагает. Он садится на кровать и позволяет ей постепенно ознакомиться со всем, что ее окружает. Ида вскоре встает и начинает ходить по комнате, касаясь нескольких знакомых ей объектов: засушенных роз, которые свисают с края вазы бутонами вниз, набора инструментов на маленьком верстаке и кусков дерева, ждущих обработки. Чудь дальше стоит крошечный шкафчик с небольшим количеством вещей. Над раковиной – зеркало, около него – бритва и мыло, полотенце. Печь с плитой для нагрева одной кастрюли. Рядом с коробочкой с чаем стоит заварной чайник, ждет, пока его наполнят, и чашка, далее – пара тарелок, стакан и чистые, сухие, аккуратно расставленные столовые приборы. А дальше – окно, не очень большое, за ним – березка, ласкает, нежно поглаживает стекло своими светлыми ветвями. Прямо перед девушкой – небольшой столик с какими-то бумагами. На подвесных полках стоят книги. Свет в комнате слабый. На всем – глубоко индивидуальный, ученый отпечаток личности хозяина, он делает комнату немного похожей студенческую келью, – так говорит она себе. Возле кровати на тумбочке стоит фото его маленького сына с женой и еще одно фото Мити в лесу, уже совсем недавнее.

Внимательно изучив все, Ида снова садится и долго смотрит на Сержа. В ее взгляде – большая одинокая птица, величественная, спокойная, и она летит к нему. Как и положено во время птичьей миграции, она некоторое время кружит над ним, прежде чем наконец приземлиться. Серж предоставляет ей равнину, где дует легкий весенний ветерок, равнину пересекает ручей. Птица медленно складывает крылья и мгновение созерцает эту приветливую поляну, окруженную лесом, безопасное место,

где она может предаться отдыху, простому счастью спокойного дыхания, наконец-то! В течение долгого времени она остается неподвижной, внимательно прислушиваясь к малейшим признакам напряжения в теле и разуме, до тех пор, пока они не исчезают полностью. Ее перелет был таким долгим, таким изнурительным. И на всем протяжении пути ее преследовал холод, его ледяное дыхание на шее сковывало усталые крылья, и все-таки… все-таки птица продолжала свой полет, потому что знала, что однажды она найдет полянку, совсем маленькую весеннюю полянку, где будет немного воды и несколько насекомых, чтобы она могла сделать передышку и найти в себе силы продолжить путь.

Серж не помнит, что было дальше. Наверняка он знает только одно: они разделись, чтобы вместе окунуться в прохладную безбрежность такой бледной, почти серой голубизны глаз Иды, и зима, наконец, отступила…

На улицах Москвы появляется грязь. Бригады дворников одна за другой очищают проезжую часть и тротуары от коричневатого снега и льда. В город пришла оттепель! В апреле 1920 года Сержу так хотелось, чтобы кто-то взял такие же большие лопаты и убрал всю грязь, в которой завязли здесь жизни его французских соотечественников! Убежище для французов, в которое приходили поесть и переночевать до двухсот пятидесяти – трехсот человек, столкнувшихся с трудностями выживания в городе, лишилось руководства: члены управлявшего им комитета были арестованы в январе. Коммунистическая группа миссии пыталась лоббировать их освобождение, но так и не добилась успеха. Паскаль рассказал Сержу о нападках, которым он подвергся со стороны советских лидеров из-за своей открытой приверженности католицизму. Они не без удовольствия делают ставку на создание смуты внутри этой небольшой коммунистической группы, и ненависть, с которой Садуль теперь преследует Паскаля, для них очень полезна… Мужчины находятся в тюрьме, а сразу после их ареста из убежища исчезли печенье и мука. Серж пытается помочь, чем может. Он продолжает приносить соль и масло из своих запасов. Вместе с еще одним из последних членов миссии, который все еще остается на месте, он пытается поддержать тех, кто нуждается больше всех. Коммунистическая группа оказывается дискредитированной перед лицом коммунистических лидеров: во французской колонии специальным отделом ЧК было проведено расследование, без уведомления Паскаля, несомненно, это признак недоверия к нему. Последний к тому же ужасно похудел.

Его шея уже свободно гуляет в воротнике толстовки. Однажды он признается Сержу, что «ест столько, сколько может, даже соскребает остатки еды со дна брошенных тарелок, а-ля Чека». Он с горечью добавляет, что «за это время исполком выдал Садулю ветчину, шоколад, кашу, масло и т. д., поскольку он фальсифицировал просьбы о либерализации импорта шоколада и какао…». Паскалю противно и, главное, очень горько, что его подозревают, вызывают, допрашивают… «Ну, так это же Центральный комитет, там политики и полицейские, а не те люди, о которых ты понимаешь, что они говорят откровенно и без задней мысли…»

Коммунистическая группа в итоге окончательно разваливается и уступает место комитету по восстановлению, состоящему из Садуля и еще четырех человек. «Тем участникам группы, которых насильно отчисляют из его рядов (среди них и Паскаль), остается только спросить себя, в какую категорию им теперь надлежит себя отнести: невежды они или преступники». Что касается «коммуны», в которой Паскаль жил в братском согласии со своими «товарищами», то оттуда он съехал, отчасти из-за того, что у него там начали пропадать личные вещи: сначала пара брюк, потом пальто. «Это душераздирающе, я предпочитаю не думать об этом. В среде “товарищей” это уж слишком…» Вторая причина, по которой он решил съехать, – царивший там холод: «Мы, конечно, топили, но удержать тепло там было просто невозможно. Я, например, как-то всего на мгновение отложил бритву, – рассказывал он, – и, пока я пошел и проглотил четыре-пять чашек кофе, она заледенела».

Паскаль заключает: «Как мелочна и отвратительна вся эта жизнь! В самом деле, и я всегда это говорил, есть большевизм доброго русского народа, преданного, убежденного, даже наивного, идеалистического, а есть политика марксистского, интеллигентского, дипломатического, беспринципного ЦК… К счастью, обычно ей занимаются люди бесконечно умелые и даже хорошие. Чаще всего она поэтому совпадает с большевизмом масс». Серж кивает. Паскаль живет скудно, работает весь день допоздна и по возвращении съедает немного холодной очищенной пшеницы. Изолированный почти от всех своих «товарищей», он тем не менее продолжает собирать заметки для статей, которые, прежде всего, служат для лучшего познания коммунистической России. Верный себе, он живет в соответствии со своими убеждениями. Это вызывает уважение Сержа. Когда они пересекаются, между двумя мужчинами с такими разными взглядами всегда царит доверительная сердечность. Что же касается его мнений и их последовательности… Однажды

Паскаль с гордостью рассказал ему об отмене смертной казни 13 января, признав при этом, что узнал от секретаря статистического отдела, что «за день до этого декрета об отмене мы расстреляли 2000 человек!». И тут для него нет ни малейших противоречий.

Летом кузены часто отправляются на рыбалку, которая доставляет их племяннику не меньше удовольствия, чем им самим. Эдуард оказывается очень ловким и может молчать часами, если того требует долгое ожидание поклевки рыбы. А вот шахматами, к которым его пытается приобщить дядя Сережа, он интересуется мало. У него маленькая головка ангела с белокурыми кудрями, чудесные светло-голубые глаза его матери, ее тонкая и живая фигура. Но на самом деле он озорной, а своим целомудренным видом с удовольствием и умело пользуется, и благодаря этому сорванцу удается всякий раз избегать подозрений и наказаний, которые должны были бы обрушиваться на него, вслед за шалостями, которые он любит проделывать не только со своей семьей, но и с соседями. Мальчик подружился с детьми, которые живут в округе. Ида позволяет ему свободно играть с ними и не беспокоится. Мать считает, что в такой непростой жизненной обстановке игры с друзьями совершенно необходимы и помогут сполна компенсировать все тяготы.

В конце июля до них доходит известие о том, что конвой будет организован в сентябре. На этот раз Ида с Эдуардом числятся в списке. Вариантов нет. Придется уезжать. Ей и без того тяжело покидать русскую землю, а тут еще и любовь, возникшая между ней и Сержем, делает перспективу этого отъезда еще более тягостной. Благодаря многочисленным связям и стараниям, она все-таки получает письмо от Эрнеста. Кажется, он очень хочет их разыскать. Ждет их. Считает каждый день, прожитый в разлуке. Он говорит совсем как тот Нестя, которого она так не хотела отпускать из Москвы, но было это очень давно… Ида вынуждена признаться себе в том, что ничего подобного к нему больше не испытывает. Внимательная забота Сержа, его нежность, ласки и стремления теперь наполняют ее сердце. Конечно, он и сам женат, и они еще ни разу не обсуждали, какое будущее возможно у этих отношений. Будто бы пришло время перевернуть страницу их напряженного и страстного совместного выживания: все это должно будет оставаться за скобками, а дальше каждый займет свое место в мире без войн и революций, в мире, который ждет их где-то еще, который Ида не может себе представить, и она даже не уверена, что хочет в нем оказаться.

Когда Серж рассказывает Иде о предстоящем отъезде, он

останавливается только на практических деталях: документах, багаже, еде. Поездка скорее всего, будет долгой. В это время они избегают смотреть друг на друга, ее отъезд не обсуждается. Объятия влюбленных становятся все более интенсивными, глубокими, почти отчаянными. Времени у них больше нет: это время, открывшееся им в бездне настоящего, где они так счастливо жили, убегая и от прошлого и от будущего, это время вдруг заняло свое место в ходе событий. Однако они ничего не говорят, каждый понимает, что им придется пройти через горнило разлуки, одиночества, расстояния, чтобы испытать реальность своих чувств. Они молчат об этом вплоть до того дня, когда, уже на перроне вокзала, Серж наклоняется вдруг к Иде и спрашивает ее: «Ты меня дождешься? Могу ли я просить у тебя обещание нашей новой встречи, когда мы сможем свободно быть вместе?» и Ида, в порыве, который она не может сдержать, кивает и бросается в его объятия. Да, это желание созрело, оно успело созреть. Пройдет столько времени, сколько необходимо, но в итоге она будет принадлежать ему, а он – ей, ни от кого ничего не скрывая.

> *«Но факт остается фактом: время создания духов и мыла с тонким ароматом осталось далеко позади… Речи о любви, женственности и соблазнении сегодня больше нет, она идет лишь о делах человеческих во всей их дикой, невообразимой жестокости: о том, как выпустить на поле боя саму смерть»*

Когда 3 сентября 1920 года поезд трогается, вся семья окружает Сержа на перроне. Ида чувствует, что часть ее самой кричит «нет», она не хочет уезжать, не хочет бросать семью, эту землю, которую любит, и Сержа… Эдуард высовывается из окна и, пристально глядя на своих тетушек и дядьев, спрашивает, когда же он их снова увидит. В ответ – тишина, и в нем вдруг зарождается нечто. Это обещание, данное самому себе: «Однажды я вернусь!»

Поезд медленно уходит. Так начинается долгое путешествие во Францию, путешествие, которое продлится несколько недель. После строжайшей проверки на финской границе колонна беженцев останавливается в лагере в Териоках, где люди ошеломлены оказанным им приемом: свобода, изобилие; больше нет недоверия, ограничений, страха, нехватки всего. Ида видит своих попутчиков в настоящем бреду радости. Она и сама уже забыла сладость ванны, вкус некоторых продуктов, радость от самой элементарной возможности идти туда, куда ей заблагорассудится, не опасаясь агрессии или ареста. Но все-таки

она не может позволить своему сердцу окончательно уступить всеобщему ликованию. В нем остается и тревога о будущем: что им делать в Париже? Девушка, конечно, помнит немного французский, но она так давно не произносила ни единого слова на этом языке… Она должна добраться до Эрнеста. Там ей придется набраться смелости, чтобы сообщить ему, что к нему она не вернется, жить вместе они не будут… А Эдуард, как он на все это отреагирует? Тут сердце молодой женщины замирает. Сын для нее дороже всего на свете. И прежде всего она должна сохранить их любовь друг к другу. Но как ей это сделать, если она расстанется с Эрнестом?

Ни одна ночь этого долгого пути не проходит без бессонницы; Ида пытается опираться на то, что теперь кажется ей новой плодотворной почвой, на свою любовь к Сержу, и на свою внутреннюю привязанность к сыну. Да, это – то, за что она готова сражаться до последнего.

Глава 6
Во Франции

Эрнест

Осень 1920

Эрнест живет полноценной жизнью. Наконец-то он снова увидит жену и сына! Он уже больше года делает для этого все возможное и невозможное, но пока было без толку, без какого-либо эффекта. Но теперь его усилия будут вознаграждены: он увидит свою семью. В Москве он потерял все, а здесь, в Каннах, он упорным трудом умудряется восстановить свое положение. Он снова вместе со своими старыми друзьями, Полем Плено и Эженом Эстрадом, они тепло приветствуют его и помогают ему освоиться. Эрнест также регулярно видится с одним из своих братьев, который живет в Марселе. Имя Эрнеста Бо известно в парфюмерии, это залог доверия. Теперь он занимает должность главного специалиста в лаборатории Rallet в Каннах, и, конечно же, занимается полноценным творчеством.

После всех этих лет беспокойной и тяжелой жизни он вернулся из России с урожаем запахов, эмоций, пейзажей, иногда бурных, иногда наполненных странным и напряженным спокойствием. Теперь он хочет превратить их в новые ароматы. Но прежде всего, он хочет создать духи. Духи, которые он уже чувствует, которыми он практически становится одержим. Неважно, сколько времени потребуется для достижения этой цели, но аромат этот должен воплотить в себе, воссоздать его глубокий опыт Крайнего Севера. Какие яркие эмоции он испытывал на берегах рек и озер Архангельской и Онежской областей, под ярким полуденным солнцем. Эта чрезвычайная свежесть, источаемая смешанной с землей водой, которая простирается настолько, насколько хватает глаз, и придает бездонную глубину горизонту, залитому неугасимым ночным светом. В своих размышлениях Эрнест вспоминает светло-голубые глаза Иды, это бездонное небо. В тяжелое время, когда побеждает тьма, ему хочется верить, что он способен обнимать душу своей жены, раз уж ее тело так недостижимо, так неуловимо. Ему хочется верить, что он способен воссоздать это дикое благородство волшебных туманов, поднимающихся на рассвете, который не видел и следа сумерек. Эрнест знает, что может, что

должен создать эти духи, и тем самым придать смысл их разлуке, этим годам насилия и смерти и, прежде всего, этому пугающему молчанию. Наконец, это нужно сделать для того, чтобы не потерять лица любимого человека в постепенно ослабевающей памяти.

Увлекаемый этим творческим дыханием, открывающим его чувства и придающим им неведомую прежде остроту, мастер чувствует потребность описать, как он приходит к выбору, моделированию, сборке эссенций в новое творение.

«Парфюмер должен уметь анализировать запах и создавать точную память о веществах, аромат которых ему уже известен. Он сохраняет определенное количество элементов и составляет из них палитру. Затем он создает стандартные сочетания, которые служат ему для конкретных задач и облегчают его дальнейшую работу. Затем он может сочинить духи. Для этого нужна идея, он должен знать, что он хочет сделать, и все его усилия должны быть направлены на достижение поставленной цели. Все, чего ему теперь не хватает, – но это и есть самое главное, – это вдохновение, именно оно дарует ему способность изобретать новые оттенки запахов. Таким образом, как по мне, судя по творческой стороне своей деятельности, он – самый настоящий художник».

А мое вдохновение – это ты, моя снежная королева, именно твою душу я узрел в тех краях за полярным кругом.

«Созидание: речь не идет об изготовлении нового продукта путем смешивания или объединения уже известных элементов. Нет. Создание парфюма означает изобретение оригинальной композиции, в основе которой лежит хотя бы один новый элемент, который может быть нам подарен либо природой, либо химией.

Количество природных элементов, которые нам еще только предстоит открыть, действительно значительно сокращается. Экспедиции (с парфюмерами) не только способствовали бы открытию новых элементов, но и обладали бы еще одним неоспоримым до-стоинством: парфюмеры, которые принимали бы в них участие, получили бы возможность погрузиться в особую атмосферу, способствующую возникновению будущих творений».

Так это случилось со мной в Архангельске.

«Однако в поиске новых тел элементов придется полагаться не столько на исследователей, сколько на химиков, благодаря которым оригинальные оттенки запахов могут появляться на свет».

Да, именно это я и попытаюсь придумать для этого аромата. Есть возможность пойти в этот раз по новому пути, и я должен

попробовать это сделать! Нужно сохранить этот оттенок при помощи альдегидов. Это будет непросто, потому что они нестабильны и не производятся на регулярной основе.

«С другой стороны, хороший парфюм должен сохранять свою привлекательность и характер на протяжении всего времени его восприятия, он не может существовать в статике, как, например, скульптура. В этом качестве он ближе к музыке, потому что содержит в себе ряд различных ароматов, и все гармонично сосуществуют, сменяя друг друга по мере того, как он испаряется».

Вот именно в этой палитре ароматов я хочу показать поочередно накал ожидания и волнение, которое возникает, когда возлюбленная наконец появляется, стойкое ощущение ее присутствия и опьянение, которое остается, когда она уходит, вместе с возвышенной уверенностью в том, что на самом деле она все еще рядом, и твое сердце по-прежнему в ее руках, – тут должен быть длинный нескончаемый шлейф…

В сущности, парфюмер всего лишь интерпретатор: он позволяет звукам, свету, многочисленным ощущениям, доступным ему, отпечатываться на нем, подобно тому, как делают отпечатки на табличке из мягкой глины, – конечно, при условии, что он раскрывает все свои чувства, подобно новому Бодлеру, и он интерпретирует все свои впечатления во вдохновенный аромат, питаемый его культурой и его художественным чутьем…

«Да, парфюмер чувствителен ко всем впечатлениям, ко всем ощущениям. Именно эта острая чувствительность и обусловливает, быть может, то, что у него порой бывает непростой характер. Его друзья жалуются на это. Он же первый и страдает. Причина в этой чрезвычайной чувствительности, которая заставляет его воспринимать все с большой остротой, и в нервной усталости, которая представляет собой занятие таким сложным, но глубоко захватывающим видом искусства».

Он, одинок, так же, как и проклятый поэт…

Эрнест откладывает письменные принадлежности в сторону. Через несколько дней ему предстоит встретиться с мадемуазель Шанель, основавшей соб-ственный дом моды, самый востребованный на данный момент. Ей нужны духи собственной линейки. Он готов показать ей несколько вариантов.

В день встречи Эрнеста, элегантного и строгого, представляют мадемуазель Шанель. Она осматривает его холодным и прямым взглядом. Деловая женщина. В ней есть смесь дерзости, непокоренной свободы и добровольной женственности. Не его тип женщины. Да и он не относится к ее

типажу мужчин, что уж говорить. Однако Эрнест достает флаконы, и выставляет их перед мадемуазель на маленький круглый столик на изящной ножке. Она выбирает несколько вариантов из двух серий, пронумерованных от 1 до 5 и от 20 до 24. Кажется, ей приходится по душе пятый номер.

– Как их назвать? – спрашивает Эрнест.

Кутюрье отвечает:

– Я презентую свою новую коллекцию платьев 5 мая, это пятый месяц в году, поэтому мы оставим им тот номер, который вы им дали, и этот номер принесет им удачу.

Мадемуазель Шанель не ошиблась. В этом аромате есть все, что она ищет: женственность, но выраженная иначе чем это делали ранее, неподвластная времени элегантность, – это новый, оригинальный аромат, который раскрывает свои многочисленные грани по мере того, как мы знакомимся с ним.

Кутюрье рассматривает лабораторной флакон с цифрой пять. Его строгие линии соответствуют содержимому. Почему бы также не сохранить эту аскетичность флакона, добавив к нему лишь прямоугольную черно-белую этикетку с номером, ее именем, Шанель, и, конечно же, упоминанием Парижа. И ничего больше. Совершенная геометрия, содержащая бесконечность. Она счастлива. Это именно то, что она искала.

Мадемуазель Шанель благодарит Эрнеста Бо, и откладывает также No. 22, который ей очень нравится, и еще один аромат, с мощными нотами гардении. К ним они вернутся в другой раз.

Эрнест возвращается домой, размышляя об этой встрече. Странная холодность и инстинктивная дистанция между кутюрье и парфюмером немного озадачивает его, и все же он радуется. Целеустремленность и талант этой женщины придадут парфюму ауру и успех, которого он, несомненно, заслуживает.

Ида

Октябрь 1920

«Французский репатриационный центр для временного размещения беженцев и бездомных, бульвар Журдан, 48n». Ида смотрит на купон, выданный ей по приезде во Францию представителем Национальной лиги французских интересов в России. Она пробудет там с Эдуардом с 4 по 26 октября 1920 года. Три долгих недели, на протяжении которых она совершенно потеряна, мечется из одного кабинета в другой, и в то же время бесконечно благодарна всем, кто готов помочь и направить ее.

Ситуация действительно не из простых. Да, она возвращается по просьбе мужа во Францию. Нет, она не хочет к нему, вернее, хочет, но жить с ним не собирается.

В конце октября Ида с Эдуардом отправляются в Канны, чтобы встретиться с Эрнестом. Он забирает их на вокзале, чтобы отвезти домой, на виллу Сен-Анри, что находится на бульваре дю Миди. Однако Ида зарезервировала для себя комнату на вилле Ле Шармет, на рут де Грасс.

Супруги не виделись больше четырех лет. Встреча проходит эмоционально. Эрнест долго обнимает сына с такой силой, что ребенок изумлен. Эрнест чувствует, что жена и сын еще далеки от него, они потрясены путешествием, изгнанием, потерей близких, родины, языка… Даже будучи нетерпеливым, он понимает, что им потребуется время, чтобы снова стать уверенными в себе и в нем. По дороге они обмениваются всего несколькими словами, которые совсем ничего не значат. Эрнест показывает море, оно проглядывает между домиками, рассказывает о городе, о своей жизни в Каннах. Он пытается пригласить их в этот новый мир, но испытывает глубокое огорчение, ощущение, что все это им чуждо. Эрнест представлял себе яркое воссоединение, когда каждый бросится в объятия другого. И вот вместо этого он видит двух своих любимых существ онемевшими, вырванными с корнем из родной почвы, он почти что смотрит сквозь них, их лица бледные и исхудавшие, это просто озера снега, в которых плавают по два голубых глаза, отражающие бесконечность их парения где-то совершенно в другом месте. Эрнест молчит и твердо сжимает руку супруги.

Когда они приходят к нему домой, его собака радостно бросается к Эдуарду. Ребенок тоже радуется, раскрывает объятия и гладит ее, разрешает облизать себе руки и лицо. Широко улыбаясь, он сперва поворачивается к матери, потом спрашивает отца, как зовут питомца. Эрнест гладит собаку. Связь между отцом и сыном возобновляется. Эдуард расслабляется и хочет остаться со своим новым другом. Ида наблюдает за ними, и ее сердце разрывается от множества противоречивых эмоций. «Как хорошо видеть такого радостного Вову, который был совершенно замкнут на протяжении всего времени с момента отъезда из Москвы, и чувствовать, что он уверен в своем отце!» – говорит она себе. Она боялась, что ребенок забыл его, что он будет отстранен и холоден, хотя они часто вспоминали об отце. «Как изменился Эрнест! Войны следовали одна за другой и формировали нас, каждого по-своему, оставляя в наших телах и сердцах шрамы страха, боли, лишений, решений, порой радикально менявших наши жизни…» Эрнест встает и подает руку Иде. Она слабо

улыбается и протягивает ему свою. Наконец они вернулись домой.

Женщина осматривается вокруг и видит во всем отражение души своего мужа. Здесь очень мало картин и других предметов по сравнению с их квартирой в Москве, которая была полна всевозможных чудес; но утонченный, чуткий, смелый взгляд просматривается в каждой детали. В комнате приятный мягкий свет, витающий радостный аромат приглашает сесть и расслабиться, погрузиться в эту нежную домашнюю атмосферу. Ида поворачивается к мужу. Тот выглядит очень представительно. Он внимательно наблюдает за женой. Она благодарна ему за то, что у него хватило мудрости подождать, пока она сама захочет открыться ему. Их взгляды встречаются и словно притягиваются друг к другу, как магнит; нет слов, чтобы описать силу этого притяжения.

Ида трогает на пальце маленькое колечко, которое ей подарил Серж. Она чувствует, что он рядом и шепчет ей, чтобы она просто была собой. Мягкость против силы.

Ида собирается заговорить, но тут вдруг Нестя наклоняется к ней, целует и обнимает. Она так глубоко обеспокоена, что дрожит. Женщина не уклоняется от поцелуя, однако и не отвечает на него, быстро опускает голову. Нестя касается ее подбородка и шепчет:

– Мы найдем время, чтобы снова узнать друг друга…

Ида на лету подхватывает эту фразу и говорит, что да, действительно, ей нужно время после столь долгой разлуки. Она добавляет, что забронировала номер неподалеку. Эрнест поднимает бровь, не говоря ни слова. Лицо его мрачнеет.

– Ты, должно быть, устала. Я отвезу тебя домой, поговорим позже. Эдуард пока поселится в своей комнате. Мы заедем за тобой на ужин.

Ребенок все еще играет на улице с собакой. Эрнест поручает его гувернантке и отвозит Иду домой.

Перед дверью виллы Ле Шарметт он вдруг спрашивает:

– Моя Ида?

Девушка выдавливает слабую улыбку, объясняя, что устала, они поговорят позже. Она поворачивается к нему спиной и, не оглядываясь, уходит в дом, оставляя Эрнеста в дверях в нерешительности. Он чувствует перемену, происшедшую в его жене. Его по-прежнему неизменно влечет ее плавный силуэт, длинные и гармоничные жесты и эта загадка в ней, еще более ощутимая, чем в прошлом. Но есть еще кое-что. Между ними как будто висит завеса, что-то непроницаемое, делающее ее недоступной…

Эрнест задумчиво возвращается домой к Эдуарду, расспрашивает его о его жизни в России, о семье, о переезде… Радуясь, что сын вместе с ним, он постепенно, шаг за шагом возвращается в ту часть жизни, которая ускользнула было от него и о которой он так много мечтал, представлял ее, хотел прикоснуться. Он – чистый лист: он слушает и пытается уловить малейшее слово, малейший вздох, малейшее содрогание радости или тоски. Он пытается представить цвет воспоминаний, запах мест, где жил его сын, характер людей, которых он встречал. Эдуард сначала говорит мало, почти односложно, потому что отец производит на него сильное впечатление. Затем Эрнест предлагает сыну пойти погулять, и там, когда они идут рядом друг с другом, у малыша наконец развязывается язык. Прованс не имеет ничего общего с теми пейзажами, которые видел Эдуард. Соблазненный его очарованием, мальчик ошеломлен теплом, опьянен неведомыми ароматами, которые исходят со всех сторон от всевозможных трав у них под ногами и особенно этим, странным ароматом, который плывет волнами и немного опьяняет. Словно ему прямо в лицо бросили цветы, ребенок не выдерживает и поворачивается к отцу.

– Что это за запах, такой сильный?

– Это жасмин, сынок…

Тут Эрнест выпрямляется с гордым, счастливым трепетом в сердце! «Да, как хорошо будет разделить с ним все это…» Они говорят обо всем и ни о чем, и отец запросто занимает свое место в сердце сына. Он догадывается, как сильно Эдуард, даже не подозревая об этом, жаждал снова увидеть его, снова познакомиться с ним, открыть для себя того, кто был еще так молод, когда они виделись в последний раз. Эрнест берет на себя смелость сказать несколько слов по-французски и замечает, что Эдуард ничего из его уроков не забыл, но теперь говорит с сильным русским акцентом. Не страшно, они возьмутся за это, и через несколько месяцев от акцента не останется и следа. Кроме того, отец собирается записать Эдуарда в школу, это тоже поможет ему адаптироваться. Голубые глаза под этими светлыми кудрями обращены к отцу. Ребенок, кажется, счастлив его видеть, он бесконечно любопытен и уверен. «С детьми легче, чем с женщинами», – говорит Эрнест себе, вспоминая ту учтивую дистанцию, что установилась между ним и Идой после ее возвращения…

День пролетает быстро, и уже пора ужинать. Эрнест очень тронут моментами, проведенными вдвоем с Эдуардом. Хотя с людьми он и бывает резковат, к своему мальчику он чрезвычайно внимателен и наблюдает за тем, как тот, вернувшись с прогулки,

играет с собакой и устраивается в своей комнате. Комната, конечно, небольшая, но для мальчика это роскошь, которой он так давно не знал. Теперь им нужно встретиться с Идой.

Сын с отцом садятся в машину и гордо направляются к вилле Ле Шарметт. Эдуард выпрыгивает из машины и бежит, чтобы броситься матери в объятия, а затем утаскивает ее, рассказывая обо всем, чем они занимались днем. Мальчик сияет от счастья. Ида улыбается ему и благодарно смотрит на Нестю. Они возвращаются на виллу Сен-Анри и садятся за стол. Там уже приготовлен простой, но вкусный обед: птица в сопровождении бургундского вина. Трапеза проходит мирно. Эрнест рассказывает о том, как ему удалось устроиться во Франции и сообщает новости о своих друзьях. Ни Россия, ни война ни разу не упоминаются. Они погружены в настоящее. Ида говорит мало в надежде, что после обеда останется наедине с Эрнестом. Она с удовольствием вдыхает ароматы этого хорошо накрытого стола, вкусных блюд, впитывает атмосферу порядка и утонченности, которые царят в комнате. Во всем этом чувствуется влияние ее мужа. Эрнест рассказывает о своих проектах, парфюмерии, встрече с мадемуазель Шанель и надежде, которую он возлагает на одно из своих новых творений.

– Ты увидишь, Ида, вернее, почувствуешь и сразу все поймешь!.. – тепло восклицает он.

После ужина Эдуард, измученный долгим днем, целует родителей и ложится спать. Ида быстро распаковывает немногочисленные вещи ребенка в его маленькой спальне, и он тут же спокойно засыпает.

Молодая женщина испытывает двойственное чувство: с одной стороны, такое хорошее, такое сильное чувство безопасности, структурированного покоя охватывает ее при контакте с Нестей. Эдуард тоже выглядит таким счастливым вместе с обоими своими родителями. Возможно ли теперь сомневаться в единстве этой семьи? На мгновение она понимает, что все очевидно. Ей нужно только вернуться на свое место к Эрнесту. Тут нечего говорить или даже объясняться. Каждый имеет право на свою тайну в таких обстоятельствах и после такой долгой разлуки. Но потом она качает головой: «Нет, так, наверное, было бы разумнее, но я не могу скрыть того, что было внутри меня. И того, кто спас меня, – Сержа. Я не могу просто перевернуть страницу. Нам необходим этот разговор».

Ида поворачивается к мужу и начинает. Эрнест позволяет ей говорить. Он хочет знать, что между ними произошло. И тут она сообщает ему то, что так никогда и не смогла написать:

– Как я могу описать тебе то отчаяние, чувство брошенности,

которое мы испытали, когда ты уехал из Москвы после того, как оправился от отравления? Ты обвиняешь меня в том, что я не отвечала тебе. Но твои письма были так редки, а я никогда не умела лгать. Ты был в опасности, и я не хотела тебя беспокоить. А что же касается меня, мое сердце перестало биться, я была словно лунатик, бродила механически, существовала совершенно без души. И вот однажды я обрела силы, радость, несмотря на бесчисленные трудности, ужасы, насилие… Я снова почувствовала вкус к жизни.

Она рассказывает историю тех лет в Ивановском. И, вполне естественно, она говорит и о Серже. Она рассказывает Эрнесту обо всем: о своем смятении, о руке, которую этот человек протягивал в течение многих месяцев только для того, чтобы помочь ей, об их дружбе, затем – о любви, которая, наконец, стала взаимной, об этом источнике радости в жизни, полной лишений, холода и голода. Ида спокойно заявляет, что не может вернуться к Эрнесту. Глядя в лицо своего мужа, она тщетно пытается распознать его мысли. Он стоит, нахмурив брови, взгляд закрытый, жесткий. С горькой гримасой он сообщает ей, что проводит ее до дома и что они поговорят об этом завтра.

В ту ночь Иде снится, что она – на палубе корабля посреди шторма. Она знает, что будет в безопасности, если ей удастся вернуться в каюту, где ее ждут Эдуард и Эрнест, но она не может. Ветер хлещет ее, необъятные волны раскачивают корабль и словно влекут ее к себе. Ида не в силах ни за что уцепиться, она неумолимо скользит к краю борта, к разверзшейся за ним пропасти… И тут она просыпается, сердце колотится, пытается успокоиться. Несомненно, что отныне с Эрнестом никогда не будет как прежде. «Ты же знала это, нет?» – спросила она себя. Да, но такой твердости на его лице она никогда не видела. Что, если он разлучит ее с сыном? Это было бы хуже всего. Но нет, Эдуарда он не может забрать у нее, уж точно нет. Ах! Если бы только Серж был здесь! Нет у нее здесь ни друга, ни кого-нибудь, кому она могла бы рассказать о своих страданиях. Всю оставшуюся ночь она ворочается в постели, не может заснуть. Надо срочно написать Сержу, может, он сможет дать ей совет…

У Эрнеста ночь тоже проходит не лучшим образом. Не тоска, конечно, а холодная злоба, чувство унижения, предательства, огромной боли разрывает его сердце. Не зная сна, он один за другим вспоминает моменты встреч с Идой с начала войны и безуспешно пытается выяснить, когда же, да, когда это началось? Может, раньше, чем она говорит? Уже в тот день, когда они сошли с поезда, шедшего из Харькова, накануне войны, этот мужчина был с ней, не так ли? Словно невидимая рука хватает

его за горло, а затем сжимает сердце так сильно, что он едва может дышать. Он встает, чтобы попить воды. «Успокойся! Она же твоя жена». Ведь у него и у самого было несколько приключений во время войны, но ничего серьезного. Женщину, которую он любит, зовут Ида. Может, после всех этих потрясений ей просто нужно время, чтобы снова ему поверить? И она забудет этого персонажа? По ее словам, именно то, что она почувствовала себя брошенной, подтолкнуло ее в объятия этого Сержа. «Если я утешу ее, если я успокою ее, она может вернуться ко мне. Я уверен, что она любит меня. А пока нужно сохранять спокойствие и делать все, чтобы вернуть ее в наш дом».

Дни идут, Ида и Эрнест пытаются найти общий язык. Ида хочет сохранить отношения с Эдуардом, но остается твердой в своем решении не возвращаться к Эрнесту. Доверие было подорвано раз и навсегда, с обеих сторон, теперь она точно знает это. Он использует свое обаяние, чтобы попытаться привлечь ее к себе, но его сложный характер, который после войны и разлуки лучше не стал, часто берет верх. В эти моменты он бывает резким, даже авторитарным не только с ней, но даже и с Эдуардом, да и с кем угодно еще. Это только укрепляет Иду в решении быть осторожной, сдержанной. Когда муж обнимает ее и целует, она чувствует себя не в силах сопротивляться этой могущественной силе. Однако она больше не знает того горького ощущения одиночества, которое супруги когда-то испытывали вместе. Их тела, измученные борьбой и внутренними сомнениями, скручиваются и извивается, яростно сходятся и, наконец, разъединяются, оставляя горький осадок в сердце каждого. «Нет, это не то…»

«Революция набирает обороты и ускоряет темпы. Мы – ее свидетели…»

Так у них обоих возникает идея, что они все-таки должны расстаться. Супруги начинают разговаривать о разводе. Ида находит работу в Париже, и этот перерыв, несомненно, будет полезен для обоих, чтобы муж и жена смогли увидеть вещи более ясно. Эдуард пошел в школу, ему будет полезно побыть с отцом, по крайней мере, так их уверяет Эрнест, и Ида соглашается. Ей самой еще предстоит организовать свою жизнь в Париже. На данный момент ребенку лучше расти здесь. Тем более, что в своем новом классе он кажется счастливым. Эдуард подружился с Жоржем, сыном Эжена Эстрада, который стал другом Эрнеста на всю жизнь. Два мальчика стали неразлучны. Ида рада за Вову. Она помнит, как ему было больно, когда он вынужден был

расстаться с дочерью Кати. Это правильно и очень хорошо, что у него тоже есть свои привязанности. Что же касается ее самой…

Поезд везет ее в Париж, к Сержу. Тот пишет ей эмоциональные письма. Его жена тяжело больна и, конечно, он не может развестись с ней в такой момент. Однако Серж уже рассказал ей об их будущей разлуке и своих чувствах к Иде. Он надеется, что они с Идой смогут быть вместе к концу зимы. Они встретятся в Париже и переедут жить в Прованс, чтобы быть ближе к Эдуарду и чтобы мальчик мог приходить к ним домой, при этом не разлучаясь с отцом. Полная надежд и решимости Ида берется за работу и шьет, шьет не покладая рук. Поверх стежков она вышивает свое будущее, сладкое будущее, с сыном и любимым мужчиной, в доме, полном живности, на юге. Она мало ест, беспокоится о своем ребенке, которому пишет каждый день, шлет ему всякие мелочи, все, что может помочь ему разделить ее собственную жизнь и показать ему, что мать никогда не прекращает думать о сыне Ида предлагает мальчику подобрать для нее какие-нибудь красивые камешки, если он найдет их во время прогулок. Она придумывает для него сказки с продолжениями. Всеми этими словами и маленькими подарками она пытается сохранить крепкую, живую связь между ними.

Серж наконец приезжает к ней, и их воссоединение бесконечно сладко. Она плачет от радости, а он без устали любуется ей. Живут в маленькой гостинице, без особых средств, в кредит. Когда приезжает Митя, сын Сержа, между Идой и восемнадцатилетним юношей с добрым и простым характером быстро завязывается откровенное товарищество. Как только Серж сможет организовать свой проект, о котором он с другом уже активно думает, все трое отправятся в Марсель. Это будет компания по продаже обжаренного кофе. Они снимут виллу Белль Виста в Сент-Анн. Так что они могут брать к себе и Эдурда. Серж пытается утешить молодую женщину, которую мучает мысль о том, что она теряет время, которое могла бы проводить с сыном. Она чувствует, что приносит его в жертву своей любви. Ида чувствует себя виноватой настолько, что ее щеки начинают впадать. Она горит желанием увидеть Вову, и недели, которые проходят в разлуке с ним, кажутся ей слишком долгими. Серж в свою очередь беспокоится за нее. Это уже не та молодая радостная и нежная женщина, которую он знал в Москве. Она дважды возвращалась в Прованс, не имея возможности слишком долго находиться вдали от Парижа из-за своего непростого положения. Она максимально любезна с Эрнестом и неуклонно принимает все его косые взгляды и неприятные комментарии, когда он сообщает ей о том, что она «бросила» сына и мужа ради

другого мужчины. Сообщество русских французов невелико, о ней ходят слухи. Ида остается прямой, с отстраненным выражением лица, но из-за холода и льда, охвативших ее, ничего не видно, кроме отсутствия, сдержанного и покорного, но словно мыслями она пребывает где-то еще. Однако она обижена и теряет уверенность в себе; бессонными ночами она снова и снова возвращается к выбору. Но, по правде говоря, она знает, что не способна жить рядом с мужчиной, которого больше не любит. До тех пор, пока она снова не сможет быть вместе со своим сыном, а однажды он обязательно будет вместе с ней, нужно держаться. «Все это пройдет…» – повторяет она про себя.

Эрнест тоже понял, что не вернется к жене. Его разочарование и боль тяжелы. Он принимает решение резать по живому. Ида больше не хочет его, поэтому он будет тем, кто расстанется с ней. Действуй и не страдай. Он инициировал бракоразводный процесс после того, как в декабре послал к ней судебного пристава с требованием вернуться в супружеский дом, «предложив принять ее и обеспечить ее необходимым в соответствии с ее способностями и ее состоянием», на что она ответила формальным отказом, так как «больше не намерена жить с ним и больше не испытывает к нему никакой привязанности». Именно эти слова будут указаны в свидетельстве о разводе. Но тогда она не понимала ни смысла действий пристава, ни их значения.

В январе 1921 года в Каннах она встречает адвоката Эрнеста, который убеждает ее приостановить бракоразводный процесс, настаивая на том, что это будет лучше для будущего ее сына. В любом случае, говорит он, ей разрешат видеться с ним несколько раз в месяц, также она сможет проводить с ним по половине месяца на Рождество, Пасху и летние каникулы. Ида знает, что на данный момент у нее нет средств, чтобы обеспечить потребности сына, и она соглашается, думая, что все так и будет оставаться в подвешенном состоянии на протяжении того времени, которое ей потребуется. Она надеется, что позже сможет жить в Марселе с Вовой. Такова ее цель, и Серж работает над ее достижением. Так что лучше подождать. Но Ида не осознавала последствий обращения адвоката. То, что временно для нее, оставившей опеку над ребенком Эрнесту, окончательно для адвоката. На самом деле это делалось для того, чтобы избежать малейших судебных исков с ее стороны. Еще меньше внимания Ида придает словам адвоката о том, что делопроизводство ведется на французском языке, и что бумаги, которые нужно подписать, соответственно также написаны по-французски. Она верит в благородство Эрнеста,

дружелюбное отношение которого к ней все хвалят, и в то, что он позволяет ей видеться с сыном так, как ей заблагорассудится, в любое время, когда она приходит. Так что она все подписывает.

Потом женщина откладывает бумаги, повестки в суд и другие письма в сторону, думая, что развод будет совершен полюбовно, когда придет время, так как этого хочет и Эрнест. Тем не менее процедура идет своим чередом, без ее ведома и к тому же весьма стремительно, так как с ее стороны нет никакой реакции. Она не появляется в суде, и за нее там никто не выступает. Она не берет адвоката. С точки зрения французского законодательства ее отказ возобновить совместную жизнь представляет собой «серьезное оскорбление». Окончательно развод будет объявлен через два месяца, 28 февраля 1921 г., «исключительно по вине женщины, и опека над ребенком возложена на отца». Ида, конечно, получила уведомление об этом приговоре: письмо, которое осталось закрытым и до сих пор находится в папке с административной почтой, которую она не открывает. Таким образом, она пропускает период обжалования и в июле окончательно теряет родительские права на сына…

Когда до нее доходит, что произошло, она покоряется, смертельно раненная. Всю свою жизнь Ида теперь будет сохранять вид существа, ушибленного жизнью, и, что еще хуже, чувствовать себя ответственной за свое собственное крушение. Напрасно Серж говорит ей, что сына у нее «забрали силой», что она его не «бросила», она замыкается в себе и страдает молча.

Весной Ида и Серж переезжают в Марсель. Ей удается регулярно навещать сына, она поддерживает хорошие отношения с Эрнестом в интересах ребенка. И хотя Эрнест, всегда добрый к ней, позволяет ей приходить, когда ей заблагорассудится, ребенка к ней он никогда не отпустит. Однажды, когда Вова заболевает гриппом, мать впадает в панику. У нее к тому времени сломалась машина, и она дважды в день ходит пешком, согнувшись пополам под суровым мистралем. Ида умоляет Эрнеста позволить ей взять с собой Вову, чтобы присматривать за ним и согревать его, заботиться о нем. Эрнест отказывается. Он чувствует, что его сын может подвергнуться «влиянию извне» и не собирается это допустить. Серж и он ненавидят друг друга. Убитая горем, опасаясь за здоровье своего ребенка, Ида пишет Эрнесту, что тот не думает ни о ком, кроме себя…

В этот день Ида понимает, что она теперь совершено потеряна. У нее, кажется, больше нет никаких прав на любимого сына. Все целиком и полностью зависит от доброй воли Эрнеста… К счастью, ребенок выздоравливает.

В другой раз Эрнест объявляет ей межу делом в ходе

разговора, что думает отправить Эдуарда в Шанхай, где находятся его сестра и друзья, и что так будет лучше для их сына. Ида чувствует, как земля уходит из-под ног. Ее охватывает паника. Серж успокаивает ее. Она должна оставаться сильной и спокойной и противостоять этому замыслу. Эдуард не поедет в Шанхай, и, вероятно, об этом никогда не было и речи. Если это действительно намерение Эрнеста, то «значит, – твердо прибавляет Серж, – что он уже сыт по горло и хочет избавиться от него во второй раз, как уже сделал это в Москве». Эти слова суровы. Решение увезти Вову от матери Серж принимает как попытку удовлетворить раненное самолюбие и желание мести. Эта «выдуманная» история о Шанхае – всего лишь способ заставить мать страдать, да еще и отомстить. Но ей нужно держаться. Да и поездка эта состояться не может. Однако этот медленный яд достиг своей цели. Теперь она знает, что Эрнест не простил ее. Он выказывает ей свою щедрость и, к счастью, хотя бы позволяет ей увидеть своего сына, но она больше никогда не сможет забрать его к себе. Такова месть Эрнеста…

Чувство «своей вины», о котором все стараются ей напомнить, переполняет ее и вселяет сомнения в ее разум. И эти сомнения в самые серые и холодные часы ночи шепчут ей на ухо, что, может быть, ей следовало бы проигнорировать свои чувства и остаться ради сына с мужем. Но она не могла этого сделать, да и Эрнест был не из тех, кто мирится с женщиной-призраком. Ведь так? Этот маленький рефрен сомнения приходит и уходит, играя на клавиатуре ее эмоций, притупляя ее радости, не давая до конца поверить в новую жизнь с Сержем. Несмотря на ее влечение к нему, она не выйдет за него замуж. И девочку, о которой он мечтал, она тоже дать ему не сможет.

Эрнест женился во второй раз 25 ноября 1922 года на Ивонн Жиродон, молодой уроженке Канн, год спустя она подарила ему дочь Мадлен. Ивонн смуглая, пухленькая, веселая, наделена незаурядными кулинарными способностями, чем восхищает крайне требовательного в этом вопросе мужа. Трудно представить женщину, более отличную от Иды. Ивонн всегда будет глубоко враждебна по отношению к Иде. В день свадьбы Эдуарда, много лет спустя, Эрнест потребует (наверняка не без влияния Ивонн), чтобы Иду туда не приглашали… Молодожены увидятся с ней отдельно… Эрнест никогда не простит ее.

Ида разделяет с Сержем богемную жизнь, в которой проекты следуют один за другим с большим или меньшим успехом, но в которой они вместе, с неизменной нежностью и заботой друг о друге, сталкиваются с трудностями, которых, правда, становится

все больше. Продажа кофе, ферма, выставка и художественная мастерская – ничего из этого толком не получается, и Ида возвращается к тому, что ее волшебные пальцы умеют делать с талантом, – к шитью. В 1931 году они поселились в Ницце, на шеман де Гротт, недалеко от моря, где Ида открыла небольшую мастерскую, носящую ее имя. Она шьет костюмы для различных спектаклей и благодаря своей работе даже имеет удовольствие общаться с Федором Шаляпиным, несравненным русским басом. Она продолжает заниматься на фортепиано и петь. Музыка остается ее прибежищем. Также, как и молитва. Подруга-англичанка познакомила Иду с трансцендентальной медитацией, в которой она обрела источник относительного покоя. Мать издалека следит за жизнью своего сына, который сейчас живет в Париже. К сожалению, ей не удалось сохранить те отношения, основанные не любви и доверии, которые у них были раньше. Зажатый между матерью, которая была для него всем, прежде чем покинуть его по возвращении во Францию, и чрезвычайно требовательным и строгим, даже суровым отцом, следуя образцу прусского воспитания, которое Эрнест получил от матери, ребенок чувствует себя брошенным и более или менее сознательно винит в этом Иду. Непроработанная рана от этой разлуки, поддерживаемая негативным отношением к Иде отца и мачехи, объясняет те напряженные отношения, которые со временем складываются у сына с матерью. Однако много позже он заберет ее в свой дом в Париже, на улице Родье, это случится уже после смерти Сержа, незадолго до Второй мировой войны.

Эдуард превратился в стройного юношу, наделенного определенным обаянием, необычайной жизненной силой, преуспевающего во всех видах спорта, особенно в конном и прыжках с трамплина. У него светлые вьющиеся волосы и глаза, наполненные той странной и далекой голубизной, передавшейся ему от матери, которая не перестает трогать тех, кто окружает молодого человека. Юноша унаследовал силу отца и его крайнюю художественную чувствительность, но он больше склонен к литературе. Изучал русский язык в Сорбонне, в Институте сравнительного правоведения и в Национальной школе восточных языков. Эдуард выполняет для Галлимара первый перевод романа Толстого «Воскресение», работает над другими произведениями. Перевод русских литературных работ – его страсть. Молодой переводчик находит правильное слово, даже если его иногда приходится искать на протяжении нескольких дней или даже недель. Он любит выстраивать фразы так, чтобы следовать мысли автора, стремится соблюдать их форму и ритм, но и при этом

старается сделать так, чтобы речь текла естественным образом, звучала органично на другом языке. Однако переводы не могут прокормить мужчину, тем более, что он быстро ушел из отчего дома и стал жить в одиночестве, вдали от отца, с которым оказался в итоге в откровенной оппозиции. Эдуард, которому нужно было мало сна чтобы выспаться, любил проводить вечера в ресторанах или ночных заведениях, а утром он уже занимался морским страхованием на работе, а потом уже был у Дрейфуса, перед этим успевая поработать над своими текстами: уточнял их, придавал им желанную форму, руководствуясь искренним стремлением к совершенству.

Россия всегда была в центре его жизни. Эдуард женится на красивой темноволосой цыганке Марии Димитриевич против воли своего отца, но ему уже нет дела до его мнения. Мария танцует, поет и очаровывает, как и ее сестра Валя, с таким низким голосом. С Марией он находит и семью, которая принимает его. Димитриевичи также покинули западную часть России в 1921 году, но они поехали тогда на восток, в путешествие, которое привело их из Владивостока в Харбин, затем в различные города Китая, Японии, Индии, Ближнего Востока и, наконец, в Египет. В 1930 году они прибыли во Францию, отправились в Париж и пользовались большим успехом в столичных кабаре, где встречались все русские эмигранты. Их любимое место – кабаре-ресторан «Золотая рыбка» на Монпарнасе, где и обосновывается труппа. Теплая непосредственность, безграничная щедрость, радость и художественный талант, окутавшие Эдуарда, пролили бальзам на его сердце изгнанного и одинокого ребенка. В доме Димитриевичей, в Аньере, ночи, проведенные в изобилии теплых нот, ярких красок, аутентичных песен и танцев, дают ему незабываемый вкус жизни, здесь его жизненная сила, его жизнерадостность находят выход, он с головой погружается в общение и испытывает настоящее ощущение праздника. Он общается с художниками, скульпторами, мыслителями этого эмигрировавшего и очень возвышенного русского мира. Люди, которые несут в себе ту Россию, в которой они родились и которую они никогда не смогут покинуть, отвергая все, что в ней происходит, нападая на все, чем она стала. В этом горниле изгнания с привкусом страданий, а часто и бедности рождается фейерверк мысли, напряженный духовный поиск, который пылающим путем ведет их – кого к масонству, кого к православию. В жизни никогда не бывает полумер. Когда начинается Вторая мировая война, Эдуард уходит бригадным главнокомандующим 73-го конно-артиллерийского полка в

Люневиль. В 1940 году он получает травму ноги и, став инвалидом, демобилизуется. По итогам боевых действий он получит Военный крест с бронзовой звездой.

Война оказывается поворотным моментом в его жизни. Ему еще нет тридцати. После боев, вернувшись в Париж, он узнает, что Димитриевичи уехали в Южную Америку. Мария бросила его. К этой сердечной ране добавляется физическая: у него болит нога, и он больше не обладает прежней подвижностью, ловкостью и спортивным мастерством, которые он культивировал. Для Эдуарда «без здорового тела не может быть здорового духа», и отныне с этим телом нужно будет бороться и примиряться, чтобы оно сохраняло свое законное место в его жизни: не может быть и речи о том, чтобы сдаться и бросить верховую езду, бег… Жизнь в военные годы в Париже стала для Эдуарда суровее, и он работает усерднее. Какое-то время Эдуард работает в библиотеке консерватории, затем, в 1944 году, его принимают в военное министерство в отдел военного контроля информации по русским вопросам. В качестве переводчика молодой человек участвует в международных конференциях (Париж – Москва) в 1946 и 1947 годах. Эдуард все-таки возвращается в Россию, в Москву, из которой уехал двадцать шесть лет тому назад.

Необычайное чувство охватывает его, когда он ступает на родную землю. Что-то дрожит у него внут-ри и признает эту землю своей. Однако воспоминания семилетнего ребенка не соответствуют тому, что сталинская Россия сделала с его родным городом. Но когда молодому человеку все-таки удается добраться до домика в Мансуровском переулке, его сердце колотится в бешеном ритме. Встретит ли он там своих дядьев, Володю и Сережу?

В первые годы вдали от России Иде удавалось поддерживать переписку со своими двоюродными братьями Павлом, Сережей и Володей. Несмотря на расстояние, ничто не могло лишить их радостных воспоминаний о совместной жизни. Так, в 1923 году Сережа писал ей: «Было бы так хорошо, если бы вы с Сержем приехали в Россию. Здесь он обязательно найдет себе занятие. Вы могли бы поселиться рядом с нами. Мы могли бы ходить друг к другу в гости и петь вместе…» Потом письма из России стали приходить все реже. Наконец до нее дошло письмо Володи, пролившее свет на их молчание. Он смог написать его во время поездки в Маньчжурию в Харбине в 1927 году: «Отправка почты из России сопряжена с опасностью вызвать подозрение, многие люди были заключены в тюрьмы из-за самых безобидных писем». Он сообщил ей эту новость и попросил больше не переписываться: «Жить было тяжело все эти годы, да и сейчас не

намного легче. Я справляюсь, но, конечно, не стоит даже думать о том, чтобы жить так, как мы когда-то жили. До свидания, потому что однажды мы снова встретимся, ведь так?»

Какой болезненный разрыв! Для Иды ее прежняя жизнь, ее жизнь в России в детстве и потом, когда она была молодой матерью, все те, кто был в ее сердце, кого она поминала в своих вечерних молитвах, – все это осталось скрыто в ящике ее памяти. Ида часто оставалась с ним одна, взгляд ее терялся в бесконечности, которая гасла с каждым словом.

Однако двадцать шесть лет спустя эта тишина нарушается, когда Эдуард появляется в маленьком домике своего детства с письмом от матери для Володи и Сережи. «Вдруг, – пишет Володя в письме Иде, это письмо он отдаст Эдуарду в его второй приезд, – идет Вовочка! Как в сказке! Я его, конечно, не узнал, а когда он представился, то немного растерялся и так и остался растерянным до тех пор, пока он не ушел. Только потом, оказавшись один, я взял себя в руки, и тогда мне захотелось обнять его и расцеловать, чего я не сделал, и тогда я совсем расстроился!»

По возвращении во Францию Эдуард отдает письма от кузенов своей матери, а та читает и перечитывает их, прижимая к сердцу и плача. Она узнает, что Сережа был еще в 1930-е годы сослан в Архангельскую губернию за политические преступления, которых он не совершал, но, к счастью, ему удалось вернуться оттуда. Павлу повезло меньше: его арестовали в 1938 году, затем, после какой-то видимости суда, он был расстрелян за шпионаж, обвинение в котором оказалось сфабрикованным. Церковь в Ивановском снесли и на ее месте построили школу, завод был разрушен во время войны, деревня тоже сгорела. Володя признался ей: «Я не знаю, как нам удастся пережить этот болезненный период, потому что у нас уже нет ни сил, ни здоровья, ни морального духа, как раньше. Будет ли у нас шанс встретиться снова? У меня больше нет надежды. Раньше я в это верил, но теперь вряд ли удастся. Так грустно писать тебе это письмо, которое может стать последним! Не пиши мне, и я тебе тоже не напишу. Будем надеяться, что наступит день, когда мы сможем обнять друг друга!» Сережа добавляет совсем краткое письмо: «Я не могу подобрать слов, чтобы выразить радость, с которой я получил это сообщение от тебя. Мы помним тебя и продолжаем думать о тебе на протяжении всех этих долгих лет. Мой возраст и состояние здоровья уже не позволяют мне надеяться увидеть тебя снова. Но если это все же случится с нами, эта встреча будет самым счастливым изо всех мгновений, что мне осталось прожить! PS: Я долго не видел Вовочку, но все же сразу

заметил, что это твой сын. Он мне очень понравился. Целую тебя еще раз. Твой Сережа».

Ида больше не увидит Сережу. Но, когда она вернется в Россию в шестидесятые годы, она получит огромную радость от встречи с Володей. Тогда она, уже старушкой в синем тюрбане, наконец, после сорока лет отсутствия доберется до страны, которую она никогда не переставала носить в себе. Она приедет несколько раз, пока жив ее двоюродный брат, и будет счастлива разделить с ним несколько мгновений жизни.

Эдуард сохранит в памяти об этой короткой и единственной поездке в Россию ощущение окончательного разрыва. Послевоенная сталинская Россия накрыла страну его детства непрозрачной, мутной мантией. Он страдает оттого, что видит бедность и разорение своей семьи. Он видит, как страх и недоверие друг к другу истощают людей. Этот унизительный признак угнетения. Но все-таки, верный своей любимой стране, по возвращении он находит убежище в своих переводах из совсем другого времени. Он погружается в эту неведомую ему сибирскую вселенную, в рассказы Короленко, сосланного по политическим мотивам еще при царе. Молодой переводчик продолжит свой путь дальше на восток, навстречу этим кочевникам, странникам, охотникам, изгнанникам, которые живут, растянувшись до края света среди дикой и беспощадной природы, и будет рассказывать странные и красивые истории, родившиеся под пером русского писателя. Чтение и перевод этих сказок захватывают Эдуарда, он погружается еще глубже в безбрежность тайги, далеко, туда, где не перестает завывать ветер. Теперь это будет его внутреннее пространство, его идентичность изгнанника в «другой» России.

Эрнест тоже по-прежнему влюблен в родную землю, но он никогда туда не вернется. Даже вопроса об этом не может быть. Большевики создали ему солидную репутацию, и за его голову до сих пор назначена цена. Так он и живет Россией в настоящем, черпая все русское вокруг себя. Книги, музыка, живопись – он терпеливо собирает с нуля новую коллекцию русского искусства. Эрнест часто посещает русские питейные заведения, кабаре и рестораны и общается со многими эмигрантами. Это не по вкусу Ивонне, закрытой для русской культуры. Однако она будет идеальной хозяйкой для всех его гостей, особенно для парфюмеров, которых он не преминет приглашать в свой дом.

У Эрнеста сложилась репутация выдающегося мастера: No. 5 войдет в анналы парфюмерии как беспрецедентный успех. В январе 1923 года, через два месяца после женитьбы на Ивонн, он переехал в Париж, где теперь и живет. Он покинул Rallet ради

работы в Париже в качестве генерального агента дома Hugues Aîné, производящего экстракты и сырье для парфюмерии в Грассе. За три с половиной года оборот дома увеличился в четыре раза, что принесло Эрнесту уважение и дружбу начальства. В 1925 году Пьер и Поль Вертхаймеры, связанные с мадемуазель Шанель, основали компанию Les Parfums Chanel и предложили Эрнесту поступить к ним на службу в качестве технического директора. Своими творениями он способствует значительному расширению коммерческой деятельности фирмы, работает на построение репутации всемирно известного дома. Кроме того, он сотрудничает с домом Bourgeois в качестве создателя и технического консультанта и тоже приводит его к успеху: под руководством Эрнеста Бо он становится одним из крупнейших парфюмерных домов. Без сомнения, требовательность к качеству и знание сырья (венгерская роза, марокканский жасмин и т. д.) в сочетании с творческим гением делают его выдающимся парфюмером.

> *«Да, парфюмер чувствителен ко всем впечатлениям, ко всем ощущениям. Именно эта острая чувствительность и обусловливает, быть может, то, что у него порой бывает непростой характер…»*

Его творения пользуются большим успехом, среди них No. 22, Gardenia, Bois des Îles, Cuir de Russie для Chanel и Soir de Paris, Kobako для Bourgeois.

В 1948 году Эрнест празднует двадцатипятилетие плодотворного сотрудничества с Les Parfums Chanel и Bourjois. Свалившаяся на него слава побуждила Эрнеста взять на себя другие обязанности, например, стать членом редакционной коллегии журнала «Индустрия парфюмерии» (Industrie de la parfumerie). В декабре 1927 года парфюмер был назначен советником по внешней торговле. На Всемирной выставке 1937 года в знак признания он награжден золотой медалью как сотрудник компании Les Parfums Chanel.

Эрнест – человек со вкусом и требовательностью ко всему. Истинный гурман! Будучи членом гастрономического «Клуба ста» (Club de Cent), он уделяет особое внимание дегустации искусно приготовленных блюд и сопровождающих их вин. Церемония подачи вальдшнепа, например, у Эрнеста сравнима с чайной церемонией на Востоке. Непотрошеных вальдшнепов готовят в духовке. Все гости сидят за столом, они должны быть предельно внимательны. Фламбированные птицы подаются на тостах. Их деликатно надрезают вдоль и позволяют себе насладиться их несравненным ароматом и вкусом… Эрнест выбирает вина,

доставляет их в бочках, а затем вместе с сыном, которого он посвятил в этот ритуал. «Кортон-шарлемень» и «Вон-романе» не являются чем-то особенным для этого великого любителя Бургундии. Когда он выходит отобедать или отужинать в известном ресторане (таком как «Лука Картон»), персонал встречает его по-королевски, но с трепетом: он очень ценит искусно приготовленное блюдо, но крайне требователен, всегда готов объяснить шеф-повару, как исправить блюдо, если он считает, что оно не соответствует тому, что заявлено в меню. Эти кулинарные экскурсии заставляют Эрнеста с удовольствием преодолевать километры: чтобы вкусно поесть, он не остановится ни перед чем!

В Париже квартира на бульваре Делессер, в доме 11-бис, которую Эрнест занимал до самого конца жизни, была наполнена драгоценностями, картинами, гобеленами, изделиями из бронзы. Как мудрый коллекционер, он выбирает каждую вещь с любовью. Страсть к Наполеону все еще живет в нем. Так, например, он может быть абсолютно счастлив, если увидит в аукционном зале кровать Бертье, маршала Империи. Возле своего стола парфюмер поставил бюст Александра I, и тот пристально буровил его взглядом, как только он отрывался от работы. И вот по вечерам Эрнест иногда засыпает в постели этого «маршала в тени», доблестного офицера и размышляет о походах Наполеона и о судьбе своего деда, шедшего с императорской армией на русские земли… а днем вспоминает силу и хитрость царя, сумевшего оттеснить Орла и его мужественных и дотоле непобедимых воинов. Между Францией и Россией, прошлым семьи Эрнеста и его собственной историей существует мощная связь, которая живет в нем и которую он никогда не прекращает изучать и укреплять.

На протяжении многих лет Эрнест Бо остается офицером запаса, наделенным, по словам его руководителей, «отличными достоинствами порядка и методичности», признанным «добросовестным работником, оказавшим ценные услуги штабу армии, 2-му бюро разведки». «Вполне вероятно, что в случае мобилизации он незамедлительно займет позицию». Однако 7 декабря 1938 года, когда Вторая мировая война начинается, Эрнест уже в преклонном возрасте. Поэтому именно его сын будет сражаться и защищать честь рода. Эрнест же во время войны живет в Вандее, в Мушане, куда, к величайшей радости, к нему приезжает его сестра, Жанна. Он думает о том, чтобы обезопасить свою семью, поселившись на западе страны, в этом прибрежном районе. Но Франция оккупирована, и немецкие офицеры решают реквизировать его дом. Его вилла Ле Седре –

большая, удобная, с прекрасным видом на окрестности, идеально подходит для того, чтобы стать штаб-квартирой. Но Эрнест так не считает и дает им на безупречном немецком понять, что он сам будет выбирать комнаты, которые они будут занимать, а не наоборот. Никто даже и не думает оспаривать его слова, и в результате он остается хозяином своего дома…

После войны Эрнест сближается с сыном. Его дочь Мадлен выходит замуж и пробивается в мир кино. Эдуард принимает приглашение отца войти в парфюмерное производство, начинает карьеру парфюмера в Bourjois. Там Эдуард будет работать над контролем сырья, экспертизой производства, а потом – заниматься исследованиями. К удовольствию Эрнеста, у сына оказывается настоящий парфюмерный талант. Эдуард любит творить. Он очаровывает жену и друзей, предлагая им свои последние творения, среди которых есть особенный аромат – No. 2021, который он создал для Жильберты и который никогда не поступит в продажу.

У Жильберты лицо с тонкими, прекрасными чертами, с загадочным налетом ностальгии, при этом она обладает ослепительной жизненной силой. Взгляд ее карих глаз парфюмер попытался выразить через древесные ароматы пробкового дуба на изгибе горной тропы с оттенком сладкого меда, цветущего земляничного дерева, обещающего зиму с тысячей красных фруктов. Ласковый взгляд, который все знает без слов, но также в аромате есть и радость жизни и жажда познания, расцветающая, как весенний сад под благодатным дождем. Вот что Эдуард чувствует в этих оттенках запахов, которые он повсюду отыскивает и умудряется запечатлеть для нее в духах…

Эрнест видит Эдуарда вместе с Жильбертой, он высоко ценит молодую женщину. Что-то в ней есть, чем она способна его покорить. Жильберта начала работать в очень раннем возрасте, чтобы помочь своей матери и младшему брату. Это, однако, не помешало ей посещать вечерние курсы и быстро продвигаться в мире финансов. Ее поразительный ум, твердый здравый смысл, ее неизменная верность в сочетании с неотразимым обаянием, лучезарной женственностью – вот что трогает свекра в девушке. Один лишь взгляд на Жильберту вызывает в его сердце сладкое уважение и, наконец, немного успокаивает рану, нанесенную Идой. Да, надо же, такая женщина может существовать в реальности… Он несказанно рад за сына.

Эпилог

27 ноября 1960

Появляется на свет Натали, первый ребенок Жильберты и Эдуарда. Супруги рады рождению маленькой девочки, они ждали ее целых десять лет. Что и говорить о том, как рады ей Ида и Эрнест!

Эрнест был серьезно болен, до такой степени, что все думали, что настали его последние дни. Однако его невероятная жизненная сила позволила ему еще раз преодолеть очередной недуг и даже с некоторым юмором: однажды, когда он лежал неподвижно, весь в волдырях и ранах, он нашел в себе силы жутким голосом произнести: «Но кто разбавил мое вино?». Ивонн думала, что поступит правильно, если немного порадует мужа, долив ему в воду чуть-чуть вина… Значит, Эрнест возвращается к жизни. Да, он любит жизнь. Он уже приближается к своему восьмидесятилетию. Скоро должна родиться его первая внучка! Какое-то новое чувство пробуждается в нем, такое мягкое и при этом такое сильное, что сам он удивлен ему. Он начинает мечтать, представлять это маленькое существо. Он уже дорожит им. В сердце пожилого человека рождается нежность и ему уже не терпится передать этому ребенку то, что он носит в себе. Как? Приходится пока купировать это желание. Но он знает, что надо держаться, и стараться поправиться изо всех сил, чтобы увидеть ее, а уж потом, если его время пришло, он может уйти, умиротворенный.

27 ноября эти эмоции захлестнули его сердце как никогда, они полностью завладели им. Когда дедушка сможет увидеть новорожденную? Он топает ногами от нетерпения и радостно приветствует охватившее его волнение.

Эрнеста не станет 8 мая 1961 года, меньше чем через шесть месяцев. Этот период его жизни целиком посвящен Натали, и несколько раз в неделю Эрнест поднимается, опираясь на трость, наверх по адресу рю де Винь, дом 39. Он знает, в какое время может побыть с ребенком наедине. А кроме свой внучки он не желает видеть никого. Его свидания – только с ней. Дедушка подходит к ней, садится рядом и разговаривает. Девочка лепечет и смотрит на него своими миндалевидными глазками, даже пытается улыбнуться ему, хватая протянутый к ней палец и крепко сжимая его, на удивление крепко. Эрнест и Натали. Никто не видит их вдвоем, но одно можно сказать наверняка: он может

рассказать ей все, что никогда не мог сказать остальным. Благодаря своей совершенной невинности, она поймет все, чем он ни захочет с ней поделиться, и будет нести это все в себе. При этом малютке уже известны страдания, радости, безмерная любовь к жизни, в ее венах течет глубокая сила, которой она делится с ним, и, кроме того, она знает, что ничем невозможно обладать, но при этом так легко радоваться всему. Старик наклоняется к ней и очень нежно целует. Теперь он может идти.

Натали стала настоящим сокровищем и для Иды, так страдавшей от потери своего Эдуарда, любимого сына, который ушел от нее после их возвращения во Францию, бессознательно упрекая ее в том, что это она бросила его… Теперь бабушка отдает всю свою накопившуюся любовь Натали. Она аккомпанирует ей на пианино, шьет ей костюмы балерины и красивые платья для первых выходов в свет. Карманы Иды всегда полны сладостей, а когда она ведет ребенка на спектакль или в кино, ее лицо озаряет неизменная улыбка. Больше всего на свете Ида будет стремиться познакомить и подружить девочку с музыкой, и именно она отведет ее, еще совсем маленькую, на первый концерт в ее жизни. Она играет для нее, готовит для Натали маленькие блюда, удивительно сладкий вкус ассоциируется у ребенка с бабу, которую она просто обожает. Обе они любят друг друга безоговорочно, и когда однажды из проезжавшей мимо машины слышится что-то оскорбительное в адрес бабушки, кто-то осмеливается назвать ее «старым кротом», ребенок в глубоком шоке сжимает кулачки. Но старушка продолжает идти с благородным равнодушием и спокойным голосом шепчет девочке, слегка пожимая ее руку:

– Это ерунда!

В квартире, где бабу живет с котом (слегка враждебным и с точки зрения Натали совершенно неинтересным), никогда не гаснет лампадка перед иконой. Ребенок с бабушкой вместе молятся и часто разговаривают, обо всем и ни о чем, среди фотографий и коробок, сложенных под столом. Мягкий и нежный запах плывет по комнате и приятно обволакивает сознание маленькой девочки, которая засыпает рядом со своей бабу. Снаружи голубь бьется крыльями об оконное стекло. Ида обнимает Натали и предается мечтам… «Нет большего счастья, чем обнимать своего ребенка.»

Послесловие

В самом начале 2018 года российский кинорежиссер Вахтанг Лашаури связался с нашей семьей, чтобы навести справки об Эрнесте Бо. Он был очарован характером моего деда и хотел снять о нем документальный фильм. Из-за очень конкретных вопросов, которые он нам задавал, я немного глубже погрузилась в семейные архивы, которые моя мать ранее очень тщательно классифицировала. Чтение военных рапортов деда, личных послевоенных писем, официальных бумаг (паспорта, свидетельства о браке и т. д.), изучение фотографий – все это подталкивало меня к тому, чтобы собрать воедино историю, которой я, честно говоря, совсем не знала, мне были известны только отправные точки. Этот опыт оказался таким захватывающим! Когда я поняла всю сложность задачи, которую я перед собой поставила, я решила приступить к исследованиям, чтобы попытаться лучше понять эту эпоху. Я надеялась найти записи о моем деде в Национальном архиве (НА) в Кью, в Лондоне, и в Службе исторической защиты (SHD) в Венсене.

Ничего личного, однако, там найти мне не удалось. Но благодаря кропотливой детективной работе я тем не менее смогла лучше восстановить исторический и военный контекст различных миссий, в которых Эрнест Бо участвовал во время войны, в частности – французской военной миссии в России, в Москве и Киеве и Английский экспедиционный корпус, что размешался на Крайнем Севере России. Армейские личные дела военнослужащих позволили мне пролить свет на военное прошлое друзей моего деда, даты их рождения, их профессии. Книги и статьи еще больше обогатили этот поиск. Я с головой погрузилась в Первую мировую войну, революцию и Гражданскую войну в России.

Постепенно стали обнаруживаться новые обстоятельства, появлялись вопросы, уверенность притуплялась. Возможно ли было выбрать какой-то правильный путь и ступить на него в те смутные времена, в которые погрузились мои герои, простые мужчины и женщины? Это было вопросом жизни и смерти, не больше и не меньше. Не только для тела, но и для души. Тогда-то мне и открылось, в общем, очевидное: правильный путь – тот, который позволяет быть верным себе.

Меня поразили изменения, произошедшие с лицом моего деда после войны. Он уже не был прежним человеком, до такой степени, что я даже начала в какой-то момент сомневаться, что на довоенных фотографиях действительно был запечатлен он. И все

же… чем больше я погружалась в это путешествие, шла по его жизненному пути, тем больше я угадывала между строк, что формировало, если хотите, выковывало его как личность в горниле битв и принятых им решений.

Его выбор состоял в том, чтобы всегда идти в бой: с начала войны, когда он мог бы быть освобожден от повинности, и особенно в 1916 году, когда его могли демобилизовать после очень серьезного отравления. Для него порядок приоритетов был ясен. Бороться за Отечество нужно было даже с риском для жизни, даже если это угрожало браку.

Большевистская пропаганда голосом одного-единственного писателя[4] создала ему дурную славу. Приступая к своему исследованию, я была готова ко встрече с правдой, какой бы она ни была. Когда я нашла в его бумагах копию арестантской записной книжки, где в нейтральной форме упоминались визиты младшего лейтенанта Бо, я поняла, что он был не палачом, а человеком, жаждущим правды. Невозможно пытать тех, кому ты даешь возможность высказаться, описать ситуацию в блокноте. Я не знала своего деда, но о нем я знала только то, что был жестким, непримиримым и чрезвычайно талантливым почти во всех областях. Благодаря этим бумагам, которые он позаботился привезти из России, я открыл для себя мужественного человека, жившего в соответствии со своими ценностями, не терпевшего каких-либо компромиссов. Я научилась любить его, дорожить им, понимать его.

Что же до моей бабушки, той самой бабу, которую я обожала, потому что она была самой замечательной бабушкой, о которой только можно было мечтать (главным образом, должна признаться, потому, что безгранично баловала меня, мы занимались с ней всем, что мне нравилось, – музыкой, танцами, и молиться с ней я тоже любила…), то она полностью скрыла от меня существование Сержа, которого не стало задолго до моего рождения. Я знала, что она развелась с моим дедом и совершенно невольно лишилась опеки над своим ребенком. Она так и не простила себя. Однажды она сказала это в присутствии моей матери: «Я должна была держаться, остаться ради Эдуарда». Несомненно, в то время мы слишком поспешили осудить ее. Не зная всех подробностей той ситуации…

Я хотела знать, кем же был тот человек, с которым она снова обрела вкус к жизни. Кто же этот Серж, настолько покоривший ее? Не было ни одной его фотографии, но сохранились все письма Сержа, написанные после возвращения во Францию, до того момента, как они воссоединились. Я изучала их самым внимательным образом. Я размышляла обо всех вещах, которые

он смастерил и которые в итоге украшали квартиру моей бабушки. Они указывали на его изобретательность и несомненный художественный талант. К счастью, я нашла данные военной карьере Сержа в Службе исторической защиты и смогла их восстановить. Больше я ничего найти о нем не смогла, но и того, что удалось собрать, уже было достаточно, чтобы получить представление о личности Сержа и дать ему занять заслуженное место в этой истории.

По моей просьбе бабу несколько раз коротко рассказывала о своей жизни в России. У меня есть два дневника, один на русском, другой на французском, и показательно, что оба они кончаются в один и тот же день: день начала войны. Я также нашла ее личные документы того времени, они были разорваны, а затем склеены вновь. Неужели так не хотела возвращаться в это прошлое, настолько оно было болезненным, или просто не знала, как объяснить внучке, что могла чувствовать молодая женщина, оказавшаяся в суматохе войны и революции?

О том, какие чувства и переживания испытывали мои дедушка и бабушка в тот период войны, когда они так долго находились в разлуке, мне ничего не известно. У меня есть одно-единственное письмо от Эрнеста к Иде, написанное в 1932 году. Это – единственная нить, связующая меня с их интимным прошлым.

Мне нужно было вообразить его и соединить этот роман со всем историческим материалом, который мне удалось собрать. Одно я знала наверняка: мне хотелось дать каждому то место, которое они по-настоящему заслужили: мой дед был не мучителем, а лишь бескомпромиссным, безмерно преданным человеком, жаждавшим истины; моя бабушка не была ни плохой женой, ни плохой матерью, бросившей сына, а женщиной, встретившей другого мужчину в тот период, когда она в одиночестве столкнулась с муками и опасностями. Она пошла за этой любовью, совершенно не подозревая что – увы! – потеряет сына.

Чтение дневника заключенного во время гражданской войны, как и тот выбор, который сделали мои бабушка и дедушка, – все это вместе привело меня к осознанию невероятного насилия, которому подвергались люди, оказавшиеся в суматохе, подобной той, что случается во время войны, когда исчезают ориентиры. Мне тогда показалось, что настоящий вопрос состоял в том, чтобы отыскать в себе ту движущую силу, которая позволит каждому выжить и продолжать идти вперед, не разрушая себя при этом внут-ренне… И так началась моя писательская работа.

* * *

Я бесконечно благодарна всем своим родственникам за их сердечную поддержку при подготовке этой книги и за то, что они были столь любезны, чтобы читать ее черновые варианты. В первую очередь моей матери, Жильберте Бо, бесценной и единственной непосредственной свидетельнице многих историй о моих бабушке и дедушке. Аните Давиденкофф я приношу искреннюю благодарность за ее воспоминания о той Москве, которую она так хорошо знает, Марку и Надин Андрониковым – за их мудрые комментарии, а также Жерару Пельпелю, другу моего отца и парфюмеру: его мнение было особенно важно для меня. Большое спасибо Тьерри и Франсин Вьель, а также Эммануэль Арнодес, лучшим и драгоценным корректорам, за их рысьи глаза!

Я была тронута вниманием и поддержкой моих детей – Камиллы, которая никогда не уставала от моих частых воспоминаний и вопросов, и Эммануэль за ее неусыпную корректуру, которая была крайне полезна, и ее энтузиазм, который окрылял меня. Пусть это свидетельство передаст им немного той России, которую они несут в себе, а также мужество их предков, по крайней мере столь же значительное, как и их любовь к жизни.

И прежде всего я многим обязана своему мужу Николя Грималю и Ги Ставридесу. Их бескомпромиссная корректура была очень ценна для меня и послужила источником обучения. А дополнительно она была обогащена последующей корректировкой всей издательской группы Macha. Я искренне благодарю их.

* * *

Если у меня и получился роман, то содержание его – историческое. Мне кажется, что будет полезным сообщить некоторые подробности о моих источниках для тех, кто хотел бы знать больше.

Основной мой источник – личные архивы Эрнеста Бо и Ираиды де Шоенайх. Но эти данные были дополнены письмами, отчетами и документами, с которыми я ознакомилась в Службе исторической защиты (SHD) в Венсене, а также в Национальном архиве (NA) в Кью. К этому я добавила и некоторые другие источники. Следующие примечания указывают, какие из них я

использовала в каждой главе.

Часть I. Глава 1. Письмо Нести к Иде

За следующее описание духов Bouquet Napoléon – «пряный, слегка древесный и шипровый одеколон с оригинальной нотой, которую добавлял бальзам египетского происхождения» – я благодарна Октавиану Северу.

Воспоминание о влюбленном Императоре и его «брачной галантности» можно увидеть здесь:

Napoleon, Journal anecdotique et biographique de l'Empire et de la Grande Armée (том 2, стр. 719–720).

Глава 4. Траншеи и газ

В этой главе цитируются истории, которые можно найти в l'Historique du 29e régiment d'artillerie de campagne pendant la guerre de 1914–1918, этот материал доступен на сайте Gallica.bnf.fr.

Рассказ Поля Плено вдохновлен воспоминаниями генерала Шамбе, их можно найти здесь: Route sans horizon: Les Eaux sanglantes du beau Danube bleu (Plon, 1981, гл. IV, «Pavel Ivanovich»).

Часть II. Глава 1. Подготовка и Революция

См. свидетельство сестры А. Дежай о грабежах и бесчинствах, которым подвергались немцы, жившие в России, в начале войны 1914–1918 гг., цитируемое Софи Хаскеноф в Les Français de Moscou et la Révolution russe (1900–1920) (Champ Vallon, Ceyzérieu, 2017, с. 251),

Истории о голом мужчине в автобусе и о жизни в Москве в 1917 году – это снова рассказ генерала Шамбе, Route sans horizon: Les Eaux sanglantes du beau Danube bleu (Plon, Париж, 1981, с. 244–245).

Глава 2. Москва – Киев

О встрече Эрнеста Бо и Сержа Катуара в Москве,

рассказывают Жаком и Соланж Дютфуа, Dutfoy Catoire Levé: Histoire de famille (Saint-Quentin, 2007, https://fr.calameo.com/read/00009614777ab85f00a8d).

Глава 3. Прощание с прежней жизнью

Рассказ о нищем генерале в Москве взят из дневника, который вел в этот период Иван Бунин, он опуб-ликован в 1926 году под названием «Окаянные дни», а затем переведен на французский язык, и во Франции вышел под названием Jours maudit (Paris, Éditions Bartillat, 2018, c. 23).

Глава 6. Кто ты, заключенный?

Информация о Славяно-Британском легионе взята из личных архивов Эрнеста Бо и досье АН, в частности WO 158/725: «Onega operations July & August 1919 – Origin, formation and Mutiny of 1st S.B.L (Dyer's Bn) July 1919»

Информация о лагере для военнопленных на острове Мудьюг взята из личного архива Эрнеста Бо и досье NA WO 106/1178: «Parliamentary Question – Concentration Camp for suspected Bolcheviks at Muding Island».

Благодарю Вахтанга Лашаури за то, что он смог на основании российских архивов рассказать мне об итогах суда и дальнейшей судьбе Хрисанфова. Я также благодарна ему за информацию, которую он предоставил, об истории Дрейера.

Что касается Дрейера, то следует отметить, что в Архангельске его имя носит улица, правда, получила она его очень поздно, только в 1987 году, тогда как один из его товарищей, Терехин, еще в 1920 году дал свое имя городу. Так кого же реабилитировали в 1987 году? Кто тот герой, которого прославили в лице Дрейера, в эпоху перестройки? Одно можно сказать наверняка: не самый убежденный коммунист…

Часть III. Глава 1. Отъезд из Архангельска во Францию

Воспоминание о северном происхождении Chanel No. 5 de есть в статье Эрнеста Бо, «Souvenirs d'un parfumeur» из журнала Industrie de la parfumerie, vol. 1, № 7 (октябрь 1946 г. с. 230).

Глава 2. Одна?

О промышленнике Эмиле Жермине см.: Софи Хаскеноф, Les Français de Moscou et la Révolution russe (1900–1920) (Champ Vallon, 2017, с. 278–282).

Глава 3. Аресты, экспроприация, голод и морозы

Выдержка из записки о Красной армии и Красной гвардии, написанной П. Плено в военное министерство, 2-е управление Генерального штаба, 12 декаб-ря 1918 г. (архив SDH, досье Садуля).

Воспоминание о французской жизни в Москве в 1918–1919 годах вдохновлено Софи Хаскеноф, Les Français de Moscou et la Révolution russe (1900–1920) (Champ Vallon, 2017, гл. 17–19).

Описание конвоя, репатриировавшего французских монахинь в марте 1919 года, также дано Софи Хаскеноф, Les Français de Moscou et la Révolution russe (1900–1920) (Champ Vallon, 2017, гл. 19, с. 317–323), согласно свидетельству сестер.

О Садуле и его письме директору L'Humanité см. досье Садуля, архивы SHD.

Глава 4. Ждать в Москве?

Воспоминания о Пьере Паскале и его отношениях с Садулем вдохновлены его дневником: Пьер Паскаль, En communisme: Mon Journal de Russie 1918–1921 (L'Âge d'Homme, Лозанна, 1977, с. 18–20 и 43–44).

Глава 5. Вдали от Эрнеста

Рождественская статья в «Правде», цитируется в переводе Пьера Паскаля, En communisme: Mon Journal de Russie 1918–1921 (L'Âge d'Homme, Lausanne, 1977, p. 117–118).

Цитаты из Пьера Паскаля En communisme: Mon Journal de Russie 1918–1921 (L'Âge d'Homme, Lausanne, 1977, с. 16, 17, 46, 116, 119, 122–123, 127, 133, 138, 140, 141, 144 и 146–148).

Воспоминания о возвращении беженцев взяты у Софи Хаскеноф, Les Français de Moscou et la Révolution russe (1900–1920), (Champ Vallon, 2017, с. 327).

Глава 6. Во Франции

Отрывок из интервью с Эрнестом Бо, «Souvenirs d'un parfumeur», Industrie de la parfumerie, vol. 1, № 7 (октябрь 1946 г., с. 228–231); Бернар Куантен, «Les Membres du comité de rédaction de Industrie de la parfumerie», Industrie de la parfumerie, vol. 7, № 5 (май 1952 г., с. 152–153); «We Meet a Master Parfumer», Soap, Perfumery and Cosmetics, vol. 29, no 1 (январь 1956 г., с. 72–74); Анри Робер, «Deux grands parfumeurs à l'honneur Ernest Beaux», Parfumerie, Cosmétique, Savons, vol. 3, no 7 (июль 1960 г., с. 273–275).

О Димитриевич см.: Дмитрий Голицын, «Aliocha: Des Dimitrievitch aux tziganes Dimitrievitch», Études Tsiganes, № 23–24 (Париж, 2005, с. 158–175).

Фотографии

Москва

Магазин товарищества «А. Ралле и К°» в Москве, на углу Кузнецкого Моста и Неглинного проезда. 1896

Эрнест Бо в своем кабинете

Ralle № 1. 1913

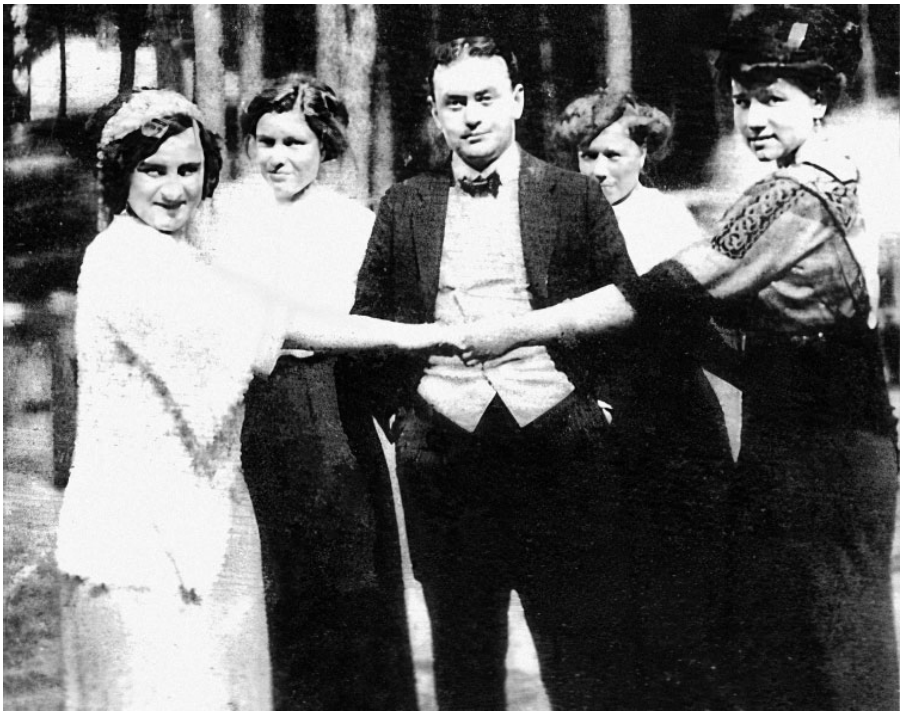
Букет Наполеона, созданный к 100-летию Бородинской

битвы. 1912

Chanel № 5. 1921

Коко Шанель. 1913

Эрнест Бо. 1921



Коко и Эрнест среди друзей

Chanel № 22. 1922

Улица Камбон, 31, первый магазин Шанель. 1910

Галерея Лафайет. 1914

Mademoiselle Chanel.1948

Париж

notes

Примечания

1

Слово партитура происходит от итальянского partitura, буквально – разделение на части. Во французском языке у слова partition сохраняются оба эти значения, и двойственность значения в названии главы не случайна.

2

После возвращения основателя «Ралле» во Францию, компания была куплена Леоном Шири, производителем парфюмерии из Грасса. Московская фабрика «Ралле» была национализирована в 1917 году, а весь французский персонал был репатриирован на завод Шири в Ла Бокке, где компания была основана вновь, с прежним названием – Société A. Rallet & Cie (Rallet).

3

Ревель – название, под которым большей части мира был известен Таллин в период с XIII по первую половину XX в.

4

Вероятно, имеется ввиду Павел Рассказов и его книга воспоминаний «Записки заключенного» (1928), где он охарактеризовал Эрнеста Бо следующим образом: «Агентом контрразведки, как учреждения пыток, застенков и бесчеловечного мучения людей был лейтенант Бо. Бывший крупный московский коммерсант, среднего роста, толстый, с круглой бритой обрюзгшей физиономией, напоминающей бульдога, с широкой инициативой в проявлении зверств, Бо был типичным жандармом и охранником. Под его „отеческим попечением“ находился лагерь военнопленных на острове Мудьюге».